

Артемий Нечаянный

МЯЧ НАД ЗЕМЛЕЙ

КОРОМЫСЛО

Артемий Нечаянный
Коромысло

«Автор»

2026

Нечаянный А.

Коромысло / А. Нечаянный — «Автор», 2026

Русь. 76-й век. Дух отошёл — и мир потерял равновесие. Вернуться к природе, уповать на пророчества или довериться кристамозгу? Если быль не изжита — будущее под вопросом. Если уснуло небо — время земле проснуться. Если мелеет разум — надо нырнуть поглубже и отыскать свой город под водой. На границе двух рек, двух княжеств и двух миров скрыта последняя надежда.

© Нечаянный А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аз. Глава 1. Проблеск маяка	5
Планета голых обезьян	12
Глава 2. На светофоре судьбы	13
Глава 3. Удар с разворотом	21
Когда увезли учебники	29
Глава 4. Колоколомна	30
День кристаллизации	39
Глава 5. Остров детства	41
Буки. Глава 6. Чистилище	51
Осада Эрзяни	62
Глава 7. Геометрия Светлояра	63
Глава 8. Виды озерной фауны	73
Глава 9. Битва ведунов	81

Артемий Нечаянный

Коромысло

Аз. Глава 1. Проблеск маяка

Не умножай существующего — не унижай себя подражанием.
Отвернись от зеркала бытия и твори всё новое, ибо ты человек.
Надпись на могиле неизвестного стихотворца

Узкий каменистый проход тянулся всё дальше, уводя Мяча в непроглядную мглу. Было ясно: человеку зашел не туда, и тупик уже поджидает его, считая шаги. Но Мяч всё равно катился по выпавшей ему ветке, повторяя на своём наладоннике ее причудливые изгибы.

По правилам он должен был бежать, но волхв уже не помнил правил. Не созданный для долгих дистанций, он шел как мог, ускоряясь только по требованиям лича.

«И куда спешить? Всё равно выход обрящу не я» — ворчал он, готовясь к очередному рывку. Светильник на его шлеме скользил по мокрым стенам, отыскивая в тумане очертания всегда внезапного поворота. Гулко топая по мохнатым плитам, Мяч наступал на спящие числа, через шаг исчезающие в серой мгле.

Весь мир свернулся в бесконечную кривую: ползи вперед — и ни о чем не думай. Но Мяч не мог не думать. Он всё сильнее подозревал, что попал в петлю. Всматриваясь в числа, проплывавшие под ногами, он пытался вспомнить, не видел ли их прежде — но числа смеялись над ним, путая своей безликостью. Давя их ботинком, волхв сжимал в ладони зеленый маркер, похожий на жезл фараона, отмечая пройденные повороты светящейся буквой «Я».

Так он и шел, высматривая в тумане проблеск оставленных им знаков.

«Сколько еще идти?» — спрашивал он себя, тяготясь затянувшейся одномерностью.

«Дин-дон», — раздалось в его шлеме, напоминая, что человеку в этом мире не один. Мяч остановился, переводя дух. В голове зазвучал голос вожатого:

— Михайла, я обрел выход! Отверзаю врата!

— Внял тебе, Саша. Иду следом, — просипел он, опасаясь выдохнуть вместе с ответом последний остаток сил.

«Ну вот и всё», — с облегчением подумал Мяч, шагая в расплывающееся лиловое пятно.

Наладонник вспыхнул созвездием новых веток, покоренных Ляксандром. Изучив карту, волхв с досадой отметил, что выход скрывался в левом нижнем квадрате.

«И пошто я сразу не пошел туда? Ведь был же чуй!» — обругал он себя и стал соображать, куда идти дальше.

Постояв с минуту, он поднял взгляд и снова выругался: на стене белела жирная хвостатая стрелка, оставленная для него вожатым. Мяч двинулся на запад, глубокими вздохами выгоняя из легких туман. Здешний воздух был прозрачен и сух, обещая близость исхода.

— Поднажми, салага! — донесся из шлема командный голос Ляксандра.

Мяч попробовал перейти на бег, но виски тотчас застучали, требуя привала. Пришлось вернуться к привычному шагу.

После поворота проход наконец перестал кружить и стал ровным. Впереди что-то мерцало. Мяч знал, что это кончинный маяк. Ласковое сияние напоминало звезду, посетившую когда-то его детское небо. Увидев ее, маленький Миша застыл, выронив из заиндевшей варежки готовый к полету снежок.

Мяч ускорился. Лазоревый свет придавал сил, заставляя верблюжьи ноги двигаться быстрее.

«Ну, здравствуй, вот и я!» — только и успел подумать он, врезавшись в 45.

Поросшее желтым мхом, оно насмешливо смотрело на него из-под намокшего ботинка и вдруг стало быстро разбухать, преграждая путь раскидистыми гроздьями чисел.

«Только не сейчас...» — застонал Мяч, сбиваясь с шага.

«45 — это просто отметка. А может, вообще ничего. Забудь. Не думай».

— Сорок пять — это наш аз-резон... — послышался чей-то голос. — Мы забыли сменить его на последней наладке.

Мяч остановился, погружаясь в воронку быстро вращающихся формул:

«Если отнормировать аз-резон по числу Маха...»

— Эй, ведомый! Чего мешкаешь? Сейчас сожрут! — окрик водителя вернул его к яви. Ляксандр уже окончил свой бег и теперь следил за ним, находясь по ту сторону точки кончины.

Мяч вздрогнул — кто-то яростно дышал ему в спину. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять: позади цербер. Одичавший, трехголовый, ростом с крупного лося, он догонял всё живое, что двигалось недостаточно живо, чтобы жить. Особенно его привлекал собой ритма. Любая задержка в движении пахла свежей кровью.

Понимая, что ему не уйти, волхв побежал. Цербер не торопился — двигаясь следом, он равномерно обдавал Мишину спину жаром, будто готовил мясо на огне. Мяч пытался ускориться, но не мог: мышцы ног забились, предательски задеревенев.

— Давай на толкач! — крикнул водитель и был прав.

Оторваться от цербера можно было только сильным прыжком с толкача. Его плоская, отполированная словно паперть, ступень со скрытой пружиной виднелась в паре саженей.

Рассчитав шаг, Мяч с разбега вскочил на нее опорной левой ногой, но ступня его подвела. Зацепив ботинком за край, волхв полетел вперед, ощущая всем телом внезапную легкость.

Звезда маяка блеснула ему напоследок и исчезла. Перед глазами всё поплыло. Выставив руки, Мяч летел навстречу заросшему мхом полу — летел так долго, что успел хорошенько рассмотреть узоры замысловатых трещин.

«Ладная вязь», — отметил он, влетая в потертый гранит.

Где-то высоко разодрал тишину погребальный рев цербера. Словно младенец, человек сжался в комок и, потянув за шнур аварийного исхода, сорвал с головы уже ненужный шлем.

* * *

И словно тот, кто, тяжело дыша
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,
Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

Данте

В глаза бил невыносимо белый свет уходящего вверх купола. Лежа на гладком полу, Мяч наблюдал, как замедляются вокруг самоприводы, привыкая к мысли, что он еще жив. Здесь, в сердце Акижива — Академии исследования жидкостей и воздуха, — людей когда-то учили летать. В Сибирскую войну отсюда сражались ястребы Перуна, а потом, по воле благого Трояна, устроили пуганик. Всё в нем работало согласованно: пол, стены и даже воздух подчинялись кристамозгу, гладко погружая человека в путаную навь.

«Даже слишком гладко. Исход могли бы сделать и помягче», — подумал Мяч, растирая колено.

Бесстрастный голос из купола объявил:

— Испытание окончено. Произошло падение. Вы уловлены цербером.

После короткой паузы голос добавил:

— Уровень «два-веди» пройден на девяносто семь долей. Благодарим за попытку.

«Чёрт, не достало всего трехсот сажений», — с досадой посчитал Мяч.

— Благой Сварог, по правде, я почти добежал! Дозволь засчитать мне сей забег?

Лич вспыхнул красным, возвращая отказ. Волхв закусил губу. Оставалось смириться и пройти искус заново.

С трудом поднявшись, Мяч пошатнулся и пошел к выходу. Овальная самодверь покорно отворилась. Придумывая оправдание перед Сашкой, человеке поплелся в омывальню. Он шел по спиральному коридору, оставляя на гладких холодных стенах отпечатки соленых ладоней.

— Опять дрыхнешь на ходу, Вий тебя подери! Третий раз заваливаем уровень! — проворчал нагой Ляксандр, выходя из водяной клетки.

— Тяжело бежалось сегодня, ноги едва слушались, — вяло произнес Мяч, стягивая с себя костюм второй кожи.

— Тяжело — потому что ты тяжкий! Худеть тебе надо, вон как разжирился.

Вожатый хлопнул себя по античному животу.

— А то без тебя не ведаю! — огрызнулся волхв, ненавидя свое растущее пузо.

— Благой Троян, назначь мне воздержание в пище! — громко попросил он, входя в клеть.

— Только со следующей седмицы... — добавил он шепотом.

Лич подмигнул зеленым — лукавая просьба была услышана.

Встав на отпечатки чьих-то бледных стоп, Мяч поднес дрожавшую ладонь к зрачку, следившему за ним из-за стены. В ответ что-то щелкнуло и со всех сторон полилась теплая, будто материнские слезы, вода. Вместе с потом она возвращала земле скопившуюся в теле усталость. Полоса здоровья на запястье медленно зеленела. Мячу казалось — каждая его клеточка пела.

И только аз-резон не давал голове расслабиться и впустить тишину.

«Как же мы могли забыть про него? Может, Зинка нарочно пропустила наладку?»

Неприятная догадка ужом скользнула под череп.

Мяч мотнул головой, вытрясая гадливый образ.

— Эй, опять дремлешь? — удар в дверцу вырвал его мысли из пара.

— Тут я... — буркнул он, завершая омовение.

— А хочешь весть? — примирительно спросил Сашка, перекрикивая шум включившегося сухова. — У меня вчера было собеседование с какими-то айболитами.

— И что? — вяло отозвался человеке, подставляя волосы под горячий ветер.

— К наместнику вызывали. Спрашивали, чем занимаюсь, куда восхожу.

Мяч высунул взъерошенную голову и попытался понять, не шутит ли он. Невысокий, коренастый Ляксандр Булеклиев стоял перед зеркалом и боронил гребнем свой по-перунски стриженный ежик. Кровь Чингисхана бродила в его поджаром теле, не находя себе выхода.

— Ну и куда ты восходишь? — спросил волхв, убедившись, что приятель не шутит.

— Да неважно куда! Мутные они, вот что. Сплошные тайны. Готовы ли вы послужить благому Трояну? А что за служба — молчок. Кот в мешке, да и только.

— А вдруг это кот Средингб́ра? — пошутил Мяч, вспоминая парадокс зернового естествознания.

— Кого? А... — отмахнулся Ляксандр. — Вот вызовут тебя к наместнику — там и выказывай свою смышленность.

Закончив с прической, он будто в седло запрыгнул в серые шаровары. Надетая серебряная косоворотка окончательно придала ему вид академического волхва.

— Да кому я нужен с такой былиной? — усмехнулся Мяч, направляясь к поставцу.

— Ну не скажи. Все мы тут кому-то надобны, — философски изрек вожатый, подходя к двери.

— Будь здоров, не падай! За трапезой увидимся! — бросил он на прощанье.

— До встречи, — кивнул Мяч.

Лениво одевшись и нацепив на нос запотевшие очки, он вышел в коридор и в ожидании чёлна привалился к стене, повторяя за Сашкой: «надобны», «за трапезой».

«Эти слова из века семидесятого будут... Покорение ногайской орды. И вот покоренный потомок всю глаголет на языке победителей».

Волхв невесело усмехнулся. В голове промелькнули хмурые послевоенные лица; город, захваченный обезьянами; грузовики, увозящие куда-то учебники — и древнеяз, корявый, но спасающий. Мяч будто бежал по заплутавшей лесной дороге, рядом с которой любой путаник выглядел бы прямой линией. Вот только аварийного шнура на ней не было.

* * *

Из Устава пестуна

«При обучении кристамозга пестуну надлежит хранить ровность чувств. Гнев человеческий есть главная помеха правильному мыслепотоку».

Створки перед Мячом бесшумно разошлись. Поправив очки, он вошел в прозрачную клеть прибывшего за ним чёлна. Коснувшись запястьем значка нужного ряда, он развалился на сиденье и закинул руки за голову.

«Вверх, налево, вперед, паки налево и вниз...», — мысленно проходил он знакомый путь, освежая двигательную память.

Акижив напоминал ему рыжий муравейник. Но, в отличие от муравьев, знать его устройство сотрудникам не полагалось. Путаное движение чёлна легко сбивало ориентацию в пространстве.

Выйдя из клетки, Мяч разбудил запястьем зрачок под славянской надписью «Ряд ИЗ-1». Проснувшись, тот приветливо блеснул, пропуская внутрь.

Слегка прихрамывая, человек шел по родному ряду Исчислительного Звуковедения. На крупных пожелтевших часах было без четверти девять. Дойдя до середины, он остановился и постучал в дверь с полинявшей табличкой «Нач. ряда Липатов А. Л.».

Не дождавшись обычного «да входи, не съем!», Мяч заглянул внутрь. Палата мастера пустовала. Лишь Мертвое море ласково плескалось в настенном пузыре, висящем напротив крепко сбитого стола.

«Странно... Где же он?»

После завтрака Али обычно сидел у себя, изучая свежую сводку. Пожав плечами, Мяч прошел к следующей двери с блеклой надписью «Учебная палата 1-аз». Он не понимал, отчего все таблички в Акиживе старились так быстро. Совсем недавно эта надпись радовала глаз девичьей новизной — теперь она выглядела старухой. И только красный неоновый запрет: «Не входить! Идет обучение!» не поддавался коварству времени.

Приложив запястье к двери, Мяч резко дернул за ручку. В тот же миг, спрятав за спину розовый сообщник, Зинаида приняла озабоченный вид. Подняв голову, она спросила голосом диктующей учительницы:

— Ты всё уразумел, Малыш? Готов к следующей доле?

Зина говорила с оком, свисавшим с потолка черной изогнутой каплей. Из его глубин ответил почти обычный детский голос:

— Еще потрбно четверть часа, извольте подождать!

Это сказал маленький кристамозг, которого Мяч пестовал уже несколько месяцев. Здешние волхвы ласково звали своих питомцев — комами.

— Приветствую, сколько долей сегодня прошли? — спросил он у трудницы, стараясь не выдать голосом вспыхнувшую неприязнь.

— Приветик, подмастерье! — ответила она, напомнив Мячу о его невысоком научном звании. — Всего четыре.

Зина сказала это как бы с сожалением, поправляя пружинистый локон. Увидев, как волхв хромает к своему креслу, она спросила:

— Ой, а что у тебя с ногой? Неужто опять запнулся в путанике?

Мяч махнул рукой и плюхнулся на сиденье. Приняв человеке в свои объятия, самокресло подстроилось под его нелегкое тело. Заботясь о его спине, оно всегда знало, какое положение ему сейчас полезнее.

— Сильно зашибся-то? — не унималась Зинка, вытягивая трубочкой янтарные губы.

— Со мной всё мерно! — отрезал Мяч, не желая обсуждать с ней свои падения.

Зинаида была навязана ему наместником в обход благого Велеса. Она не была глупа, но делала ровно столько, сколько требовалось. Этот самобережливый подход раздражал Мяча, вынужденного терпеть эту «трутницу» до защиты Малыша.

Стараясь не подпускать ее к кому, он работал со вторым трудником — Василием. Но, как назло, Вася уже месяц лежал в чистилище и Мячу поневоле приходилось поручать что-то Зине, что, как он подозревал, и довело Малыша до нынешнего ступора.

Взглянув на око, волхв прищурился, входя с ним в зрительную связь. Уловив движение его густых век, око засветилось, принимая форму входной двери. Кликнув по ней щекой, будто допотопной мышкой, Мяч вошел во внутренний мир Малыша.

Он помнил здесь все коридоры, двигаясь по ним не задумываясь. Дойдя до нужной двери с надписью «Резоны роста», он толкнул ее левой щекой. Око замигало, став земным шаром, вращающимся в обратную сторону. Мяч встал с кресла, ожидая, пока сведения подтянутся из акиживского комхоза. Подойдя к аптечке, он вдруг резко спросил:

— Что показала вчерашняя проверка?

— Ничего нового. Причина замедления не установлена, — спокойно ответила Зина, продолжая приглаживать упрямый локон.

Увидев, как он втирает мазь в посиневшее колено, девушка поморщилась.

В этот момент око вздрогнуло. Остановившаяся планета превратилась в комод с выбитыми на ящиках старинными буквами. Мяч выдвинул верхний с золотым вензелем «Аз». Тот развернулся в пеструю схему, в центре которой зеленело знакомое число 45. Человеке сглотнул и начал проверку. Спустя несколько секунд число поменяло свой цвет, став ярко-желтым. Это означало конфликт с другими настройками.

— А это, по-твоему, что? — воскликнул Мяч, тыча пальцем в мерцающий желток.

— Ой, — пискнула Зина, всплеснув руками.

Мяч заметил, как в ее ладони мелькнул розовый сообщник.

Делая вид, что занят проверкой, он стал следить, как девушка водит ухоженными пальчиками по скрытой поверхности. Блестящие глаза выдавали, что эта переписка не относится к работе. Не выдержав, Мяч вскочил и потребовал отдать ему сообщник.

— Не могу, там личное! — огрызнулась Зина, ловко пряча руку за спину.

— Мы уже неделю учим Малыша с неверной настройкой! Чуть не загубили весь слой по твоей вине! Ты должна была проверить все резоны, а не отвлекаться на чепуху!

Дав волю гневу, Мяч вывалил всё, что накопилось в нем за последний месяц, и тотчас почувствовал укол в запястье. Полоса здоровья на его лице окрасилась марганцем — Троян просил его успокоиться.

— Я ни в чем не виновата! — изогнувшись в кресле, прошипела Зина. — Я делала всё, как ты велел. В моих записях нет ни слова про резоны! И не смей на меня орать!

С минуту Мяч стоял молча, не зная, на что решиться. Он считал себя терпеливым, однако, когда дело касалось здоровья Малыша, сдерживался с трудом. Трудница тоже молчала, но в глазах ее читалось:

«Ну что ты сделаешь, зубрила? Вот напишу заместнику, и посмотрим, на ком тут вина».

Послышался тихий стрекот. Девушка достала из-за спины сообщник и открыла его перед Мячом, больше не стесняясь. Это сорвало в нем последние врата терпения. Подскочив к входной двери, волхв распахнул ее и зарычал:

— Немедля отключай это розовое дерьмо или выметайся вон!

Сердце его колотилось, зубы свело до хруста. Полоса здоровья налилась кровью.

Выкатив на него близорукие глазища, Зинка пыталась оценить, насколько серьезен этот бунт. Наступила пауза. Никто не собирался уступить, но тут в спор вмешался третий:

— Получен запрос на отключение... Я не болен... Я не болен... Я могу работать. Прошу... отменить запрос.

Волхв замер, глядя на око. Посреди розоватых туч, готовых вот-вот разрыдаться, на него смотрели два испуганных детских глаза. От их взгляда Мяча пробил озноб.

«Я не выключил режим общения... Малыш решил, что розовое дерьмо относится к нему...»

По сбивчивой речи кома было ясно, что тот на грани срыва.

«Перезапуск? Нет! Он решит, что его и вправду хотят отключить... Надо как-то иначе...»

Поднеся палец к губам, Мяч дал знак еще не понимавшей, в чем дело, Зинке, чтобы та молчала. Трудница, уже открывшая рот, осеклась и уставилась на око.

— Малыш, всё в порядке. Ты нас неправильно понял, — ровным голосом начал подмастерье. — Мы вовсе не хотим тебя отключать. Мы токмо...

— Мы токмо переживаем за тебя и думаем, как тебе помочь! — ласково подхватила трудница.

Мяч одобрительно кивнул и продолжил:

— И мы знаем, как помочь. Сейчас ты излечишься.

— Что делать? Что делать? — Малыш продолжал говорить странным ломаным голосом.

— Должно сменить твой аз-резон роста с 45 на... — тут волхв задумался. — На 30!

— Исполнено... Исполнено...

— А теперь попробуй переобучиться.

Око пришло в движение — облака вокруг горной гряды закрутились.

— Миша... — прошептала Зина, но Мяч вновь приложил к губам палец.

Несколько минут учебная палата пребывала в томительной тишине. Наконец тучи просветлели. Сквозь сизую дымку на людей снова смотрели глаза ребенка, но теперь они светились радостью. Снежная улыбка проступала на складках горных вершин.

— Малыш здоров! Скорость обучения: три доли в минуту! — раскатился по палате вернувшийся звонкий голос.

— Ты молодец, Малыш! — похвалил Мяч.

— Мы всегда в тебя верили! — с чувством подхватила Зина.

— А сейчас отключи режим общения и пройди полное переобучение, — приказал подмастерье.

Радостные глаза покорно мигнули. Око погасло, сжавшись в шар размером с детскую голову.

Мяч опустил в самокресло, которое тотчас начало делать расслабляющий массаж.

— Миша, мы же его не испортили? — спросила Зина, всё еще говоря шепотом.

— Кажется, пронесло, — ответил он, тяжело дыша.

Глядя на ее аллеющие щеки, волхв подумал:

«Вот как после такого с ней работать? Впрочем, сам-то хорош. Так нарушить устав пестуна... И чего я к ней прицепился? Да пусть себе любит хоть пол-академии».

Зина подошла к столику с вечно кипящим чайником, заварила иван-чай и протянула ему дымящуюся чашку. В ее глазах мелькнуло сиюминутное раскаяние.

Мяч кивнул и сделал глоток. Чай успокаивал и бодрил, проясняя мысли.

— Когда он переобучится, — заговорил он будничным тоном, — надо еще раз пройти все наши проверки. Вдруг мы еще чего забыли.

Сказав примирительное «мы», он повернулся и увидел, как трудница записывает его слова в сообщник.

«Еще бы не так...» — устало подумал волхв.

В этот момент его запястье нетерпеливо заблестело. Вызов шел из приказа академии.

Глубоко вздохнув, Мяч попытался отрешиться. Это помогало ему в общении с неприятным начальством. Но поймать тишину никак не удавалось. Нервная дрожь в спине мешала найти равновесие. Видя, что медлить больше нельзя, он выпустил воздух из неволи пухлых щек и нажал «Принять вызов».

Планета голых обезьян

Примечание автора: эта и дальнейшие главы без номера являются памятками, не связанными напрямую с основным сюжетом.

Это началось незаметно, когда Мише было шесть.

С каждым днем его мир всё глубже погружался в кошмар, из которого нельзя было проснуться. Миша долго не понимал, что происходит, пока не пригляделся к глазам окружающих его взрослых.

Отец, так любивший свою работу, теперь уходил на завод, бросая на сына взгляд лошади, понуро тянущей свой плуг. Похожий взгляд появился и у матери, с трудом сажавшей себя за письменный стол, чтобы дописать статью. Даже дед, всю жизнь болевший проклятыми вопросами, забросил свой трактат о русском призвании и целыми днями выгуливал Джека вдоль заросшего берега Московь-реки.

Вскоре Миша заметил, что он и сам переменялся, потеряв интерес к чтению. Волшебные миры, так ярко расцветавшие в нем, исчезли, оставив после себя глухую пустоту. Вечерами мальчик начинал плакать и сам не мог объяснить, что он оплакивает.

Жизнь в городе шла по-прежнему — словно катящая под уклон телега, не заметившая, что осталась без лошади.

Так продолжалось около двух недель, а потом наступило утро, когда всё изменилось.

По дороге с мамой в поликлинику Миша задержался на детской площадке. Качаясь на скрипучих качелях, он заметил знакомого дворника. Тот лениво подметал дорожки, небрежно сметая мусор прямо в кусты. Закончив, он сел на лавку и, закурив, стал сплевывать под ноги.

Это показалось странным — но еще не страшным.

Страшно стало, когда мальчик увидел мусоровоз, сваливавший содержимое на опустелый двор через пролом в ветхом заборе.

Высыпав мусор, водитель воровато оглянулся и захлопнул кузов.

Миша взял маму за руку.

К концу дня он уже понял, что изменились не только мусорщики.

Всегда приветливая аптекарша продала им лекарство, ни разу не улыбнувшись.

Знакомый врач заглянул в детское горло, будто в сломанную игрушку.

А любимая воспитательница прочитала сказку так равнодушно, словно отбывала наказание.

Внешне все продолжали делать то, что и раньше, но в лицах появилось что-то чужое.

Вечером у телевизора Миша наконец узнал, что случилось: в его город пришел мор уныния. Эта странная болезнь не трогала тело. После короткого кашля она забирала у человека его радость. Взрослые объясняли это путанно, говоря про какие-то эндорфины и дофамины.

Первое понятное объяснение Миша услышал на проповеди в монастыре, куда они с бабушкой поехали на богомолье.

Старый батюшка, крестясь, сказал с амвона:

«Крепитесь, братья и сестры, тяжелые настают времена — дух от людей отходит. Некому сдержать зверя».

Дух отходил быстро — как обоняние при тяжелой простуде.

Но Мишин мир не умер. Он стал зоопарком — планетой голых обезьян.

Глава 2. На светофоре судьбы

Из Уложения о соответствии своему призванию

Знание без дела порождает разлад и сомнение.

Кто несёт лишнее — устаёт прежде времени.

Надувшись пузырем, лич стал похож на шляпку тропического гриба-паразита. Еще секунда, и шляпка превратилась в лицо писарицы Авдотьи. Сплошь покрытое румянами и белилами, оно было полем бесконечной битвы женщины с возрастом. Увидев Мяча, Авдотья принялась верещать:

— Мяч! Вы где?! Вам на девять уготована встреча! Немедля прибудьте в приказ!

— Не вем сие! — вспыхнул подмастерье и открыл рабочее расписание.

Красная плашка горела ровно напротив девяти. Выругавшись, волхв начал соображать, почему лич не предупредил его заранее.

Решив, что виновата сама писарица, добавившая его в состав участников только что, он буркнул, что сейчас прибудет. В ответ Авдотья фыркнула и, закатив накрашенные глаза, отключилась. Залпом допив иван-чай, Мяч рванул к выходу. К счастью, чёлн еще не уехал. Заскочив внутрь, он ударил запястьем по золотому значку Приказа и замер, уставившись в стену.

Подмастерье не думал о предстоящей встрече с наместником. Его мысли не отпускал Малыш. Случившееся в расчетной не походило на обычный сбой мыслепотока. В этом ломаном голосе, в этих повторах было что-то пугающе живое. Малыш взывал к ним, словно раненый, загнанный в угол зверек.

«Я не болен... Я могу работать... Прошу, не отключать...» — пронеслось у Мяча в голове.

Он поморщился.

«И какой черт меня дернул устроить эту разборку с Зинкой. Не зря мастер говорит: устав пестуна пишется кристальной кровью. Хорошо еще, что всё обошлось. Хотя... обошлось ли? Надо бы заказать проверку в службе почина... А если начнут копать?»

Мяч снял очки, растирая набухшие глазные яблоки.

— Чертов ЗППЗ, — ворчал он.

Его злила собственная ограниченность, возведенная в ранг нормы. Согласно Закону о прикладной полезности знаний пестуну не полагалось знать устройство вверенного ему кристамозга. Мячу была известна только общая схема сборки. Вернув очки на переносицу, он посмотрел в настенное зеркало.

«А может, дело не в Малыше? Ведь он только мой ученик...»

От этой мысли ему стало еще неуютнее. Мяч отвернулся от зеркала, будто встретил в нем того, кого надеялся больше никогда не увидеть.

«Но даже если в нем вылезло мое подполье, чему тут удивляться? Разве я не таков?»

Человече заставил себя вновь посмотреть в зеркало, пытаясь проникнуть за его пределы.

— Врешь! Не таков... — произнес он, сжав зубы, и тут же зажмурился от ворвавшегося в клеть света.

* * *

Двери чёлна с облегчением распахнулись, выпуская Мяча на волю. Чиркнув запястьем по увесистому зрачку, он поспешил в приемную, где едва не столкнулся со своим мастером.

Покидая Приказ, раскрасневшийся Альберт Леонидович был явно не в духе. Оправившись от неожиданности, он наклонился к ученику, чтобы шепнуть ему на ухо, но налетевшая вихрем писарица схватила Мяча и потащила в переговорную.

— Скорей-скорей! Вас все уже чают! — торопилась Авдотья, мельтеша перед глазами мелко закрученными локонами.

Впихнутый внутрь, Мяч ожидал увидеть лица тех, кто его «чаял», — и весьма удивился, встретив в зале только наместника. Но в следующий миг он понял, что остальные скрывались за его широким серебристым кафтаном: подойдя ближе, волхв увидел око, в котором маячили три покрытые дымкой фигуры. Он сглотнул, поняв, что совещание проходит по дальнесвязи.

— А... вот и наш товарищ Мяч, — певучим бархатом с ноткой укоризны произнес хозяин, не взглянув на вошедшего.

— Садитесь, Михайла э-э... свет Максимович. Вот товарищи из закрытого учреждения желают с вами пообщаться. Посмотреть, так сказать, товар лицом. Скажу сразу: разговор будет секретным, но отвечать вам надобно без утая — с полным откровением. Вам сие понятно, товарищ Мяч? — спросил наместник, повернув к нему крупную державную голову.

— Зело вестимо, — ответил волхв, садясь в уготованное ему кресло.

Стараясь выглядеть непринужденно, он опасался, что озадаченный вид его мастера и этот вызов в Приказ совпали не случайно. Его тревожил вопрос: могут ли проверяющие уже знать о случившемся с Малышом.

В том, что перед ним проверяющие Велеса, Мяч почти не сомневался.

«Зинка, конечно, могла донести, но вряд ли так быстро. Да и ни к чему ей это сейчас», — размышлял он, глядя исподлобья на размытые шахматные лики, застывшие в ожидании первого хода.

— Что ж, товарищи, можете начинать, — довольным голосом произнес наместник, направляясь к выходу.

Проходя мимо Мяча, он бросил на него отеческий взгляд, в котором звучало: «не подведи!», «оправдай!» и еще что-то, чего Мяч не успел разобрать.

Как только тяжелая дверь затворилась, мутная завеса исчезла. В зеркале ока проступили три пухлые куклы, называемые в народе большухами. После второго обрусения они заменили в общении покемонов, признанных инородными.

Одетые в желтый, красный и зеленый сарафаны, куклы напомнили Мячу его светофорик — любимую игрушку из детского сада.

Молчание нарушил стоявший в центре желтый большух. Мяч с ходу окрестил его желтухом. Даже сквозь частокол фильтров и искажений желтый голос звучал располагающе:

— Доброго здравия, Михайла! Я возглавляю отдел вычислений. Мне поручено подобрать пестуна для работы во славу благого Трояна. Расскажите, над чем вы сейчас трудитесь?

Мяч выдохнул.

«Кажется, это те айболиты, о которых рассказывал Ляксандр. Но расслабляться рано. Простые троянцы в куклы не рядятся».

Несмотря на свои опасения, ему почему-то захотелось произвести впечатление. В голове сама собой зазвучала поговорка мастера: «Сила волхва — не в знании, а в таланте восходить от мути к сути».

Собравшись, Мяч начал говорить:

— Последние два года я работал над задачей управления воздушным пузырем на передней кромке крыла. Если править сим пузырем как следует, можно заметно уменьшить сопротивление и научиться удерживать поток от срыва.

Он чуть помедлил, глотая воздух.

Слегка наклонив головку, укутанную платком, желтух слушал его с видимым вниманием. Остальные двое казались безучастными.

— На основе уравнений Навостокова наши кристамозги обучены управлять пузырем при любых параметрах набегающего потока. Обучение проходило в большой воздуховодной трубе. Сейчас я пестую новую модель с улучшенной схемой сборки.

Упомянув о Малыше, Мяч замолчал, пытаясь заметить в куклах интерес проверяющих. Но те стояли, не двигаясь, и казалось, будто он говорит с истуканами.

— Да, достижения изрядные, — наконец отозвался желтый. — Расскажите подробнее, как проходила сборка?

— Если говорить о последней модели, наш Малыш состоит из пятнадцати независимых гнезд. Каждое выращено на отдельном показателе: давление, температура, скорость... На двадцать первом слое все ростки сходятся в единый ствол. Дальше, как обычно: ветви логики, листья решений...

— Что ж, схема толковая, чем-то даже похожа на наш мозг, — улыбнулся желтух. — А позвольте узнать, почему вы нарекаете комы детскими прозвищами?

— Так легче их чувствовать и... вкладывать душу, — ответил Мяч, сам себе удивляясь. Вычислитель вновь улыбнулся.

— Вкладывать душу... Сразу видно, что вы работаете под началом Альберта свет Леонидовича.

— Да, уже почти пять лет.

— Он дал по вам лестный отзыв, что бывает довольно редко. Мы когда-то работали вместе. Правда, я не успел ему об этом напомнить. Прошу вас сделать это за меня. Передайте поклон от...

Тут красный большух недовольно закашлял.

— От знакомого счетовода из Дубравы, — спохватившись, нашелся вычислитель.

Мяч кивнул, вспоминая, как Сашка рассказывал, что айболиты помешаны на секретности.

— Честно говоря, мне показалось, что ваш мастер неспроста так торопился закончить наш разговор. Впрочем, этим он нам только помог... — с хитрецей заметил желтух.

Мяч молчал, понимая, что разговор подходит к чему-то важному. В такие минуты он всегда ощущал, как чей-то невидимый серп касается колоса его жизни, проверяя зерна на спелость. Крылатое лезвие уже отзывалось в спине знакомой дрожью.

Уловив возникшее напряжение, желтух перешел к главному:

— Михайла! Хоть секретность и не позволяет мне говорить начистоту, я не хочу водить вас кругами. Я желал бы видеть вас пестуном в моей дружине. Нам нужны люди, не боящиеся новизны. При всём уважении к Альберту Леонидовичу, ваша задача давно устарела. Ее решают минимум лет сто. Думаю, вы и сами чувствуете, что собираете крохи на самом доньшке.

Мячу показалось, что большух произнес это с неловкостью, словно извиняясь за правду. Но подмастерье всё равно нахмурился и скрестил руки, не желая соглашаться слишком быстро.

Выдержав паузу, вычислитель продолжил:

— Я приглашаю вас встать на острие научного копья. Вы будете работать с лучшими комхозами страны. Возможно, даже с кванто... я хотел сказать, зерновым комхозом в Новом Осколе.

Мишины глаза предательски заблестели. Но, помня о разочаровании Ляксандра, он не спешил соглашаться. Этот лед надо было проверить с берега.

Сдерживая волнение, Мяч ответил:

— Что ж, звучит заманчиво, но мне надо кое-что уточнить.

— Что именно? — с готовностью отозвался желтый.

— Скажите, о чем идет речь? Хотя бы в общих чертах. Я не могу принимать такие предложения вслепую.

Вычислитель задумался и вопросительно повернулся к своим тряпичным собратьям.

Те отозвались по-разному. Резко замотав головой, красный дал понять, что он против. А вот зеленый... Поведа ватным плечом, он обратился к Мячу неожиданно панибратски:

— Ладно, парень. Только чтобы это осталось между нами!

— Клянусь благим Велесом, — пообещал Мяч и приготовился слушать.

Желтый помолчал и задал наводящий вопрос:

— Михайла, вы что-то слышали о симптоке?

У волхва оборвалось дыхание.

«Слышал ли я о симптоке? Да эта штука перетряхнула всё мое жите!»

Впрочем, как ученый, Мяч знал о нем до смешного мало.

— Я слышал, что это явление весьма любопытное, — взяв себя в руки, ответил он. — Читал кое-что в сводках, но без подробностей.

— Да, открытых сведений мало, — согласился желтый. — Так вот, вам предстоит пестовать кристамозг, который будет управлять симптоком... Ну что вы так побледнели? Да, задача не из легких — придется бросить перчатку самой матушке-природе. Но в этой дуэли вы будете не одиноки. У нас уже есть готовые расчеты и даже рабочие образцы.

— Рабочие образцы? — вырвалось у Мяча.

Желтух хотел что-то добавить, но красный поднял вверх лапку, отключая ему звук.

— Полагаю, сказанного достаточно, товарищ Мяч! — едким тоном произнес он, возвращая соседу голос.

Вычислитель смиренно пожал плечами.

— Всему свое время, Михайла. В общем, решайтесь! Затея изрядная, для настоящих волхвов. А вы, я уверен...

Он не договорил, отвлекшись на какой-то шум. Взглянув на плюшевое запястье, желтух объявил:

— Товарищи, мне должно срочно отбыть. Михайла, рад знакомству! Надеюсь, еще свидимся!

Сказав это, он вышел из беседы, разлетевшись на мириады желтых мушек.

— Велес вам в помощь! — пожелал вдогонку человеку.

* * *

— Итак, товарищ Мяч, — взял слово красный, смещаясь на середину ока. — Вы достаточно обсудили научную сторону. Пора рассмотреть существо дела.

Волхв удивленно округлил глаза: краснух с трудом сложил на груди короткие лапки.

— Существо нашего дела состоит в том, чтобы убедиться, что вы подходите для Китежа.

— Подхожу для чего?

— Для Китежа! Это название нашего центра. Итак, начнем с простого: каков ваш самосуд?

Мяч замялся, пытаясь определить себя одним емким, но приличным словом. Думать мешала всплывшая в памяти легенда.

«Как же там было? Татары, набат... город уходит в озеро. Неужели под водой работать придется?»

— Ох уж эти твои самосуды! — устав ждать, проворчал зеленый. — Мишаня, скажи, ты жалуешь нашу державу?

При этих словах он выразительно подмигнул.

— Безусловно! — ответил Мяч, удивляясь его манере, подходившей скорее для придорожного кабака.

— Значит, твой самосуд — державник. Верно я глаголю? — снова подмигнул зеленый.

Волхв облегченно кивнул, мысленно благодаря за помощь. Так быстро его еще не определяли. Красный угрюмо молчал, видимо, не желая участвовать в этом панибратстве. Дождавшись, пока зеленый погаснет, он продолжил:

— Итак, Мяч, вы державник? Теперь проверим это по вашей былине.

Тотчас в его лапках появился покрытый самоцветами золотой ларец, словно выпавший из какой-то арабской сказки. И началось представление. Краснух доставал свитки со сведениями о Мяче, зачитывал их вслух и подбрасывал вверх. При этом он наклонялся то влево, то вправо, словно ожившие весы египетского бога Тота:

— Трудолюбивый... — вправо.

— Склонный к унынию... — влево.

— Поддается внушению... — вправо.

— Малообщителен... — влево.

— Одержим наукой... — вправо.

— Слушал заграничный зов Питый Рим... — влево.

Авторы этого зова уверяли: слово «Питый» происходит от константы Пи и вовсе не намекает на известную русскую слабость.

— Состоял в секте пожданцев... — влево.

— Проходит пересборку личности... — вправо.

— Был женат. Разведен... — влево.

— Сын проживает в остатке...

На этом свитке большух задержался, примеряясь, к чему бы его отнести. Мяч заворуженно смотрел, как на весах качаются две растущие кучи — темная и светлая.

Иногда судья задавал дополнительные вопросы:

— Какие поддерживаете связи с пожданцами?

— Я общаюсь токмо с сыном, с разрешения благого Рода, — заученными ответами отбивал удары Мяч.

— Хм, кажется, всё, — заглянув в ларец, с подозрением заметил красный.

От его расспросов у волхва заломило спину. Может, сказывалось падение в путанике. Пододвинув кресло к столу, человеке оперся на локти. Слушать всё это было ему неловко. Былина, как всегда, играла против него. Ожидая вердикта, Мяч гадал: причислят ли его к достойным Китежа или...

— Мишка, Мишка, где ж твоя улыбка, полная позора и огня? — нараспев произнес зеленый, глядя на его пунцовое лицо.

В этом скрипучем голосе звучало что-то отеческое. Мяч кисло улыбнулся и пожал плечами.

— Должен вас предупредить, — сухо произнес краснух, — в Китеже вам присвоят первую ступень секретности. Вы разумеете, что это означает?

— Ни одна живая душа не должна знать, чем я занимаюсь, — отчеканил Мяч фразу, всплывшую из школьной памяти.

— Верно! И это значит, вам придется до предела сузить круг общения. Впрочем, он у вас и так невелик.

Волхв тяжело вздохнул.

— Держи язык за зубами — и всё будет мерно! — подбодрил его зеленый папаша.

Его манера говорить наотмашь напоминала Мячу Ляксандра.

«Наверно, перунец. И куклу себе выбрал цвета хаки».

— А где он, ваш Китеж? Далеко от Московии? — спросил человеке, вспомнив о сыне.

— Изыскателям место знать не положено! — недовольным голосом отрезал красный сарафан.

— Да недалеко, верст полтора ста. Рядом лес, река, щучки вот такие! — зеленый попытался показать размер рыбы, до предела растопырив лапки.

Не выдержав этого, красный повернулся к нему и сказал резко:

— Я попросил бы вас не нарушать секретность, товарищ... — тут он запнулся, поняв, что сам едва не раскрыл секрет.

Зеленый хмыкнул и, подъехав к судье вплотную, спросил с нажимом:

— Ну что ты тянешь, товарищ Сева? Нам ведь всё ясно. Обедать пора!

— В целом-то да... — пробормотал краснух, сдавая назад.

Он энергично шарил по дну ларца, даже не заметив, как товарищ раскрыл Мячу его имя.

Подмастерье замер, ожидая, что сейчас найдется тот позорный свиток, который всё испортит.

Но свиток не нашелся. Закрыв ларец, красный взвесил взглядом висящие над ним кучи и официально произнес:

— Товарищ Мяч, по существу, вы нам подходите.

Свитки схлопнулись, исчезнув вместе с ларцом.

— Пора послужить державе, сынок! — стал напутствовать зеленый. — Дело важное, спрос суров, но и награда непустячная, смекаешь?

Мяч смекнул и нахмурился. Эти посулы напомнили ему бравые речи вербовщиков, зазывавших студентов на оборону Урала. От этого сходства Мячу стало не по себе.

— Мне надобно обдумать ваше предложение. Посоветоваться с мастером, — сказал он, сдерживая ретивость плюшевых коней.

— А нам надобен ответ до конца дня! — предупредил его красный.

— Так скоро? — смутился Мяч.

— Сроки поджимают! Мы и так вышли за рамки наряда, — упер лапки в бока владелец исчезнувшего ларца.

— Не тяни судьбу за хвост, Мишка! Такие предложения раз в жизни бывают! — произнес зеленый со знанием дела и на прощание поднял вверх большой ватный палец.

Большухи разлетелись по оку красно-зеленым салютом.

* * *

Выйдя из переговорной, Мяч заспешил обратно в свой ряд.

— Мяч! Товарищ Мя-ач! — резким голосом окликнула его писарица. — Виктор свет Сергеевич велел вам зайти до конца рабочего дня!

Волхв остановился и посмотрел на женщину. От частого визга лицо ее слегка перекошилось. Он уже видел сегодня это выражение у разъяренной Зинки. Мяч пригляделся: под толстым слоем туши сквозила тоска приближающейся пенсии. Отдавшая всю любовь мужчинам при должности, Авдотья не видела себя вне стен Приказа. При всей нелюбви к Зинке Мяч не желал ей такой участи.

«Шла бы ты поскорее замуж», — мысленно пожелал он труднице, торопливо покидая приемную.

В ожидании чёлна Мячу вдруг пришел на ум извечный вопрос писателя Шикапирова:

«А есть ли у меня выбор или всё уже решено?»

«Кажется, наместник знал обо всём заранее. А эта досада в глазах мастера... Тогда зачем меня вызывали? Для порядка? А Сашу? Его ведь не пригласили. Выходит, отбор всё-таки был и решение приняли на месте. Но тогда...»

Мысли вязли, цепляясь друг за друга, словно мухи, попавшие в варенье. Крепко сжав виски, Мяч выполнил упражнение, прописанное ему духовником:

«Отставить мозгоблудство! Думать только о главном: соглашаться или нет. Всё остальное отослать по почте лукавому».

От этих слов ему стало легче. Войдя в клеть, Мяч по привычке потянулся к значку своего ряда, но в последний момент передумал и ткнулся запястьем в розовый пяточок. Он не хотел есть. Ему надо было посидеть одному, как будто ничего не произошло.

После завтрака в столовой было пустынно. Мяч устроился за дальним столиком, укрывшись за колонной с фруктовой лепниной. Почуввав еду, из лича выползла шляпка, развернувшись в меню. Волхв заказал себе яблочный морс и погрузился в раздумья:

«Симпоток... Неужели это наяву? Если они и правда с ним работают, то зеленый тысячу раз прав: такой шанс выпадает ученому только раз. Только раз можно оседлать свою сивку-бурку и не ползти улиткой по научному склону, а одним рывком взлететь к вершине познания».

Мяч скрестил руки, пытаясь удержать улетающую мысль. Его пальцы нервно шевелились.

«Не об этом ли мечтает каждый волхв? Тогда чего я боюсь? Вывалиться из седла? Но ведь Иштын и Неуютов смогли, долетели. Значит, можно... Лишь бы это было правдой».

Дин-дон.

Приземистый половой в черно-белом сюртуке поставил стакан на столик и откатился, перебирая щупальцами по полу. Мяч подхватил стеклянный многогранник, залпом опрокинул его и со стуком опустил на липкую скатерть.

Холодный морс пришелся кстати, охладив грудной жар: предвкушение триумфа боролось с тревогой за судьбу Малыша.

«Он уже почти готов, но Зинке одной не довести его до приемки. И что с того? Я же не единственный пестун в Акиживе! Найдут кого-нибудь из третьего отдела. Там хоть и зазнайки, а ребята толковые. А что делать с защитой? Али будет вне себя. Мы так долго к ней шли...»

Мысли не унимались, мешая рассмотреть открывшуюся вершину. Устав с собой спорить, Мяч закрыл глаза и попытался войти в тишину.

— Опять постишься? — раздалось откуда-то сверху.

Он вздрогнул, увидев над собой Ляксандра. Тот с усмешкой указал на его опустевший стакан.

— Ты чего тут таишься? Думал, не обрящу? — спросил он, плюхаясь на свободный стул.

Мяч улыбнулся. Чингисхан славился своей чуйкой, легко находя выход из путаника, потерянный плащ или затаившегося приятеля. Лишь в науке этот дар его подводил, раздражая мастера.

Глядя, как вожатый листает меню, Мяч вспомнил их разговор в омывальне.

— А ты накаркал, друже, — с мягким укором заметил он.

— Что, тебя допросили? А я же говорил! — сразу догадался Сашка.

— Допросили и пригласили! — похвалился Мяч. — Припомни-ка поточнее, что эти айболиты тебе глаголили?

— Да ничего особо не глаголили, — приятель пожал плечами.

— Ну, о смене работы подумать предлагали?

— Неа... — вяло ответил Сашка. — Обсудили, чем бы я хотел заниматься, и отпустили.

В конце желтый поблагодарил за честность.

Половой вновь подкатил к ним с подносом.

— Вот как... — произнес волхв, глядя, как тот ставит перед Сашкой блюдо с ватрушками.

Версий у Мяча оставалось всё меньше.

— А сам-то что? Дерзаешь? — спросил Ляксандр, предлагая ему ватрушку.

— Спасибо, пощусь, — покачал головой Мяч и, помолчав, ответил:

— Понимаешь, не то сейчас время, чтобы уходить... Но отказаться от симптока — значит отказаться от себя.

— Симпоток? — поперхнулся Саша. — Вот что они там мутят... Да, это звучит!

— Еще как звучит! Только всё как-то быстро закрутилось... Ответ надо дать до конца дня.

Человече сглотнул, глядя на нежный крем, выступивший на месте укуса.

— Это хорошо, что закрутилось. Плохо, что мы с тобой не успели пройти наш уровень в путанике, — насупился Чингисхан.

— Да ладно! Дадут тебе нового ведомого, побойчее меня. Вот с ним всё и сдужишь.

— При чем тут новый? — угрюмо возразил Сашка. — Уровень «2-веди» был сотворен специально для нас.

Они помолчали, чувствуя, что их дороги расходятся.

— Ну, что скажешь, вожатый? Отверзать мне врата? — пряча волнение за усмешкой, спросил Мяч.

— Отверзай, коли чуешь, что твоя ветка, — уверенно сказал Ляксандр.

Мяч посмотрел на него с облегчением, будто вожатый заранее отпустил ему предстоящий грех. Почувствовав прилив голода, он принялся вытряхивать из стакана налипшие остатки мякоти.

— Вот только Али... Надо как-то разрулить это с ним помягче, — посетовал он.

— Тут главное — думать быстро. Такие вещи нельзя затягивать. Решился — и вперед! — посоветовал Ляксандр.

Мишин лич недовольно крякнул, сообщая о превышении дневной нормы сладкого. Количество шагов, которые волхв должен был пройти за неделю, выросло на тысячу.

— Большой Троян следит за мной даже изнутри, — недовольно произнес Мяч, поняв, что в омывальне его просьбу слышали не до конца.

Поднявшись, он приложил пальцы к виску, будто отдавая командиру честь. Ляксандр ободрительно кивнул, благословляя его на поступок.

Твердой походкой Мяч двинулся к выходу. Стрела Чингисхана попала ему в яблочко, избавив от мук выбора. Оставалось главное: не струсить и не отскочить назад перед тяжелым препятствием, принявшим вид заботливого учителя.

Глава 3. Удар с разворотом

Из Уложения о соответствии своему призванию

Если открылся путь твой, не задерживайся на месте.

Призвание человека выше привязанностей его.

Мяч прислушался — за дверью было тихо. Осторожно заглянув внутрь, он увидел Липатова. Тот покачивался в кресле, склонив голову набок, как будто спал. Расстегнутая косоворотка вздрагивала от тяжелых вздохов. Осоловелые глаза были полуприкрыты. Мастер смотрел в зеркало настенного пузыря, где некто с раскидистой староверной бородой степенно прогуливался по дорожке вдоль вековых лип. Благой Троян отправлял его на эту прогулку всякий раз, когда он выходил из себя.

Услышав Мяча, Липатов повернулся и бросил на него оценивающий взгляд.

— Ну что, Миша, как твоя беседа в приказе?

У Мяча всё упало: он не был готов, что мастер начнет первым. Но отмалчиваться было поздно.

— Вот, посулили работу, Альберт Леонидович. Пришел к вам совет держать, — хрипло ответил он, садясь на расшатанный стул.

— Добро! Рассказывай, коли секретность позволяет. — ровным тоном произнес Али.

После липовых прогулок он всегда выглядел спокойнее.

— Не позволяет, но посоветоваться мне разрешили. Вычислитель из Дубравы вас знает. Говорит, работали вместе. Поклон передает!

Мяч попытался подсластить ядовитую пилюлю.

— Из Дубравы? Ну-ну... — протянул Липатов. — Много их было, счетоводов. Так что там за работа? Мне эти куклы ничего не сказали, про тебя только дознавались. А я, как уразумел, к чему они клонят — сразу прервал разговор.

— Им нужен пестун для работы с симптоком. Говорят, уже готовы рабочие образцы, — скрывая волнение, ответил Мяч.

Учитель удивленно вскинул брови:

— Рабочие образцы? Да неужто они так продвинулись?

Мяч понял, что затея с симптоком Липатову знакома. Будучи прамастером, он имел доступ к закрытым сводкам Велеса и разбирался в научных новинках.

— Что ж, затея изрядная, Михайла. Горизонты заманчивы. Но их, я разумею, тебе уже обрисовали — причем в радужных красках?

Волхв неуверенно кивнул, чувствуя, как лицо учителя наполняется силой.

Помолчав, мастер сложил пальцы в замок:

— А теперь послушай, о чем я должен тебя предупредить. Направление это весьма зыбкое. Нет по нему ни ученых советов, ни научных съездов, ни проверенных работ. Есть нечто вроде тайного ордена. Чем они там занимаются — толком никто не знает. Все исследования закрыты. В научной среде их за глаза называют симафилами.

Липатов скривил набок рот.

— Скажу прямо: многие не верят в эту затею. Я не удивлюсь, если она окажется очередным миражом. Впрочем... — хрустнул он пальцами. — В науке без миражей не бывает. Кто-то должен всё время идти к горизонту — пытаться заглянуть по ту сторону знаний, — поправил он себя, стараясь казаться беспристрастным.

Мяч слушал, разглядывая на столе рассохшиеся древесные кольца.

Липатов помолчал, глядя на него испытующе.

— Сам-то как мыслишь, Михайла?

— Вообще, меня с детства тянуло к горизонту, — ответил тот уклончиво, ковыряя пальцем сучок.

— Вот как... — нахмурился Али. — А как же Малыш? Там делов-то осталось месяца на три — и можно подаваться на защиту. Вот станешь первомастером — тогда и потолкуем о твоих горизонтах.

— Да мне сегодня надо ответить, — пояснил Мяч. — Через три месяца будет поздно.

Чуя надвигающуюся развязку, он запрыгал глазами по столу.

— Послушай, Миша, — произнес мастер, наклоняясь поближе, — ты не забывай: Аки-жив для тебя — дом родной. Ты тут учился, трудничал, стал добрым подмастерьем. Ученое звание у тебя почти в кармане. Скажу начистоту: я держу для тебя место зама в третьем отделе.

Он откашлялся и продолжил:

— Ну скажи, зачем тебе эти научные химеры? Поломаешь себе карьеру — век не отмоешься.

— Я это понимаю, Альберт Леонидович, но я уже...

— Да погоди ты «ужекать»! — разошелся Липатов. — Если они на тебя надавили, без моего согласия всё одно забрать не смогут. А я напишу отказ. Наша затея у Велеса на особом счету. Не бойся, мы с тобой отобьемся! — хлопнул он ученика по плечу.

Мяч понял, что настал миг, когда надо решиться: ответить прямо или поддаться напору и оставить всё как есть.

Набрав побольше воздуха, он тоже сцепил руки в замок и выпалил:

— Да поймите вы, не могу я всю жизнь считать эти обтекания! Не моё это! Мне надо дальше идти — к горизонту! А другого случая может и не быть...

Липатов застыл в кресле, как от внезапного укола.

Его взгляд, секунду назад такой отеческий, враз переменялся. Мяч почувствовал, как его сдувает со стула. Борясь с ледяным потоком, он схватился за край стола и замер, не смея отвести глаз. Сколько раз за свои двадцать семь лет он видел этот презрительный взгляд...

Так уж вышло, что по дороге жизни Мяч двигался не прямо, а с резкими разворотами, всякий раз больно отталкиваясь от прошлого. Так случилось с его отцом, мечтавшим основать заводскую династию, с друзьями, которых Миша менял вместе со сменой увлечений, с духовником, доверявшим ему сокровенные тайны. Вершиной своих подвигов Мяч считал бегство от жены с ребенком на руках. И вот теперь он предавал Али — учителя, вложившего в него столько сердца.

Черета измен пронеслась в памяти, сжимая горло веревкой. Одно за другим перед глазами всплывали знакомые лица. Мяч судорожно разводил их по сторонам. Когда он закончил, стоящих слева оказалось больше.

Учитель и ученик молча смотрели друг в друга, словно видя впервые. Наконец Липатов, откинувшись на скрипучую спинку, медленно произнес:

— Что ж, дело твое и житие твое. Катись по нему, как знаешь, товарищ Мяч.

— А как же Малыш? — сдавленно спросил подмастерье.

— А что тебе Малыш? Это теперь не твоя забота. Передавай его Тепличной, там разберемся.

Мяч покачал головой, но перечить не решился — не тот момент.

— Ладно, ступай. Наместнику я передам, что не возражаю. Пусть обрадуется... — глухо закончил мастер, отвернувшись к пузырю с опадавшими липами.

— Добро, Альберт Леонидович. Тогда я пойду, — нерешительно произнес Мяч. — И благодарю вас за...

Резким взмахом Али показал, что больше ничего не желает слышать. Пристыженный, но не сдавшийся, Мяч выполз в коридор и поплелся в уборную. Холодная вода долго текла

по его горящему лицу. Подняв глаза к зеркалу, человек увидел напротив своей мокрой щеки нацарапанное на стекле «Моав».

Отшлепав себя по щекам, Мяч направился в приказ — оформлять свою новую судьбу.

Знай тогда Михайла, какой он выбрал путь, — не воротился бы назад? Не бросился бы в ноги обиженному мастеру? Но нет в нашей жизни никаких «бы», и незачем искушать себя этой лживой частицей.

Катись вперед, товарищ Мяч, катись — не оборачивайся.

* * *

Заметив в дверях подмастерье, Авдотья захлопнула зеркальце с боевой тушью и велела ему войти без очереди, добавив фирменное «вас там уже чают». Наместник Худяков восседал на высоком боярском самокресле, внутри которого, как шептались молодые трудники, имелся полный набор потех-услуг.

По его довольному взгляду Мяч понял, что хозяин приказа уже всё знает.

«Надеюсь, это Али ему сообщил», — подумал он, зная, что Виктор Петрович не брезгует прослушкой личей. Ему было неприятно от мысли, что наместник знает подробности их разговора.

— Значит, всё же решились... — произнес Худяков, глядя на пузырь за спиной Мяча. Тот висел на стене огромным аквариумом, в котором тянулась ласкаемая морем лента белоснежного пляжа.

— Да, выбор сделан, — кратко ответил волхв.

— А как же Альберт свет Леонидович? Вы бы слышали, какой у него был грустный голос... — произнес он, тяжело покачав головой.

Виктор Петрович был известен в Акиживе как любитель задушевных бесед. Он умел нащупать в сотруднике тайные струны, выслушать, посочувствовать, даже пустить слезу, а потом, при случае, пустить услышанное в ход.

— Что уж тут, Витюша... — говорил он, бреясь перед зеркалом. — Должность у нас с тобой такая: всё во благо улья.

— Да, кажется, он был немного расстроен, — нехотя согласился Мяч.

— А вы знаете, сколько он просил за вас?хлопотал, пробивал, брал на поруки... Я диву дался, когда узнал, что он согласился отпустить вас так просто, — продолжал наместник, цепко наблюдая за его лицом.

Мяч почувствовал, как его щеки вновь наливаются пунцом.

— А я ведь зывал к нему, просил: не привязывайся ты к молодежи! — распаялся Виктор Петрович, любясь пляжными видами.

— Задача нашей академии — ковать для Велеса достойных ученых! Кадры не должны застаиваться!

Тут он замолчал, задумавшись: не включить ли удачную мысль в предстоящий доклад. Но, решив, что сыровата, махнул рукой и продолжил, плавно смягчая тембр:

— Вот и вы от нас улетаете. Жаль токмо, не успели опериться, то бишь защититься. А ведь у вас светлая голова. Если бы не эти ваши душевные раздраи — давно бы стали перво-мастером.

Мяч пожал плечами, вспомнив дедово любимое: «коль ушедшего не воротишь, так чего и ворошить».

— Я очень надеюсь, что на новом месте вас ожидает успех, который по праву разделит и наша дорогая Альма-матушка, — кучеряво изрёк наместник.

Мяч взгляделся в подернутые дымкой глаза. Он знал, что перед ним сидит не свой брат-волхв, а матерый приказчик от науки, привыкший играть в кошки-мышки. На секунду ему почудилось, что он прозрел игру наместника:

«Велес потребовал от него предоставить пестуна в Китеж, так сказать, в жертву Тро-яну. Жертва эта непрофильная, а значит, неприбыльная — терять ценные кадры Худякову не хочется. И вот он начинает предлагать тех, кто послабее. Сашка из-за своих вечных неудач оказался одним из них, но большухи его отсеяли. И тогда наместник вызвал меня, решив избавиться академию от моей подмоченной былины. Выходит, работа в Китеже не была предрешена! Худяков просто заметил, как резко прервал разговор Липатов и понял, что я подхожу. Поэтому он и был таким довольным. Вроде бы всё сходится, но чего этот лис хочет сейчас?»

Тут Мяча передернуло:

«Этот серебристый кафтан расковыривает мои чувства к Али, чтобы выудить что-нибудь против мастера».

В такие игры Мяч играть не собирался. Вспомнив, что он теперь державник, он встал и громко произнес:

— Я полагаю, долг державе превыше всего! Он не терпит кумовства и личных выгод!

Виктор Петрович слеповато прищурился: юродивые в приказе встречались редко.

Стоя на вытяжку, Мяч смотрел на священную гору, озаренную семью радужными лучами восходящего солнца. Этот символ власти великомов висел по всем красным углам державы. Обращенный к востоку, он внушал уверенность: солнце идеального разума рано или поздно разгонит первобытную тьму хаоса. Миша помнил этот герб еще со школы, но только сейчас заметил, что на нем не было безликих.

В памяти быстро пронеслись черные наручи, замерший строй и лишенные сомнений лица, готовые выполнить любой приказ.

Мячу стало не по себе от мелькнувшей догадки...

Но деликатный кашель наместника спугнул его мысль, не дав ей оформиться.

— Сие похвально, Михайла. Будем считать, что мы поняли друг друга. Пожалуйте садиться! — предложил он, выводя на пузырь изображение золотой трехглавой птицы.

Мяч сел, поглядывая на бронзовый оттиск. Его маленькая победа омрачалась сорвавшейся с крючка догадкой. Взглянув на свой зеленый лич, Худяков забарабанил пальцами и включил настольное око. Там мелькнуло что-то непотребное, что тут же спрятали под графиком роста академической благодати.

«Верно, ребята не врали про его креслице...» — подумал Мяч, скривившись.

— Извольте видеть, — невозмутимо начал наместник, тыча пальцем в экран.

— По заявке благого Велеса мы должны предоставить в Китеж одного изрядного подмастерья. Обратите внимание на слово «изрядного»! У вас какой-то нездоровый вид, Михайла. — Худяков едва не сказал «неходовой», но сдержался. — Перед поездкой вам следует освежиться: передохните пару дней, уладьте свои дела. На новом месте отдыхать будете еще не скоро, — пророчески добавил он.

— Добро! — ответил Мяч. — Но сначала мне надобно передать дела.

— За остаток дня сдюжите? — во взгляде наместника появился привычный деловой блеск. — Кстати, кто будет вашим приемным пестуном?

— В том-то и загвоздка! Липатов назначил моей преемницей Тепличную, но она одна не справится. Дозвольте подключить в помощь Сидорова из третьего отдела? — попросил Мяч, думая больше о Малыше.

При упоминании Тепличной Виктор Петрович насторожился, но, поразмыслив, дал согласие при условии, что Липатов будет не против.

Еще раз оглядев Мяча с ног до головы, он предложил:

— Хотите путевку в наш Дом здоровья? Через пару дней будете как огурчик.

— Я бы предпочел съездить домой, в Колоколомну.

— Колоколомна... Милое место. Еда там благая...

Худяков раскрыл таблицу чистот по Московии.

— Так, Колоколомна... Это у нас третий уровень... Что ж, я выпишу пропуск, но учтите: в Китеже придется пройти чистилище.

Мяч вскинул брови, показывая, что дело привычное.

Из свода ак. Ржавого:

Уровни чистот были введены на Руси в связи с распространением животных моров. Не успевая создавать всё новые вакцины, власти разделили державу на зоны разной степени безопасности, жестко ограничив возможность переходов.

По уровню чистоты Колоколомна была ниже Стрибова, и после каждой поездки на родину Мячу приходилось отдыхать в чистилище.

— В понедельник будьте наготове! — предупредил наместник. — И сообщите Авдотье свет Семёновне ваш домашний адрес, — при этих словах он поморщился, как от приступа зубной боли.

Мяч кивнул и обратился с просьбой:

— Позвольте взять с собой сына?

— Сына? А где он? — забеспокоился Худяков, сразу почуяв подвох.

— Он в нашем остатке.

— А, это который... Ну да...

Наместник поджал губы.

— Акижив, чистотную сводку по городу? — запросил он, тарабаня по оку пальцами.

На столе появилась карта, вся покрытая словно сыпью красно-оранжевыми пятнами.

— К сожалению, сие невозможно! В городе чистка.

— Но еще утром всё было чисто, я проверял! — в отчаянии воскликнул Мяч, буравя глазами красную кляксу, под которой находился его сын.

— Ничего не поделаешь, наверно, опять вспышка. Слава Велесу, не у нас, иначе бы всем пришлось сидеть на карантине. Вы же знаете правила... — пожал плечами наместник, выстукивая какую-то мелодию.

— Вы бы решили сей вопрос, Михайла. Остаток — негожее место для сына, — посоветовал он, вновь включая нотки задушевности.

Мяч не ответил, не желая обсуждать свою личную жизнь. Самое неприятное в Викторе Петровиче было то, что он, кажется, не притворялся и переживал вполне искренне.

— Что ж, благословение Велеса да пребудет с вами! — завершил разговор хозяин приказа, поднося ладонь к месту, где у людей обычно бывает сердце.

* * *

Мяч был расстроен: надежда побыть с сыном хоть пару дней рухнула из-за чертовой чистки. Выходя из приемной, он услышал визгливый окрик. Это была Авдотья, которая только так и общалась с мужчинами в небольших чинах:

— Мяч! Мя-ач! Приказ о вашем увольнении, пропуск и подорожная загружены в свод. Не забудьте прислать мне адрес!

«Быстро работают...» — зло подумал волхв и вдруг замедлился, пытаясь удержать в себе странную фразу. Не совладав с порывом, он повернулся и произнес, будто со сцены:

— Прощайте, сударыня... Желаю вам непреходящей любви.

Сказав это, Мяч быстро вышел, чувствуя на затылке взгляд оторопелой Дуни.

В учебке всё было по-прежнему: Зина торчала в своем сообщнике, а Малыш что-то считал, гоняя облака по кругу.

— Зина, я увольняюсь! — с порога заявил Мяч и, не дав ей опомниться, добавил: — Подойди сейчас к Али и скажи, что тебе нужна помощь Сидорова принять у меня дела по Малышу. Наместник уже дал добро.

Трудница вытаращилась на него глубоководным взглядом. Переварив сказанное, она вскочила и быстро зацокала каблучками к выходу.

«Обиды — обидами, но оставлять Малыша на эту клушу я не собираюсь!» — подумал Мяч, глядя ей вслед.

При всех своих странностях Сидоров был добрым подмастерьем и тоже занимался умным пузырем. Мяч был уверен, что он поможет Малышу выдержать защиту и встать на ноги. Взглянув на око, он подошел проститься со своим мальчиком — пока они были наедине.

— Проснись, Малыш. Твой мастер уходит, ты остаешься один.

Облака в зеркале остановились. В детских глазах возникли любопытство и тревога. Мяч нарочно включил в сборку кома живую личину, чтобы понимать Малыша без лишних слов.

— Я не понял тебя, мастер. Куда ты уходишь и почто я остаюсь один? Тебе нужен отдых? Мяч молчал.

«Что ему сказать? Твой мастер уходит учить другого малыша? К чему перегружать кристаллы лишними чувствами...»

— Малыш, отбой запроса... Продолжать расчет.

— Слушаюсь, мастер!

Облака под горой снова поплыли.

«Недоделанный ты мой буратинка», — с грустью подумал человеке.

Подойдя к чайнику, он заварил иван-чай. Обед на сегодня отменялся, а ужинать Мяч собирался уже дома.

Зина вернулась в сопровождении взъерошенного Сидорова. Липатов согласился с предложением Мяча, косвенно признав, что поспешил. Втроем они сели напротив Малыша, и Мяч начал экскурсию по миру внутри кристалла. Проходя знакомыми переулками, он волновался. Всё, что он построил, могло быть стерто одним презрительным движением чужой щеки. К счастью, лупоглазый, рано облысевший, но влюбленный в свое призвание Сидоров схватывал всё на лету. По его вопросам Мяч быстро понял, что тот уже прикидывает, как подружить своего Платона с этим подкидышем. Зина сидела молча, записывая всё на свой злосчастный сообщник. Так они и сидели, подкрепляясь ватрушками, на которых Мяч заработал еще тысячу шагов, пока в палату не влетел Сашка.

— А ну, кончай работу! Я выбил нам для проводов отдельную клеть!

Мяч возразил, что еще много дел, но остальные затею Саши поддержали, напомнив о святости пятничного ритуала. Поиск истины в вине выглядел странным в городе, где алкоголь был под запретом, но кто может запретить людям искать истину?

— Отметим выход Мяча за линию ворот! — невпопад пошутил Сидоров, довольный своим новым наследством.

— Токмо недолго, братцы, мне еще собраться надо, — попросил человеке.

Выходя последним, он бросил прощальный взгляд на око. Малыш закончил свои расчеты и смотрел на него в ожидании новой команды. Не выдержав его взгляда, Мяч отвернулся и тихо прикрыл дверь — будто вышел из детской.

«Не грусти, мой мальчик... привыкай к одинокости бытия», — прошептал он, догоняя остальных.

* * *

Чёлн тронулся, унося во тьму трех пассажиров. Зинаида отстала, пообещав присоединиться позже.

В корчме было многолюдно. В носу щекотало от пряностей и травяных воскурений. На сцене пляс-площадки под вялую калинку разогревалась ученая молодежь. Сотрудники постарше сидели за столиками, обретая истину на троих или более. Для любителей уединения в глубине зала имелись клетки с резными перегородками.

Приветливый половой провел гостей в одну из них. Внутри, на столе, шипели заряженные правдой бутылки. Прикрыв дверцу, половой шепотом сообщил, что горячее на подходе. Рассевшись на мягких пуфиках, волхвы разлили по чаркам самую нетерпеливую правду. Музыка заиграла бодрее. Тени оживших светильников пустились по лепнине в разудалый пляс. Мячу быстро похорошело.

— Зацени добровуху! Екатериновка — первый сорт! Нашел в здешних закромах! — с восточной гордостью добытчика заявил Сашка.

— Это же дорого! Пошто так тратиться? — воскликнул Мяч, потянувшись к зрачку для оплаты.

— Отставить, а то обижусь! Я провожаю друга! — перехватил его руку Ляксандр.

Из Мишиных глубин сам собой родился тост:

— Чтоб ты всегда находил, что душа желает! — произнес он, высоко поднимая чарку.

В клетку впорхнула Зина с женихом Борисом, имевшим официальное благословение месткома. Подающий надежды начальник отдела, он был одним из участников Зининой переписки. Трудница переделалась в легкомысленное платьице с блестящими висюльками.

При виде ее у Мяча зарябило в глазах.

— С такой елкой можно и Новый год справить! — пошутил он, разливая вторую бутылку.

Половой принес им поднос с горячим. Вслед за ним в клетку вошел Липатов. Весь день в нем боролись ученый и обиженный наставник. Ученый — кажется, победил.

— Ага, заседаете! А Малыш там скучает без дела! — с напускной суровостью сказал он.

— Так пяток же, Альбертик! И повод есть — провожаем Михайлу! — воскликнул быстро похорошевший Боря.

— А пошто меня не позвали? — с обидой спросил Липатов.

Мяч поспешно встал, склоняя бутылку над чаркой мастера.

Выпив залпом, тот велел всем налить и произнес тост, придуманный по дороге:

— Что ж, Михайла, желаю тебе обрести себя на новом месте! Слушай мой прощальный наказ: в нашей научной пустыне полным-полно перекаати-поле, но воду из-под земли достают только деревья с глубокими корнями.

Все одобрительно зацокали и поспешили чокнуться. Али благородно порозовел. В тот вечер Мяч примирился с учителем, выпив с ним мировую под запеченного в яблоках гуся.

Желая сделать новый мир крепче, он потянулся заказать еще бутылок.

— Э, ведомый, тебе хватит! А то не доедешь до новой работы, — остановил его Ляксандр.

— Друзья, давайте по последней! Михайла, чтоб тебя там встретили, как мы проводили!

Это напутствие знал каждый острожник.

Мишина душа исполнилась любовью к миру. Ему захотелось обнять всех, включая блестящую мишурой Зинку. Но та уже выскочила из клетки и лихо отплясывала на сцене под задорные перегуды. Танец был стихией Зинаиды — она отдавалась ему, не помня себя. Видя, как ее обступили молодые танцоры, Боря хотел было присоединиться к невесте, но сдержался. Наместник требовал от мастеров степенности. Не желая смущать жениха, все потянулись к выходу.

Стоя в дверях, половой раздавал на выходе кубики трезвости. Главным достоинством добровина, именуемого в народе добровухой, была возможность быстрого отрезвления. Неотличимое по вкусу от Фанагории, оно не содержало алкоголя, вызывая ложное опьянение. Вероятно, таким же было и накрывшее Мяча чувство. Помедлив, он незаметно сунул свой кубик в карман косоворотки.

Выйдя из корчмы, волхвы направились к чёлну. Липатов шел впереди со Славой, обсуждая планы подготовки Мальша к защите. Мяч прислушивался к их беседе, порываясь что-то сказать, но мастер его не замечал. Преодолев обиду, Липатов считал свое подчеркнутое равнодушие пределом великодушия, которого заслуживал бывший ученик. Так и не обернувшись, он уехал на чёлне вдвоем с новым.

Помахав им рукой, Мяч остался с Сашкой дожидаться следующего чёлна. Выбрав пункт назначения «Город», они отправились по подземному лабиринту. Внизу показался остов воздуходувной трубы. Словно скелет допотопного ящера, он был памятником канувшей в Лету великой науки. Таких труб в этой земле лежало немало. Списанные раньше срока, они будто мстили за свою ненужность, насылая на Акижив скорое тление. От вида погребенного великана Мячу захотелось плакать. Он понял, что видит этот уютный, похожий на мышиную норку, академический мирок в последний раз.

Заметив его влажный взгляд, Сашка толкнул приятеля в бок.

— А я кое-что выбил у здешних айболитов... Тебе засчитали наш утренний забег!

Мяч посмотрел на него с радостным недоверием.

— Так что, считай — норматив ты свой сдал. Можешь теперь целый год сидеть на печи и наедать пузо.

Волхв смахнул кулаком зародившуюся было слезу и коснулся татарского сердца.

Петляя, будто пьяная моль, чёлн довез их до проходной. Там Мячу сообщили, что в Акижив его больше не пустят. Поднявшись по самодвижным ступеням, они вышли на городскую площадь. На улице вечерело. Майская жара сжимала воздух душными пальцами. Вдохнув полной грудью, Мяч посмотрел на Сашу. Позади звякнул подходящий к остановке сиреневый самовоз. Чингисхан заторопился. Прощаясь, волхвы молча пожали друг другу локти.

Проводив вожатого влажным взглядом, Мяч пошел напрямик через площадь. Он спешил к общежитию, но на середине пути его повело. Едва не упав, он схватился рукой за какую-то стену и стал хлопать по карманам в поисках утерянного кубика трезвости. Идти в таком виде было рискованно — в городе шла чистка. Мяч не успел найти пропажу, как перед ним опустился стриж из городской стражи. Крылатый голос потребовал от него пройти проверку. Вытянув вперед запястье, человек старался сохранить достоинство, не потеряв при этом равновесия. Повисев над его сморщенным от света лицом, дозорный предложил вызвать самовоз, но Мяч отказался, заявив, что живет в соседнем доме. Стриж покачал крылами, словно стыдя загулявшего ученого, а затем взмыл вверх, продолжив свою высокую вахту.

Нашупав за подкладкой кубик, Мяч затолкал его под щеку и с опаской пошел вперед, держась за покрытую майской пылью стену.

Когда увезли учебники

Обрусение Миша помнил уже отчетливо — по запаху сырой бумаги и грохоту армейских грузовиков, увозивших со школьного двора груды внезапно запрещенных учебников. Детей отпустили в середине года на каникулы, а потом выдали новые планшеты, где всё было на малопонятном языке.

Так Миша впервые столкнулся с древнеязом — странной смесью современного с архаичным.

Учителя недоумевали: как можно на нем преподавать химию или физику?

Но обрусители знали, что делали. В каждом классе висели цитаты: «для правильного управления страной слова должны быть правильными и выражать ровно то, чем являются».

Смысл этих изречений Мише объяснили на первом же уроке: обрусением власти пытались победить обезьянью болезнь. Это лекарство привезли сюда из Поднебесной. Движение маокун, пришедшее там к власти, справилось с унынием, внедрив свою триаду: исконность — общинность — призвание.

Чтобы повторить это, требовалось изменить весь уклад жизни. На помощь Руси слетелись тысячи жрецов радостной веры. На совете по борьбе с одичанием маокуны решили начать с исконности и принялись за русский язык.

Его вычищали слой за слоем, заменяя, перекраивая и сшивая заново. Так постепенно сложился древнеяз.

Чтобы приучить к нему обывателей, было введено правило десятины: на каждые десять слов требовалось добавлять одно исконное, которое «яко раствор скрепляло бы словесные камни».

Однако русский ум легко нашел лазейку, обходясь простонародными: «пошто», «токмо», «вчера» и «надясь». На большее хватало немногих.

Имена и фамилии тоже были обрусены: Эйнштейн стал Ишты́ном, Ньютон — Неуютовым, а Шрёдингер превратился в былинного богатыря Средингора.

Мишу обрусение коснулось лично: его имя вернулось к древнему изводу Михайла.

Обрусители не ограничились одной речью: к старине вернули одежду, узоры и даже календарь, ведомый теперь от мифического русского Адама.

Они успели дойти до эпохи Петра, признав ее наиболее пагубной, и собирались идти дальше. Но на татарском слое началась Сибирская война — и всем стало не до слов.

Глава 4. Колоколомна

Из Уложения о соответствии своему призванию

Кто ищет опоры в ближних — стоит непрочно.

Обопрись на призвание свое и обретешь покой.

Добравшись до своей горницы, Мяч опустился на колени и вытащил из-под кровати два пустых чемодана. Вызвав коридорного самочиста, он приказал ему собрать вещи для отъезда. Заниматься этим самому подмастерье был сейчас не в состоянии.

Хищно вращая клешнями, самочист покатился по комнате, хватая всё, что попадало под его фасеточный взгляд.

Мяч подошел к окну и одернул штору. За ней стояло нечто, напоминавшее пылесос-переросток. Нащупав спрятанный под ручкой ключ, волхв нажал до упора. Пылесос развернулся и принял вид чучела. Своими длинными культями, тыквенными колесами и круглым зеркалом вместо головы он легко мог распугать не одну стаю ворон.

Чтобы не мешать самочисту, Мяч залез с ногами на кровать. Чучел встал рядом в ожидании команды. Но волхв молчал, приводя в порядок полупьяные мысли. Ему надо было придумать, что сказать сыну в свое оправдание.

Пока он так сидел, подперев голову ладонью, из стены над кроватью выползло горничное око. В его зеркале вспыхнула и засветилась ладно скроенная девица в коротком голубом сарафане. Грациозно склонившись, гостя спросила с придыханием:

— Ты скучал по мне, мой Мячик?

— Вот токмо не сейчас, — застонал волхв, закрывая лицо подушкой.

— Благой Троян переживает, что ты грустен. Зело пил. Твоя потешка пришла тебя утешить.

Девица наклонялась всё ниже, пытаясь пробудить в человеке желание.

— Троян ошибся: я в порядке. Давай в другой раз, — буркнул он, не поднимая глаз.

— Ну что ты, Мячик! Троян никогда не ошибается. Во что сегодня потешимся?

Не дожидаясь ответа, девица пустилась в пляс, раздувая свои округлые формы, словно меха деревенской гармошки. Вместе с нею заплясало и око, наполнив горницу дрожащим полумраком. Даже самочист, проезжая мимо кровати, притормозил, видно, завидуя их веселью.

Мяч вздохнул и велел личу открыть настройки услуг общежития. Плясунья нашлась в разделе «самотешки». Эти почти живые девушки сэкономили холостым жильцам кучу времени и нервов, необходимых для свиданий, повышая рабочую продуктивность. Для сугубых утех в каждой горнице имелась потайная ниша. Услышав, как она отворяется с протяжным стоном, Мяч вышел из себя. Чувствуя, как его силой запихивают в клетку академика Павлова, он послал к черту свой безусловный рефлекс и заорал в лич:

«Отмена!»

Девица застыла в манящем изгибе, ожидая указаний месткома. Получив подтверждение, что она сегодня не нужна, самотешка вздохнула и, взмахнув платочком, погасла. Но даже гасла она соблазнительно, оставив светиться в зеркале пару нехитрых частей своего кукольного тельца.

— Тьфу ты, паскудница! — выругался Мяч и повернулся к чучелу.

Он использовал этого уродца для связи с сыном, с трудом добившись передачи в остаток чуй-набора. По закону о пожданцах любые мощевые устройства в остатке держать запрещалось. Но для Мяча сделали исключение — благодаря хлопотам Али.

Кое-как уняв чувства, взбаламученные потешкой, Мяч нажал на чучеле значок вызова.

Спустя минуту на его зеркале проступило нечеткое изображение шестилетнего мальчика.

— Мама, звонят! Это папа? — отозвалось в Мишином сердце.

В зеркале появилась смуглая молодая женщина в темно-синей косынке, из-под которой выбивалась копна смоляных волос.

— Почему так долго? Он уже весь заждался! — недовольно спросила Лена.

— Задержался на работе, — сипло ответил Мяч.

— Ты что, пьян? — женщина прищурилась, пытаясь рассмотреть бывшего мужа сквозь помехи.

Мяч мысленно поблагодарил судьбу за плохую связь.

— Да нет. Просто с ребятами немного отметили. Я вообще-то сегодня уезжаю!

— Это куда же? — занервничала Лена.

В этот момент изображение как назло стало четче. Мяч прикрыл ладонью глаза.

— Не могу сказать, секретность, понимаешь...

— Понимаешь... А как же Федя, ты понимаешь? И обещанный ему отпуск? — лицо женщины вытянулось, глаза расширились и заблестели.

— Ну... Пока будем общаться по чучелу. Я хотел сегодня к вам заехать, но в городе чистка.

Елена закатила глаза.

— Как я устала от твоих роботов! Ему нужно живое общение! Он уже забыл, как ты выглядишь по-настоящему — и человек ли ты вообще!

— Всё, не начинай! Просто дай мне пообщаться с сыном. Деньги сегодня переведу, — добавил Мяч, зная, что ей это важно.

Из свода ак. Ржавого:

К середине 76-го века деньги на Руси сохраняли свое хождение по кошелькам только в остатках. Остальные граждане пользовались благами. Введенные в рамках общиннизации, они точно отражали меру общественной полезности каждого жителя державы. Для товарооборота с пожданцами были оборудованы менные ларьки.

В один из таких ларьков Мяч пересылал часть своих заработанных благ, хоть как-то заботясь о сыне.

— Ладно, — помолчав, уступила Елена, — Феденька, там твой папа. Подойди, не бойся.

В зеркале возникло детское лицо с пухлой губой и большими карими глазами.

— Привет, малыш! — сказал Мяч с нежностью, которую не мог понять его Малыш, рожденный в комхозе.

— Привет, — ответил Федя, коверкая слова, — ты пиедешь сегодня?

— Не могу. В городе чистка. Я еду домой к бабушке.

— А ты возьми меня с собой?

— Не могу, мой хороший. Я же говорю, в городе чистка.

Повисло молчание. Лицо в зеркале нахмурилось — и исчезло.

— Ну что ты, обиделся? А я возьму с собой чучел, и мы сможем погулять в новом месте. Посмотрим речку, сходим на потешный дворик, будет весело!

— Федя, ты тут?

— Он ушел! — зло ответила Лена. — Забился в угол... строит из кубиков корону. От тебя ему одно расстройство!

— Ладно, пусть успокоится. Завтра позвоню. Как там у вас вообще?

— Вообще, по-прежнему. Всё дорожает. Нормальной еды не достать. Крутом одни заборы и тетки в черных платках. Проклятая жизнь...

Голос ее дрогнул.

Мяч сжал губы, представляя, каково еще молодой женщине жить с вырезанным личем, каждый миг борясь с унынием. Но тут же вспомнил, что это случилось из-за ее упрямства, от которого страдает теперь их сын. Эта мысль обожгла его злобой.

— Нечего ныть! У тебя был выбор. Могла уйти, как и я. Сами себя загнали в это болото!

— Зато ты хорошо устроился, перевертыш! Выпиваешь там с девками...

Мяч выдохнул, собираясь ответить на эту полуправду, но тут всплыло оповещение:

«Самовоз пребудет через четверть часа».

— Всё, не могу говорить, пора ехать! — бросил он и отключился.

Ему не хотелось еще раз возвращаться к разговору двух людей, выбравших для жизни два разных мира.

В одном еще пытались строить будущее.

В другом оно превратилось в бесконечное ожидание вольно истолкованных пророчеств.

* * *

Оторвав взгляд от чучела, Мяч увидел, что вещи уже собраны. Рядом с двумя до краев набитыми чемоданами высилась покосившаяся башня из книг о спасении души — немое свидетельство былых богоисканий.

Проверив, что самочист ничего не забыл, Мяч велел ему спустить вещи к стойке.

Выходя, он обвел взглядом опустевшую горницу, где провел последние пять лет между работой и сном.

На стойке у Мяча выявили превышение нормы развлечений и списали половину развлекательных благ на месяц вперед.

«А весело я пожил в последнее время! Может, Ленка права — и я просто зажрался?»

Тряхнув головой, Мяч вытолкнул эту мысль, и та покатила по паркету, грохоча, как древнегреческая бочка.

Милый женский голос — возможно, даже живой — на прощанье пожелал ему следовать пути разума. Желтый самовоз уже ждал Мяча у подъезда. Погрузив вещи в багажник, человеке сел на заднее сиденье и поднес запястье к пассажирскому зрачку.

Самовоз поздоровался и попросил его вытянуть руки. В следующий миг из-за двери вылетел ремень, мягко обхватив выпирающее Мишино брюшко.

Бесшумно тронувшись, повозка выкатилась на Тополевую мостовую. Та пенилась и бурлила, пытаясь пробить пятничную пробку. Стрибовцы торопились, разъезжаясь по еще оставшимся дачным поселкам. Устилая яркими повозками городские дороги, люди будто подавали наверх сигнал бедствия, сами не веря, что их заметят.

Проезжая опустевший по случаю чистки парк, Мяч прощался с городом — славным своими летными подвигами. Теперь, когда настоящие самолеты летали над Русью реже, чем кометы, о былом величии напоминали лишь облупившиеся стелы, застывшие на взлете.

Прожив тут с десяток лет, Мяч гордился, что Стрибов не сдался и не опустел, как многие его соседи.

«А я? Неужели, уезжая, я предаю и тебя, рвущийся в небо город?»

Решив, что на сегодня предательств достаточно, Мяч заставил себя думать о другом.

Через час его самовоз доплелся до южного морпоста. Такие стояли теперь на въезде во все крупные города державы. Очередь двигалась медленно. Обычно выезжавших досматривали нестрого, но чистка требовала внимания.

Троянец в мордоспехе с бирюзовым наручем проверил у Мяча пропуск и, убедившись, что тот едет один, открыл выездные ворота.

Как только самовоз покинул город, человек прижался к стеклу и стал всматриваться в пустоши заросших летных полей.

Там, вдали, посреди темной земли мерцали тусклые огни пожданских костров.

Там был остаток, где оставался его обиженный сын.

Въехав на мост, Мяч обернулся.

Стрибов лежал перед ним как на ладони. Освещенный огнями уходящих в небо мощевиков, он выглядел марсианской крепостью, над которой кружили сторожевые стрижи.

Этот город был полигоном будущего. Стрибовский местком словно предвидел надвигающиеся грозы и готовился к ним заранее. Мяч помнил, как еще задолго до войны Акижив начал опускаться под землю на безопасную глубину.

Проезжая темные воды Московии, волхв вспомнил, что не предупредил о приезде свою мать. Отыскав в лице ее светлое имя, он нажал на значок вызова. Мама ответила сразу, будто ждала.

Обрадовавшись, она спросила о Феде. Мяч нахмурился.

— Нет, я один. Фёдора не отпустили. Ну всё, скоро буду!

Самовоз выехал на эрзянский тракт и встал в плотный поток своих умных собратьев, для которых были проложены специальные полосы. Это случилось давно, когда люди поняли, что самодвижы не хотят дружить с ручными повозками. Движение по новым полосам было не опаснее езды на подземном чёлне. Со временем самовозы оттеснили на обочину своих неразумных предков, так любивших выяснять, чей бампер крепче.

Мяч откинулся на сиденье и стал смотреть в окно. Вдали проплывали березовые рощицы, увлекая за собой его мысли.

Вечная Рязанка... Сколько лет мы вместе?

Мои предки, купцы-староверы, еще с царских времен везли по твоим ухабам товар для столичных базаров.

Твоей колеей мой прадед уехал в Стрибов, а потом тем же путем мой дед воротился обратно.

А потом и я, призванный Велесом, двинулся на запад, считая по столбам твои изогнутые версты.

Прошли годы — и вот я возвращаюсь... Один — наедине с тобой, моя Рязанка.

Засыпая, Мяч размышлял, отчего судьба Мячей все время качается, словно маятник — между Московью и Эрзянью.

«Почему никто из нас не нашел равновесия? Может, его и нет для едущих по Рязанке?»

С этой мыслью человек окончательно задремал.

Его разбудила перекличка самовозов, скопившихся перед морпостом. Повозка стояла в хвосте длинной очереди, терявшейся за поворотом. Волхв досадливо охнул и вновь закрыл глаза.

Минут через сорок стекло перед ним опустилось. В глаза ударил резкий свет сканирующей лампы. Троянец в защитном мордоспехе проверил его подорожную и открыл ворота.

Въехав в родной город, Мяч приник лбом к стеклу. Мимо проплывали мост через тихую Коломенку, где Миша чуть не утонул; пыточная башня, из которой вылетела польская сорока, а дальше начиналась она: красная, неприступная, столько раз спасавшая.

Вскоре повозка свернула на родную улицу, и в памяти всплыла считалочка: «Здравствуй, родина моя, признаешь ли ты меня?»

Мама встречала своего Мишеньку в нарядном платье у давно некрашеной калитки. Она постарела: осели плечи, расплзлись по щекам морщины. Но взгляд оставался таким же лучистым, каким Миша запомнил его, первый раз глядя на этот мир.

Они обнялись.

— Колико ж мы не виделись? — спросила Настасья, прижимаясь к неровно выбритой щеке.

— Кажется, два года. С прошлого отпуска, — неуверенно сказал Мяч, жадно вдыхая мамин запах. — Прости, всё работа-работа.

Самовоз напомнил ему забрать вещи и растворился в упавшей на город тьме.

— Ну иди, умойся, будем вечерять, — захопотала мать, закрывая калитку.

С заднего двора доносился залиvistый лай. Не выдержав, Мяч бросил чемоданы и пошел здороваться.

— Смотри-ка, сразу признал! — улыбнулась мама, глядя, как коротконогий Корж крутится волчком, пытаясь допрыгнуть до его ладони.

— А где Поля? — спросил волхв, запуская пальцы в лохматую морду. Счастливый собачий язык норовил лизнуть всё, до чего дотягивался.

— В свинарне, у нее нынче полная смена. Завтра увидите. Да ты садись вечерять, всё уж на столе, — поторопила мать.

Мяч прошел в гостиную и уселся на большое плетеное кресло, оставшееся еще от деда. По случаю его приезда Коржа пустили в дом. Принюхавшись, пес зарычал и бросился под стол, откуда донеслось громкое шипение. Там прятался нелюдимый Лапа. Прогнав кота к лестнице, Корж вернулся и улегся мордой на хозяйский тапок.

— Жалко, Феденьку не пустили, — вздохнула мама, накладывая из кастрюли дымящуюся картошку.

— Ничего, мы погуляем с ним по чучелу, — жадно глотая, ответил Мяч.

— По какому чучелу? — не поняла Настасья. — А, ты про своего робота... Ну хоть так повидаемся...

На Мишином запястье всплыло предупреждение:

«Использовано инородное слово. Наказ — 1% благ».

При нарушении правил древнеязы благой Чур наказывал всех разом, не разбирая, кто сказал, а кто слушал.

— Мама, сама-то присядь, — попросил Мяч, незаметно ответив «Благодарю за наказ».

Мать села напротив и, подперев ладонью лицо, стала смотреть, как ест ее сын. А ел он с удовольствием: еда была живой и без того кислотоватого привкуса, которым отдавали все блюда акиживской столовой.

Мама смотрела с такой нежностью, что Мячу захотелось немедля рассказать ей всё, что случилось за эти два года. Но коварная Екатериновка вновь напомнила о себе, зашатав под ним стул. Растирая ладонью лоб, Мяч сказал виновато:

— Мам, мне бы прилечь...

— Иди, сынок, проспись. Я тебе постелила. Завтра наговоримся, и рассольчик приготовлю, — сразу поняла Настасья, помогая подняться.

— Рассол тут не сдюжит... тут чутки шалят, — кисло улыбнулся Мяч.

Поднимаясь по деревянной лестнице, он сквозь туман приметил, что в доме всё осталось по-прежнему. Дойдя до спальни и кое-как раздевшись, он рухнул на взбитую в его честь перину, надеясь, что сон, как всегда, поможет.

* * *

Что может быть приятнее — проснуться от запаха свежих маминых пирожков?

За окном знакомые с детства звуки: крики петухов, собачий лай, отдаленные удары в колокол. Всё это вместе с солнечным зайчиком, проскользнувшим в щель занавески, мягко будит давно забытое.

Мячу хотелось еще понежиться, продлевая редкий миг дармового счастья. Но мысль о грядущей жаре заставила его подняться. Шел уже девятый час.

Вскочив, волхв распахнул старые тюлевые занавески, и солнце тотчас обожгло ему лицо жарким поцелуем.

Прошлепав в оmyвальню, Мяч стал бриться, с отвращением глядя в зеркало на свое опухшее лицо и дрожащий, как холодец, живот.

Накинув на плечи что-то домашнее, он спустился по скрипучей лестнице.

Мать хлопотала на кухне. Была суббота, и благая Лета звала ее на службу в Дом памяти.

— Садись, я уже убегаю! — сказала она, ставя на стол дымящуюся тарелку с пирожками.

— Ешь, пока горячие. Рассол стоит в леднике. Квас там же. Набери себе флягу, если пойдешь гулять. Да, ключ от дома в прихожей на поставце! — перечислила она, загибая пальцы.

«Ключ, зачем ключ?» — подумал Мяч и невольно улыбнулся.

Его дом совсем не изменился. Разглядывая знакомые с детства вещи, Мяч задержал взгляд на запястье матери. Вместо изящной змейки у нее до сих пор был простой зеленый наруч. В Стрибове такие уже не носили.

— Ну, мне пора, обед в самопечке. Тебе токмо разогреть, — мама чмокнула его в темя и пошла в прихожую.

— Не знаешь, где мой чучел? — крикнул Мяч вдогонку, оглядывая гостиную.

— Твой робот в топочной, — на ходу ответила Настасья.

Мишин лич вновь неприятно завибрировал. Мяч с удивлением посмотрел на молчащее запястье матери.

«Наверно, благой Род снисходителен к тем, кто хранит его память», — подумал он и пошлепал в топочную.

— Зачем ты его таскала? Тяжелый же! — пожурил он маму.

— Иди за мною! — приказал он ожившему самодвижу, представляя, как унижительно было тому простоять всю ночь рядом со старым пылесосом.

Вернувшись в гостиную, он наклонился к чучелу и проверил вызовы — их было уже три.

Мяч улыбнулся: его сын не умел долго дуться на папку.

— Федя уже обзвонился! Верно, гулять хочет! — крикнул он матери, обувавшейся в прихожей.

— Передавай ему привет! И пусть вечером зайдет нас повидать, — крикнула та в ответ.

Взяв в руки складной солнечник, Настасья помахала сыну и вышла.

Заметив, что чучелу пора зарядиться, волхв включил поиск источника мощи. Ближайшим оказался мощевик на перекрестке. Похожий на растопыренную елку, он раздавал энергию по окрестным домам.

Налив себе чай, Мяч ощутил в голове приятную свежесть. Доброхмель, мутивший вчера его голову, выветрился без следа.

Втиснувшись с ногами в дедово кресло, он оглядел гостиную. В утренних лучах было особенно заметно, как выцветшие обои прячут от глаз неровности старых стен.

Этот дом Мишин дед купил задолго до его рождения. Знакомые считали блажью менять Стрибов на эту высланную за 101-й километр «большую деревню», но дед чувствовал, что земля предков зовет его вернуться.

Мячи перебрались в Колоколомну, когда Настя пошла в свой первый класс. Дом был крепкий, просторный, но рано осиротел, потеряв хозяина. Дедушка Володя довел сироту до ума, и спустя годы его толстые стены приняли новорожденного Мишу под свою защиту.

Кваканье удаленного вызова заставило Мяча очнуться. На этот раз Фёдор не стал стесняться и сразу запросил управление чучелом. Улыбнувшись, Мяч дал доступ. Чучел ожил и потянулся. Его клешни скользнули по корпусу, проверяя, всё ли на месте. В зеркале проявилось детское выражение с характерным прищуром.

— Здравствуй, сынок! — сказал волхв, протягивая руку.

— Здаствуй! — ответил Федя, крепко пожав ее клешней.

— Не так сильно, железный дровосек! — застонал отец, выдергивая ладонь.

Фёдор засмеялся, почувствовав себя силачом. Крутя по сторонам лиловым глазом, он покатил по гостиной.

— Это дом, где я родился, — пояснил Мяч, едва успевая отодвигать перед ним стулья. — Сейчас тут никого нет. Только Корж. Помнишь, я тебе про него рассказывал?

— Да! А где он? Хосу посмотреть! — Федя с разгона заехал под стол, где прятался Лапа. Завидев чучел, кот выгнулся и истошно зашипел.

— Такой зой пес?

— Нет, это кот. А Корж, наверно, во дворе. Ну что, идем гулять?

— А мы возьмем его с собой?

— Конечно!

Мяч открыл дверь во двор, позвал пса и начал надевать намордник.

— Это засем? — удивился Федя, пытаясь погладить Коржа. Псу не нравились его клешни, и он всё время увертывался, мешая Мячу застегнуть ремешок.

— Так положено. Иначе будет наказ от Сварога, — пояснил волхв, не уверенный, что сын его понял.

Надев заводской картуз, доставшийся ему от отца, Мяч взял флягу с квасом и вышел на залитую солнцем улицу.

* * *

«Стаая Кокомна» — как говорил маленький Миша — жила будто вне времени.

Где-то шли войны, моры, города закрывались и пустели, а она цвела кувшинкой в тихой заводи, не помня, какой на дворе век.

Пожданцев в Колоколомну не пускали, зато остальных гостей здесь встречали щедро: благо, все последние годы эта земля давала по два урожая.

Двигаясь в сторону Кремля, Мячи вышли к храму, где когда-то крестили Мишу.

Храм действовал, избежав обродения, что считалось редкой удачей. Мяч помнил, как мать собирала прошения к благой Лете, чтобы та взяла церковь под свою защиту. Услышав их мольбы, Лета убедила своего отца Рода отдать ей храмы под Дома памяти.

Проходя мимо храмовых ворот, Фёдор остановился и поднес клешню к зеркальному лбу.

Сидевшая на паперти цыганка с ужасом смотрела, как оживший пылесос пытается перекреститься. Не выдержав, она зыркнула на Мяча вороньим глазом и скрылась в притворе.

— Пойдем отсюда! — заторопил он сына, дернув его за серебряную ручку.

Пройдя пару кварталов, они вышли к Зажитной площади. Здесь располагался знаменитый продуктовый рынок, куда ехали за здоровой пищей со всей Московии. На высоком ярмарочном оке призывно светились изображения свежих продуктов.

Миша помнил, как после закона о благах здесь бунтовали бояре с криками: «Лучше одичать, чем обнищать!». Сам того не желая, он оказался в тот вечер в роли Гавроша. Теперь здесь всё было мирно — на рынке никто не шумел и не торговался, а благодать всех продуктов определял сам благой Сварог.

Вспомнив о болезни сына, Мяч повел его подальше от толпы и окольным путем вывел к набережной Московии.

Там, за столиками веранды, сидели приезжие чревопаломники. Не желая попасть в чистилище, многие были в защитных костюмах. Рядом стояли набитые до отказа кошёлки. Гостям города разрешалось вывозить с собой не больше одной продовольственной корзины. Пробегая мимо одного из столиков веранды, Корж не выдержал. Натянув поводок, пес уперся всеми лапами, пытаясь обнюхать чей-то пыльный ботинок.

Спустившись по набережной, Мячи вышли к понтонному мосту, облюбованному рыбаками.

Проходя вдоль гирлянды из лесок, Мяч с тоскою смотрел на воду. Как и в детстве, она была полна света: солнечные искры густо ложились на рябь от всплесков игривой рыбы.

Рыбаки с удивлением разглядывали чучел — тот был здесь еще в диковинку.

Ловя их взгляды, Мяч хотел ускориться, но Федя не торопился. Он останавливался у каждого ведра и пересчитывал рыбу, пытаясь понять, кто из дядей наловил больше.

Поняв его замысел, Мяч решил не мешать, вспомнив, как сам когда-то не мог жить без натурального счета.

— Осторожно, не свались в воду! — повторял он, придерживая сына за ручку.

— И тут я начинаю тянуть — не идет... Я сильнее — ни в какую... — донеслась чья-то рыбачья байка.

— А што это за ыба? — спросил Федя, указывая на рыбку в руке мальчугана в тельняшке.

— Плотвичка, — важно ответил матросик, снимая с крючка трепыхающегося карасика.

— Какой у вас пытливый самодвиж!

— Это не самодвиж, а чучел! — поправил его Мяч.

— Пойдем уже, Федь, вон как припекает! — взмолился он.

Матросик пожал плечами и бросил в ведро рыбешку, проигравшую ему битву разумов.

Миновав мост, Мячи встали в очередь к пешему морпосту.

Подойдя к окну досмотра, волхв приложил запястье к стеклянному зрачку.

— Смысл исхода из города? — спросила полная женщина с бирюзовым наручем.

— Прогулка с сыном, — тихо ответил Мяч.

Женщина сочувственно взглянула на чучел.

— Осторожнее там гуляйте. На поля вчера занесло саранчу. Ходите токмо по дороге! — предупредила троянка.

С высоты пригорка открывался замечательный вид на монастырь.

— Как касива! — воскликнул Федя, — и скока места побегать! — покатился он в поле с недавно посаженной капустой.

— Нельзя тут бегать! — одернул его Мяч. — Сказала же тетя: ходить только по дорожке!

Дорога к монастырю была укутана мелкой сеткой с надписями: «Не прикасаться!».

Подключенная к мощевнику сетка тихо гудела, являясь единственной надежной защитой от саранчи. Размером с детский кулак эти адские самодвижи стрекотали и прыгали, будто безобидные кузнечики. Заряжаясь от солнца, они могли перелетать любые преграды, ловя парусами порывы ветра.

Главная опасность скрывалась в их начинке. Саранча могла ослепить, уколоть, отравить или просто взорваться. Никто не знал заранее, какая смерть стоит за ее стрекотом.

Согласно мирному договору, саранчу должны были отключить. Но отдельные особи все еще продолжали свое шествие, прилетая со стороны Эрзянии.

Двинувшись к монастырю, Мячи прошли мимо длинной очереди приезжих.

В основном тут стояли, шурша кошёлками, одетые в доспехи чревопаломники. Но попадались и сухопарые богомолки, и просто любители древностей.

Стоя на жаре, все они ждали досмотра, а рядом, вытянувшись косяком, поблескивали чешуей оставленные ими повозки.

Солнце между тем припекало всё сильнее. Благой Троян уже дважды предупреждал Мяча об опасности перегрева. Охлаждаясь квасом, человек шел в тени придорожных вязов.

Корж трусил рядом, тяжело дыша и больше не пытаясь догнать чучел, не замечавший жары.

Спустя четверть часа Мячи дошли до небольшого парка, разбитого перед монастырем. Отражая небесную синеву, между деревьев тихо покачивался пруд, едва тронутый ряской.

Перегревшись, Корж с хрипом тянулся к манящей воде. Мяч сдался и спустил его с поводка. Играя с собакой, Федя бросил в пруд палку, едва не задев ею отца.

Обойдя водоем, они вышли к монастырским стенам, где был разбит лечебный огород. В детстве Миша приходил сюда с бабушкой, учившей его разбираться в травах. От тех занятий в его памяти остался только ее голос. Принюхавшись, он удивился ясности проснувшихся запахов. Оказалось, его нос ничего не забыл.

Заглянув в ворота монастыря, Мяч увидел, что белоснежный каменный красавец обтянут желтой лентой. Рядом висела табличка: «Опасная зона. Проход запрещен».

Внутри работали какие-то люди в серых робах. По их виду Мяч сразу понял, что это не древнекопы. Он знал от матери, что копатели благой Леты всегда снимали землю по слоям. А серые незнакомцы вгрызались в нее так, будто хотели вывернуть наизнанку.

— Папа, а что там под цековью? Может, пойдём посмотрим? — предложил Федя.

— Нет, сынок. Нам туда не надо, — ответил Мяч и двинулся к родовому кладбищу, где принимали всех без разбора: не требуя от живых отчета и не спрашивая мертвых об их уповании.

День кристаллизации

Миша не помнил, когда впервые услышал слово «великомы». Ему казалось, он знал его с самого рождения — возможно оттого, что взрослые всегда произносили его с каким-то особым упованием.

Но день, когда великомы проснулись, Миша помнил в деталях.

На улице стоял необычный мороз. Вернувшись с прогулки, он уселся перед окном, недавно заменившим в их доме телевизор. Показывали страшный советский фильм про скрытое нашествие инопланетян. Чувствуя, как в голову лезет жуть, мальчик ругал себя, но оторваться уже не мог. Внезапно грязноватая картинка сменилась прямой трансляцией. Женщина в строгом костюме объявила, что сейчас начнется пробуждение великомов.

Миша позвал деда и нетерпеливо заерзал, ожидая увидеть нечто вроде нашествия марсиан. Вместо этого ему показали обычную шахту, где люди в касках по команде включили семь разноцветных рубильников. Затем в зеркале появилась карта державы, и басовитый голос торжественно объявил:

«Русь к кристаллизации готова!»

В ответ другой, гулкий, будто из колодца, приказал:

«К кристаллизации приступить!»

И тотчас по карте побежал радужный веер огней, загораясь над городами и весями. Шествие сопровождалось задушевым дикторским тоном:

«В новую семью вступают Лукоморск, Беловодье, Буян...»

Затаив дыхание, Миша ждал, когда загорится лампадка над их городом. Но вот это случилось — и ничего не произошло.

Когда через полчаса волна дошла до Тихого океана, третий, высокий голос пропел:

«Кристаллизация завершена! Все системы работают нормально».

Началась вереница здравниц и поздравлений. Сановники всех рангов и чинов наперебой славили новую вежу, не догадываясь, какое место им будет отведено.

Ничего не поняв, но увлекшись общим порывом, Миша пристал к деду с расспросами. Но дед лишь хмурился и отвечал односложно. Появление гигантов мысли не укладывалось в его думы о русском призвании. Однако одичать на старости лет ему тоже не хотелось, и потому дед молчал, принимая случившееся как часть неведомого плана. А его внук до хриплой темноты спорил с соседскими мальчишками, что же такое кристаллизация.

На следующий день в их домашнем оке сама собой включилась игра «Радуга разума». Яркая, красочная, она заблокировала доступ, пока все жители дома не пройдут ее до конца.

Усевшись с ногами в кресло, Миша первым взялся за дело. Поначалу он путал команды, когда и чем надо моргнуть, но быстро освоился. Игра отдаленно напоминала трехмерное го. Игровое поле было хаотично заполнено множеством черных фишек. В распоряжении игрока было всего семь — зато ярких и разноцветных. Появляясь на поле, они соединялись друг с другом желтыми лучами. Игрок должен был окружить все фишки противника.

Задача казалась Мише несложной, но после каждого хода ему сообщали новые сведения о великомах, тут же закрепляя их вопросами. Мальчика это раздражало, но, пройдя все четыре уровня, он помчался на кухню удивлять бабушку, захлеб рассказывая о великих братьях.

Их было семеро — зеленый Род, желтый Велес, красный Перун, белый Сварог, бирюзовый Троян...

Эти допотопные имена великомы получили во время обрусения. Как их звали прежде, никто не знал. Их привезли к нам еще зародышами: семь сияющих пятнистых яиц.

Проснувшись, братья призвали к жизни целый сонм исполкомов и месткомов, среди которых были Лета и Лада — любимые дочери благого Рода.

Из свода ак. Ржавого:

Выпестованные усилиями тысяч жрецов науки, великомы стали гордостью державы. Работая молниеносно, равновесно, праведно, седмерица братьев избавила общество от лени и разложения, спасла граждан от одичания, вернула им радость и дала счастье чувствовать себя в надежных, кристально чистых руках.

За пересказ этого отрывка Миша получил свою первую пятерку от благого Сварога, чем сильно гордился, так как подсмотреть или списать под надзором справедливого кристалла было невозможно.

Как именно братья вернули людям радость, Мише объяснили только в следующем классе, на уроке жизневедения. Всё дело было в чутках — мельчайших зернышках, крепившихся на стенках мозга. Собираясь, они образовывали в голове протез, которым великомы управляли с помощью личей.

В десять лет Миша прошел свое первое посвящение. Сначала уколom в шею ему ввели чутки, а затем, сделав надрез на запястье, надели зеленый лич. Такие носили все дети до выявления призвания. Поначалу Миша с трудом привыкал к новым ощущениям, но потом освоился и даже перестал различать, где его чувства, а где уже нет.

В четырнадцать лет он прошел второе посвящение и выбрал себе великома. Это разрешилось лишь тем, у кого был выявлен синдром двойного призвания. С Мишей вышел особый случай: врачи обнаружили в его мозгу сразу три точки роста. Он мог стать заводским мастером, научным сотрудником или служителем Леты. Желания отца, матери и деда сошлись в нем, став развилкой, на которой Миша, не задумываясь, повернул налево — потому что деда любил больше.

Выбрав Велеса, он был счастлив отправиться в Стрибов учиться мудрости волхвов. Найти своего великома, обрести призвание и стать нужным раз и навсегда — чего еще может желать на этой земле человек? Так тогда думали многие.

Глава 5. Остров детства

Из Уложения о соответствии своему призванию

Кто часто оборачивается, забывает, куда идет.

Чти корни свои и оставь их земле.

Путь от монастыря до погоста был недолог. Неприметную оградку родовой усыпальницы Мячей окружал забор из высоких надгробий. Мишин дед выкупил это место вскоре после их переезда — заранее, как он любил шутить, «на вырост». И кто знает, не ускорил ли этот «погост на вырост» их с бабкой кончину.

Всё случилось незадолго до Сибирской войны. В тот год поветрие выдалось особенно лютым, расползаясь по этажам и подъездам словно плесень. Коломенцы, как всегда, надеялись пересидеть эту напасть за своими заборами. Надеялся на это и Владимир Лякеевич.

Помня ужасы, пережитые в Стрибове, когда всех заперли по квартирам, как по камерам, он готовился к мору заранее. Сделав из подвала просторный схрон, он запасал туда всё необходимое, чтобы выжить большой семье. Когда волна докатилась до Московии, дед велел обеим дочерям немедля приехать с семьями в свой коломенский ковчег.

Собравшись вместе, Мячи пережидали бушующую на улицах смерть за толстыми родовыми стенами.

Вечерами дед обходил дом, пересчитывал потомство и, убедившись, что никто не заболел, докладывал супруге, стоявшей на коленях у моельного камина:

— Все целы, мать! Еще бы не так!

Через полгода поветрие схлынуло. Троянцы потрудились тогда на славу, найдя управу на заразу, прятавшуюся под шкурой овечьего гриппа.

Прививки сделали все, кроме стариков. Несмотря на уговоры, они упрямо отказывались, опасаясь последствий — и это была их первая ошибка.

Вторая случилась под Рождество.

Закрытые месткомом храмы стояли пустыми с Пасхи. Решив, что вирус для Бога не указ, трое ретивых батюшек решили устроить в сочельник тайную службу для своих.

Среди «своих» оказались и Мишины дед с бабкой.

Соскучившиеся по службе прихожане набились в церковь битком. А через два дня у стариков появились первые признаки заражения.

Они умерли быстро — как и многие, кто был на той службе.

С тех пор Мяч больше не праздновал Рождество, вымещая обиду на Младенце.

В глубине души он понимал, что в случившемся виноват сам дед, но долго терзался вопросом, как этот человек, привыкший упреждать любую опасность, допустил такие нелепые ошибки.

Ответ пришел позже, на занятиях по пересборке личности, когда духовник объяснил случившееся синдромом «пьяного Ноя»: пережив потоп, человек теряет бдительность и начинает слишком полагаться на Бога — точнее, на свое представление о Нем.

Скрипнув калиткой, Мяч вошел внутрь и провел ладонью по занесенному березовой пылью памятнику. Смочив губку, спрятанную под скамьей, он принялся бережно обмывать мрамор.

— Кто это? — спросил Федя, с трудом протиснувшись сквозь узкий проход.

— Твой прадед Владимир. А это — прабабка Наталья, — ответил Мяч и посмотрел на пустующую рядом могилу.

Дед завещал ему это место, чтобы и после смерти быть рядом с любимым внуком.

Глядя на мраморные лица, Мяч подумал:

«Вот жили вместе, умерли вместе и лежат тут под одним камнем... А с кем разделю мой камень я?»

— Отчего они умейли? — спросил Федя.

Подъехав поближе, он разглядывал незнакомые лица, пытаясь угадать причину.

— Как тебе сказать... Не мыли руки перед едой, — ответил отец.

— Бедные! Почему вы не мыли уки? — сочувственно спросил Федя.

Он наклонился, подцепил валявшуюся в проходе пластиковую розу и сделал ямку в могильном цветнике. От нереальности происходящего по Мишиной спине пробежали мурашки. Чучел, похожий на пылесос, стоял над могилой прадеда, умершего на святках, держа в клешне искусственный цветок.

Не выдержав, Мяч отвернулся и подошел к следующей могиле с надписью: «Максим Мяч».

Здесь лежал его отец.

Рожденный где-то под Соликамском, он окончил Пармскую инженерную академию и попал на Коломзавод по распределению, где встретился с Настасьей, проходившей практику в заводском музее. Их работа над статьей по истории силовых установок закончилась предложением руки и сердца. На удивление родни, жених решил взять фамилию невесты, чем весьма порадовал тестя, боявшегося остаться на свете последним Мячом.

Максим был молчалив и требователен к детям, скупился на проявление чувств. В этом он сильно отличался от Мишиного деда, любившего вести с внуком задумчивые беседы.

Мяч стал лучше понимать отца, только когда переехал в Стрибов, где ощутил всю пользу его строгого воспитания. Но сказать ему об этом не успел.

Стоя над его могилой, волхв снова и снова протирал губкой высеченный в граните вечный огонь и короткую эпитафию: «Погиб за Родину».

— Пойдем, пап? — позвал его заскучавший Фёдор.

Пока его отец стоял в задумчивости, он успел выложить на могиле крест из желтых одуванчиков.

Затворив калитку, Мяч отвязал отдохавшую в тени собаку. Пробираясь между надгробиями, он случайно наступил на заброшенную могилу. Ограды уже не было. Поросший холмик и лежащий в изголовье камень с необычной эпитафией — вот всё, что осталось от местного поэта. Мяч помнил этого нескладного, будто потерявшего что-то человека. В детстве он встречал его, гуляя с бабушкой в парке. Та звала его нашим Гомером, рассказывая, что он всю жизнь писал странные стихи без рифмы, которые никто не читал.

* * *

Вернувшись к реке, они увидели, что ее берега разошлись. Прижавшись щекой к набережной, мост выбрал сторону матери. Самоуверенной походкой по реке шел белоснежный прогулочный самоход, заплывший сюда с Оки.

Федя помахал ему клешней. В ответ кашалот выпустил в их сторону струю воды.

Дождавшись, когда мост вновь помирит два берега, Мячи перешли через реку и поднялись к набережной.

Поравнявшись с верандой, волхв решил передохнуть. Привязав собаку к столбу, он подошел к киоску и попросил холодного морса. Заняв столик, он вдруг заметил, что Федя остался стоять у лотка с мороженым.

— Ты чего, Федь? — спросил Мяч, подойдя к сыну.

— Хватит искушать ребенка! — вздрогнул он, услышав знакомый женский голос.

— Я не искушаю... Просто взял себе попить.

— Вот именно — себе! А о нем ты подумал?

— Мама, не йезь! Дай мне самому доигать! — заныл где-то Федя.

«Доиграть?.. Неужели он воспринимает мою жизнь как игру?» — неприятно кольнуло Мяча.

— Вот как мы поступим: выбери мороженое, а я закажу тебе в Стрибов ледяную доставку, — предложил он сыну.

Для запертого в городах люда почта была настоящей отдушиной.

— Уа! — обрадовался Федя новой возможности.

Его чучел не умел передавать вкус, но у мальчика было хорошее воображение. Выбрав себе лучшие шарики — шоколад, ваниль и апельсин, — он дважды их пересчитал.

— Зачем раздражил ребенка? Теперь кашу есть не хочет! — снова донесся недовольный голос.

— Федя, иди поешь! А вечером я тебя вызову — познакомишься с бабушкой.

Связь оборвалась. Чучел обмяк, опустив клешни, будто из него вынули душу.

Допив свой морс, Мяч забрал у мороженщика сверток и побрел к дому.

После жизни в подземном Акиживе ходить по жаре давалось ему непросто. Не помогли ни картуз, ни холодный сверток на затылке.

С каждым шагом шею жгло всё сильнее.

— Ну, Корж, у вас тут и Сахара... — пожаловался он, вспоминая, как в детстве бродил по этой улице, наслаждаясь летней прохладой.

Мяч слышал по Питому Риму, что изменение климата произошло из-за появления Грани, но он в это не верил.

Дома его ждала прохладная окрошка.

Поев, человек почувствовал в голове сладкую тяжесть и не стал сопротивляться.

Спрятав сверток в ледник, он выкрутил до упора ручку охладителя и улегся спать.

Ему приснилась лодка.

Они плыли вдвоем с дедом по Московии. Дед сидел на веслах, а Миша — во сне ему было лет десять — крутил головой на носу и выкрикивал названия проплывающих деревень.

Поравнявшись с набережной, где Федя выбирал себе мороженое, лодка начала поворачивать вправо. Они причалили к пристани, где в вечном ожидании пассажиров стоял огромный самоход. Слишком большой для Московии, он словно был создан для плавания по далеким морям.

Бросив весла, Владимир Ляксеич перебрался на нос, схватился за крестовидный поручень и ступил на свою последнюю пристань.

— А я? — испугался Миша, хватаясь за его морщинистую руку.

— А тебе, Мишок, еще плыть да плыть, — ответил дед, оттолкнув лодку от берега.

— И держи весла крепче! — прокричал он напоследок.

Миша схватился за весла, но одно из них за что-то зацепилось и, выбив уключину, больно ударило его по руке.

Мяч вскрикнул и проснулся. Его лич заливался призывной трелью.

Растирая руку, подмастерье взглянул на запястье и нажал «Ответить».

На шляпке возникло румяное, бородатое и всегда довольное жизнью лицо духовника Кости.

Из свода ак. Ржавого:

Родовые духовники появились при внедрении третьего, самого важного компонента маокунской триады — обретения нового призвания. Они играли ключевую роль в пересборке личности, помогая своим чадам обрести новое «я», преодолев прежнее. При серьезном расстройстве личности такая духовная реабилитация могла занимать годы.

Константин работал с Мячом уже около пяти лет.

— Приветствую, Михайла! Ты где нонче обретаешься? — радушно спросил он.

— Приветствую, отче. Гощу у матери, набираюсь сил перед новой работой.

— Дело благое! А мне тут обзвонились по твою душу.

— Это кто ж так жаждет моей души?

— Некто доктор Здравий... из Китежа, — сверился Костя по личу.

— И что ему надобно? — спросил волхв, держась за ушибленную руку.

— Сведения, дружок. Всем нужны сведения. Ему надобно знать о тебе всё.

— А не пошел бы он со своей надобностью! — вспыхнул Мяч.

Костя заухал филином.

— Отличный живой отклик! Вижу, ты сегодня совсем не зажат.

— Да, у меня было хорошее настроение...

— Не переживай. Я навел справки: Здравий — настоящий мастер разумной духовности.

Будешь с ним в надежных руках.

— Почему с ним? А как же ты?

Духовник развел зелеными рукавами. Он был одет в рясу родовика.

— По условиям работы в этом... Китеже тебя может окормлять только местный специалист.

— Что за ерунда! Я не желаю другого духовника!

— А он тебе больше и не понадобится, — лукаво улыбнулась борода. — Вчера я подписал свидетельство о завершении твоей пересборки. По документам ты теперь здоров.

— Но мы ведь еще не... — Мяч вспомнил про свои непроработанные зоны.

— Уразумей, друже: если б я этого не сделал, тебя бы туда не взяли. А я не хочу, чтобы ты упустил такой случай раскрыть свое призвание.

Мишины глаза заблестели: Константин знал, о чем говорил. Бывший батюшка, сам прошедший духовную перековку, он как никто понимал, как важен для оступившегося шанс найти себя в новом мире.

— Да... ты прав, — согласился он. — Я бы сильно расстроился. Мне и сейчас не верится, что я буду изучать симпоток... тот самый, помнишь... что накрыл меня на Ордынке?

— Тише-тише, Михайла, — мягко остановил его духовник. — Ты же дал подписку о неразглашении. Я ничего не слышал.

Мяч осекся, вспомнив о секретности, которой пугал его краснух.

— Но втихаря я за тебя рад, — подмигнув, чуть слышно добавил Костя.

— Коли мы расстаемся... дай мне хоть поблагодарить тебя, — обратился растроганный волхв. — Если б не ты, я до сих пор бы бубнил в остатке пожданские молитвы.

Костя просиял.

— Благодарю, Михайла, и весьма тобой горжусь. За эти годы ты прошел большой путь, избавился от детских мороков и предрассудков. Теперь ты свободен обрести свое призвание.

Мяч зарделся, стараясь не обращать внимания на внутренний укол от упоминания детства.

— Вот бы еще решить с Федей... — с надеждой произнес он, вспомнив совет наместника.

— Ты ведь гулял с ним сегодня? — спросил прозорливый духовник.

— Да. И, похоже, ему тут нравится. Но иногда мне кажется, что он воспринимает мой мир как игру.

— Игра в его положении — естественный способ познания, — спокойно ответил человек в зеленой рясе. — Продолжайте общаться. Побольше тепла — и со временем ты обретешь сына.

— Но сколько еще ждать?

— Многое зависит от твоей новой работы. Боюсь, первое время тебе будет не до него. Оставь пока всё как есть. Федя под крылом Трояна. Все прошения поданы, надо только набраться терпения.

На первом этаже хлопнула дверь.

— Миша, мы пришли! — послышался теплый голос матери.

— Мне пора, — пожал плечами Мяч. — Мы ведь еще поговорим?

— Зело возможно. Только уже не как наставник с чадом, а просто — по-дружески, — подмигнул духовник.

Мяч приложил кулак к сердцу и склонил голову, принимая от него последнее благословение.

* * *

В гостиной Мяч застал троих. Старшая сестра Полина доставала еду из сумок. Ее долговязый муж Геннадий боролся с упрямой бутылочной пробкой. Оба трудились в свинарне к северу от города — загорелые, крепкие, земляные.

Подойдя ближе, Мяч вспомнил о местных вольностях. Среди сочных окорочков и поджарых ребрышек на столе возвышались две бутылки крепленого шатурского.

В отличие от Стрибова, в Колоколомне к этому относились с пониманием.

Справившись с пробкой, Геннадий взялся за разлив. Вспомнив свой недавний опыт с добровухой, Мяч попросил налить ему только «для вида», вызвав усмешку у шурина:

— Тут всё натуральное, свояк. Не бойся — не отравим!

Полина рассмеялась вслед за мужем.

— За семейную встречу! — сказала мать, довольная, что ее дети рядом.

Мяч выпил, приятно удивившись терпкому вкусу.

— Как живешь, Поля? — спросил он у сестры.

— Житуха у нас — не заскучаешь! — ответил за нее Геннадий. — Намедни мою Полянку выбрали в благой совет Авсеня.

— Ну и как? Часто приходится выступать? — поинтересовался Мяч, глядя на Полю.

— А то как же! — снова влез Генка, кромсая ножом свиню. — Мы уж и наряд ей заказали — последнего кроя!

Полина ела молча, посмеиваясь над балагуристым мужем.

— А тебя самого-то, Гена, еще не выдвигали? — спросил Мяч, надеясь так разговорить сестру.

— Да куда ему, без образования-то! — махнула рукой мать.

— Не скажите, Настасья Владимировна, я сам собой образуюсь! — обиделся тот. — Вот надесь захаживал в дворец... на это... на рождение.

— На радение, — поправил Мяч.

— На то самое. Ничего дурного: Родина-Род, мы один народ. Гимн попели, хороводы поводили... А потом — на тебе: десять благ на усиленное питание!

Шурин довольно хмыкнул.

— Ну я сразу к Игнату. Выпили с ним за здоровье Рода! Всё одно протухнут... — поделился он свежим духовным опытом.

Блага действовали только один месяц: накопить или передать их кому-то было нельзя.

— И зачем ты туда пошел, ты же крещеный! Что тебе — храма мало? — возмутилась мать.

— Да я одним глазком... А крест у меня всегда при себе!

Генка оттянул ворот рубахи, показав почерневший крестик на цепочке.

— А супротив веры там ничего и не было, наоборот, мол, надо помнить свои корни. Так что ж в этом плохого?

— И дали тебе за это «ничего» всего десять благ. Интересно, сколько это в серебряниках? — едко спросила мать.

От этих слов Мяч поморщился и залпом осушил рюмку.

— О, пошло дело! — заметил Геннадий и, повернувшись к теще, начал оправдываться:

— Обижаете, Настасья Владимировна, вы же сами Роду служите...

Тут он осекся, ощутив под ребром тяжелый локоть сидящей рядом жены.

— Ладно болтать-то, — наконец сказала Полина, разглядывая брата. — Сам-то как живешь, Миха? Всё бобылем?

— Не совсем, — возразил тот. — Сейчас я вам покажу.

Он выкатил чучел на середину гостиной и начал вызывать Федю.

— Это что за пылесос? — удивился Генка, отодвигая бутылку, чтоб лучше рассмотреть.

Спустя мгновение чучел ожил и спрятался за отца. Лиловый зрачок настороженно оглядывал незнакомых людей.

— Вот, Федя. Это твоя бабушка, это тетя Поля, а это дядя Гена, — представил всех Мяч.

— Здравствуй, Феденька! Как же ты вырос... — ласково начала бабушка, смутно представляя, какого роста теперь ее внук.

— Здорово, Федька! Дай-ка лапу! — потянулся к нему Генка, до конца не понимая, кто перед ним.

Чучел осторожно пожал его лопатистую ладонь.

— Ого, да у него крепкая хватка! А что ж молчишь-то, Федька?

— Стесняется он, Гена, — ответила мама, делая знак глазами.

— А хочешь посмотреть крокодилов? — вдруг предложила Полина.

Федя вопросительно посмотрел на отца. Тот кивнул.

— Рядом с нашей свинарней есть крокохоз. Там крокодилы, змеи, еноты... — уговаривала сестра.

— Вот такие крокодилища! — подтвердил Гена, показав свои крупные конские зубы.

— Хошу к кокодиу! — с трудом выдавил Федя.

— Вот и молодец! Миха, мы завтра заедем на заре. Смотри, не проспи! — наказала сестра.

У нее с детства был отцовский характер, прошедший хорошую закалку в свинарне.

— А вы разве завтра работаете, выходной же? — спросил Мяч, не подумавши.

— Вот умник, у свиней не бывает выходных! — сострил шурин.

Оба залились хрюкающим смехом. Усть много братца было для селян делом чести.

— Эй, не смефтесь над моим папой! — закричал вдруг Федя, ударив клешней по полу.

Старая половая доска не выдержала и лопнула, дав место трещине.

— Смотри-ка, как папку защищает! — с уважением заметил Гена, разглядывая пробину.

— Мама, а что у вас там за копатели в Добрене? — спросил Мяч.

— Не знаю, сынок, сами в догадках.

— Да эрзянские это, — уверенно сказал шурин. — Я видел, как они у монастыря выгружались. Батюшка Ипполит говорит, что они там древности обретают.

— Какие еще древности? И почему Лета не знает? — всплеснула руками Настасья.

— Ладно, мамуля, пора нам, — сказала Полина, поднимаясь.

— Завтра рано за тобой приедем! В шесть — понял, племяш? — сказала она Феде, постулав пальцем по зеркалу.

Чучел кивнул, пытаясь отодвинуться. Сестра ласково погладила мальчика по металлической щеке.

* * *

Летом Авсень будит селян рано.

Как и условились, сестра с шурином заехали на рассвете на стареньком извозе с открытым кузовом.

Погрузив чучел в кузов, Мяч нажал кнопку вызова, но Федя не откликнулся.

— Спит, что ль, малой? — зевая, спросил Геннадий.

Волхв пожал плечами.

Извоз тронулся, оставляя позади Настасью, вышедшую проводить сына.

Проехав мост через Московию, они покатали полями. Открытые окна заменяли неработавший охладитель.

— Прикрой окно, свояк. Саранча балует, — спохватился Генка. — Намедни одна чуть внутрь не запрыгнула.

Мяч поспешно закрутил ручку. Чучел ожил и начал осматриваться.

Вокруг, до самого горизонта, тянулось русское поле, омываемое речным ветром. Шелестя волнами по зеленому макушкам, он будил сонные колосья, призывая их тянуться к солнцу.

Крокохоз располагался на месте заброшенного коровника.

Мячу, бывавшему здесь в детстве, не верилось, что изнеженные твари смогли пережить мор уныния. Видимо, обрусевшие ящеры приобрели ген особой стойкости.

— Открывай, Петрович, свои! — крикнул Геннадий, остановившись у ворот.

Сторож, дремавший в будке, показал на надпись «Закррито», но потом отворил.

— У нас вообще-то по записи... Токмо для тебя, Генка, — проворчал Петрович, одетый в костюм енота. — Проходите, пока нету этих... брюхопаломников.

Пройдя под пластиковым аллигатором, посетители вошли внутрь ангара.

Им повезло: близилось время кормежки, и рептилии нетерпеливо ползали в своих вольерах.

— Пойдем, покажу самого большого, — предложил Геннадий, обращаясь к племяннику.

До этого Федя видел крокодилов только на пожданской гравюре. Местный дьяк учил его читать по ней: «Ле-ви-а-фан».

Когда они отошли в сторону, Полина взяла брата под локоть:

— Ну и что думаешь с ним делать?

— А что тут думать... Надо ждать, как Род благословит.

— Смотри, как бы всю жизнь не прождать. Жениться тебе надо — ребенку мать нужна.

Мяч замялся.

— Есть кто на примете? Али мне подобрать? — продолжала давить сестра.

Пожевав губу, волхв неопределенно покачал головой.

— Вот что: поезжай в свои секреты, но если вернешься бобылем — женю без разговоров, — отрезала Поля. — Есть у меня на примете одна девка с соседнего коровника. Хочет себе мужика поумнее. А с нею и сына разрешат забрать.

Мяч хотел отшутиться, но, поняв, что сестра уже всё решила, не стал спорить.

— Ладно... Будет отпуск — там посмотрим.

Хлопнув его по спине, Полина раскатисто засмеялась, заставив вздрогнуть даже левиафана. Тут на ее землистом запястье заиграла пастушья свирель.

— Нам пора! — враз посерьезнев, сказала она.

Мяч кивнул, но решил остаться, чтобы показать Феде кормежку. Ждать пришлось недолго. Наблюдая, как зубастые рептилии наперегонки бросаются на летящие куски сырого мяса, волхв размышлял:

«Не в этом ли наша цель: урвать свой кусок — а там будь что будет? Пусть даже ничего не будет. Смысл рождается и умирает лишь на миг победы, когда вырываешь у судьбы мясо, должность или знания».

Смакуя эту варяжскую мысль, он вдруг почувствовал, как чья-то челюсть прихватила его за ногу. Не желая оказаться десертом, Мяч дернулся, вырываясь из хватки... собственного сына. Федор, заметив, что папа его не слышит, решил потеревить его за ногу, желая «покомить кокодиа».

Держась рукой за сердце, волхв подошел к человеку в кровавом фартуке, стоявшему у тачки с сырым мясом.

Тот, поколебавшись, протянул ему порцию потрохов, доверив покормить мелкого каймана, одиноко жившего на выселках.

Забросив потроха в его вольер первым же броском, Федя остался доволен. Кайман, кажется, тоже.

Выйдя из зеленых ворот крокохоза, Мячи направились по дороге, окутанной гудящей защитной сеткой.

Пройти мимо свинарни было непросто — ее крепкий запах разносился по всей округе.

Это заброшенное хозяйство мать поднимала несколько лет назад вместе с другими вдовами. После гибели мужа ей — женщине, привыкшей вести лекции в Доме памяти, — пришлось надеть сапоги и заняться скотиной. Это случилось в тот памятный год, когда все великомы неожиданно впали в спячку.

Но мать не роптала, отшучиваясь, что в общении со свиньями сбылась ее детская мечта.

Когда великомы проснулись и Лета позвала Настасью обратно, она передала хозяйство подросту дочери и вернулась в Дом памяти. Закончив училище Авсеня, Полина вошла в свинарню как в родной дом, встретив здесь своего человека. Геннадий тоже не любил город со всей его зауемью и доверял только тому, что растет и колосится.

Свернув с дороги, Мячи вошли во двор свинарни. Проходя мимо знакомого извоза, волхв заметил на его кузове следы кровавой грязи.

Кормежка была в разгаре. Доносящееся отовсюду хрюканье то и дело перемежалось визгами придавленных и обделенных.

Полина с дочерьми кормила поросят в открытом загоне. Геннадий вез тачку с баландой в хлев с подростыми хряками.

После Левиафана Феде захотелось посмотреть свинок побольше и, сделав глубокий вздох, человеке вошел в царство вечного смрада.

— Ну как запашок? — спросил шурина, заметив, как тот прикрывает платком нос.

— Нормально... — ответил Мяч, смущаясь.

Волхв на селе всегда считался белой вороной.

— На, малой, покорми-ка Борика! — Генка бросил чучелу кочан капусты.

Борик стоял в дальнем вольере, подпирая ограду тяжелым рылом, и, судя по угрюмому виду, был первым в очереди на убой.

Дождавшись, пока Федя отъедет, Геннадий притянул Мяча за рукав:

— Слышь, свояк... Я тут слышал — тебя женить надумали?

— Да, сестра что-то говорила... — неохотно ответил тот.

— Не вздумай, — зашептал Генка. — Зачем тебе этот аркан? Погуляй еще. Мужу перед семьей настояться надо, как вино в бочке, понимаешь?

Мяч удивленно посмотрел на серьезное лицо Геннадия. Казалось, тот снял с себя шутовской колпак.

— Я бы и сам, если б не дети... — продолжил шурин, но Мяч прервал его, решив, что услышал достаточно.

— Спасибо, Гена. Я учту, — сказал он громче, чем нужно.

От этой заботливой опеки четы свиноводов он чувствовал себя хряком.

В дальнем конце вольера послышался смех.

Обернувшись, Мяч увидел своего племянника. Тот смеялся над неуклюжестью Феди, пытавшегося подцепить клешней скользкий кочан. На каждую неудачу Борик отвечал яростным качанием ограды.

«А ведь Федька мог бы стоять здесь... живой, настоящий, и без этой жестяной банки», — подумал Мяч, на миг согласившись с сестрой.

Наконец Федор справился и стал наблюдать, как боров ловко разделяет кочан.

Почесав клешней его холку, мальчик заявил, что «идет завтакать», и отключился.

Мяч выбрался наружу и поспешил домой. После хлеба ему хотелось воздуха и тишины.

Идя рядом с подпрыгивающим на кочках чучелом, он ощущал себя Даней Кихотовым и вскоре встретил свою мельницу. Ею оказалась застрявшая в сетке саранча. Зеленое обмякшее тельце беспомощно трепыхалось под ударами мощи, словно лист на ветру.

Дошагав до дома, Мяч застал в дверях мать, только что вернувшуюся из храма. Та была разругана от ходьбы и молитвы. Сыну было неприятно, что она продолжала ходить в тот храм, где случилась та страшная служба. Но Настасья держалась за приходскую общину, где помнили ее родителей и не бросали своих.

— Тебе поклон от отца Павла! — объявила она, снимая туфли. — Принимай гостинцы.

Настоятель, знавший Мишу с детства, передал ему просфору, два местных апельсина и благословение на труд во славу Руси.

Мяч поблагодарил, но на предложение матери поговорить с батюшкой отказался. Вопросы веры перед ним больше не стояли, а всё прочее казалось пустой учтивостью. Вместо этого он попросил отнести в храм свои книги о спасении души, привезенные из Стрибова.

— Жаль... батюшка хотел молебен отслужить по тебе и Феденьке, — вздохнула Настасья, накрывая на стол.

Позавтракав оладьями в компании угрюмого Лапы, Мяч отправился посидеть на своем любимом утесе. Ока была всё такой же — неспешной и величавой. Казалось, ничто в мире не способно поколебать ее течение. Глядя в водяную глубь, Мяч будто всматривался в собственные мысли, гадая, что приплывет к нему из неведомого далека.

Но долго на утесе он не усидел — жара погнала Мяча обратно к дому.

Вернувшись, человек достал из шкафа свои детские сокровища и скоротал остаток дня наедине с воспоминаниями, пока мать не позвала его ужинать. Жара спала, и Настасья вышла полить огород. Перекусив, Мяч вышел за ней во двор. Они устроились на широких качелях и стали воскрешать из памяти давно почившие образы.

Они говорили долго, глядя, как коломенские звезды ворочаются в своих небесных колыбелях.

Кот Лапа дремал на маминых коленях, а рядом в ногах сопел убаюканный их речью Корж. Тихая ночь ненадолго примирила даже этих домашних недругов.

Мишины глаза уже слипались, но ему хотелось, словно впрок, насидеться с виновницей своего бытия и выведать ее главный секрет. Наконец он решился и спросил по-простому:

— Мам, а зачем я тут?

Настасья рассмеялась и вместо ответа припомнила обстоятельства его рождения:

— Ведь не должен был ты, Мишенька, родиться. Нечаянный ты у меня. Прозевала я тебя, дура сонливая... Забылась после укула и всё проспала. Уж больно робко ты стучался на этот свет.

Мамин голос становился всё мягче.

— Утром проснулась, гляжу — воды отошли, схватки кончились... затих ты. Не дошел. Я в крик. Сестры переполошились, не знают, что делать.

Ее голос дрогнул.

— Слава Богу, Давид Ефимович, врач наш, прибежал, и давай меня крутить, мять... и на тебя всё кричал: «Вылезай, окаянный, нету тебе назад ходу!»

Настасья улыбнулась. Глаза ее блестели.

— Насилу уговорил. К полудню ты и появился.

Помолчав, она добавила:

— Чудо это, Миша. А к чему оно — сам разумеи...

Мяч хотел уточнить что-то, но мать, разбередив себя воспоминаниями, уже не могла остановиться. И он молчал, чувствуя, что ей надо выговориться.

Мама сетовала на здоровье, на работу, на паломников, думающих всё больше о еде. Переживала за Федю и Полиных деток.

Она говорила и не замечала, как светится в полнолунном сиянии ее лицо. Оно светилось той тихой речной неспешной мудростью, которой так не хватает в молодые суетливые годы.

Поднимаясь по лестнице в полутьме уснувшего дома, Мяч с тоской сознавал, что мать осталась последним островком его ушедшего под воду детства. В груди саднило от найденной формулы: как ни стремись к родному берегу, стоит ступить на него — и уже спешишь обратно, в волны, спасаясь от увиденного в детском зеркале.

Буки. Глава 6. Чистилище

Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!

Ещё прекрасен ты, заглохший Элизей.

И обаянием могучим

Исполнен для души моей.

Баратынский

— Миша, вставай, за тобой приехали! — услышал Мяч сквозь толщу липкого сна.

«Проспал...» — подумал он, отрывая голову от пропотевшей за ночь подушки. Мать стояла над кроватью с тем озабоченным видом, с каким когда-то поднимала в школу своего сладко спящего Мишеньку. Мяч зевнул, ожидая увидеть мамину улыбку, но Настасья продолжала напряженно его разглядывать.

— Ты что без крестика-то, Миш? — спросила она, наконец поняв, что ее смущало.

Не желая говорить об этом перед отъездом, Мяч соврал первое, что пришло в голову:

— Наверное, обронил где-то.

— Эх, и ехать пора... Нет времени в храм-то сбегать! — всплеснула руками матушка.

— Да ладно, мам, куплю где-нибудь по дороге.

— Где ж теперь купишь-то... — покачала головой Настасья и, нащупав цепочку на своей тонкой ключице, сняла с себя потертый крестик. Мяч покорно склонил голову. Надев крест на его обгорелую шею, мать успокоилась. Она еще не знала, что, уходя из остатка, он оставил вместе с сыном и свою детскую веру.

— Одевайся, я пойду соберу что-нибудь на дорожку, — сказала мама, выходя из спальни. Из окна донесся призывный гудок.

Мяч посмотрел на запястье. На покрасневшей от стыда шляпке мигала дюжина неприятных сообщений: «Выходите, вас ожидает повозник!»

Мяч откашлялся и ответил, что будет готов через четверть часа. Ударив сонным плечом о косяк, он потащил себя в оmyвальню. Торопясь, криво подровнял свои и без того скромные усы. Его козлиную пожданскую бородку сбрили еще в начале пересборки, выметя вместе с волосами и остатки веры.

Надев отглаженную мамой косоворотку, волхв кое-как застегнул ремень, втянув в себя живот, подросший на местной сдобе.

Проверив, что ничего не забыл, он сбежал по лестнице, пересчитывая по старой привычке ее скрипучие ступени. Крикнув суеотящейся на кухне маме, подхватил чемоданы и, на ходу разбудив чучел, велел ему идти следом.

Выйдя из калитки, Мяч остановился, с недоверием осматривая черную повозку. Наглухо затененные стекла и длинный кузов навевали что-то мрачное.

Передняя дверь отворилась и оттуда выскочил приземистый повозник. Одетый во всё серое, он напоминал давно исчезнувшую касту гардеробных швейцаров. Лишь узкие голубые глаза и белые перчатки выделялись на сером фоне. В руках возница держал личемер, по форме напоминавший церковную свечу.

— Михайла Мяч? — сухо спросил он, явно недовольный долгим ожиданием.

— Да, — виновато ответил волхв, подставляя ему запястье.

Удостоверившись, что это он, повозник убрал личемер и взялся за чемоданы. Открыв багажник, он бросил их в бездонную пупырчатую пасть.

— Это тоже грузить? — указал возница Мячу под ноги.

Тот кивнул и велел чучелу сложиться. Повозник подозрительно легко подхватил его за серебряную ручку и впихнул между чемоданами, заставив толстяков потесниться.

Отворив заднюю дверь, он вежливо, но настойчиво пригласил Мяча садиться.

— Одну минуту, — попросил тот и обернулся к дому.

Мама задерживалась. Наконец ее фигурка мелькнула в кустах сирени.

— На дорожку! — запыхавшись, сказала она, протягивая сыну теплый кулек.

Увидев повозку, женщина всплеснула руками.

Мяч поспешил обнять ее, пообещав, что напишет, как только доедет.

Повозник наблюдал за ними безучастно, но, как только Мяч сел, быстро захлопнул за ним дверцу и поспешил на свое место. Самовоз тронулся без промедлений.

Глядя на расстроенную маму, Мяч замахал ей рукой, но потом сообразил, что слепые стекла сделали его невидимкой.

Обернувшись, он увидел, как мать крестит повозку, лоя уголок сбившейся косынки бегущую вслед за ним слезу.

— Поездка началась. Разумного вам пути! — раздалось знакомое неживое приветствие.

«Интересно, зачем в этом экипаже водитель? Только чтобы убедиться, что я — это я? Или еще проследить, чтоб не сбежал по дороге?» — зевая, подумал подмастерье.

Человек в сером сидел неподвижно, откинувшись на сиденье. Прозрачная перегородка между рядами наводила Мяча на мысль, что кто-то из них заперт в клетке.

Самовоз выехал на астраханский тракт и замедлился. Этот коломенский хребет веками держал на себе каркас городских улиц, густо растущих из его перекрестков. После выходных город был еще расслаблен и утренний поток двигался неторопливо.

Внезапно повозник ожил. Взяв на себя управление, он вывел самовоз в левый ряд и начал энергично обгонять сонные экипажи, пытаясь наверстать отставание.

Проехав мост через Оку, они встали в очередь перед щуровским морпостом. Но ждать нетерпеливый возница не собирался. Объехав очередь по обочине, он направил самовоз к закрытым для простых смертных воротам для служебного транспорта. Опустив стекло, он приложил к зрачку спрятанный под перчаткой черный браслет. Повозку пропустили без досмотра.

«Безликий! Как же я сразу не сообразил!» — догадался Мяч.

Выскочив на родную Рязанку, самовоз на полной скорости помчался к востоку. Проехав верст двадцать, повозник вернул управление и снова превратился в манекен.

Глядя на мелькавшие за окном поселки, Мяч размышлял, где может скрываться Китеж. Он знал о нем лишь несколько слов, оброненных зеленым большухом. Проведя на карте окружность упомянутого им радиуса, волхв отметил, что она пересекается с их трассой в районе Илова — небольшого городка в центре Эрзянии.

Проехав огуречную столицу, потерявшую свою корону после введения сухого закона, самовоз встал в очередь перед облдзором. Проезжавшим из Москвы в Эрзянь приходилось стоять здесь подолгу: в отличие от троянцев, сварожичи осматривали всех очень тщательно, борясь с неистребимыми, как моль, челноками.

Однако и здесь Мячу стоять не пришлось — безликий вновь применил свой трюк с черным браслетом. Глядя на удивленные лица оставшихся позади возниц, Мяч пожалел, что они не видят за слепыми окнами его торжествующей улыбки.

Почувствовав себя важной птицей, он осмелел и потребовал остановку по нужде, отказавшись воспользоваться призывно открывшимся самонужником.

Нахмурившись, возница подчинился и остановил экипаж у первого трактира, на гербе которого красовался богатырский пельмень в окружении трех дубовых листьев.

Из свода ак. Ржавого:

Для борьбы с усилившимися морями по всей державе были введены пять уровней чистоты, внесших в жизнь ее граждан известное санитарное разнообразие.

Первый, высший уровень включал в себя три русских столицы, объединенные в трилицу еще при регенте Беленьком. Великомы не стали это менять, увидев в трилице символ своей триады.

Этот уровень приняли далеко не все столичники. Вместе с безопасностью он принес и многие неудобства, вытолкнув несогласных на периферию.

Второй уровень предназначался для городов повышенной значимости — областных центров и наукоградов, таких как Стрибов.

Третий включал в себя все прочие «города, городки и городочки» вроде Колоколомны, признанные властями недостаточно значимыми.

Четвертый был присвоен сельским поселениям, где жили инвалиды, служители Авсеня и те, кто устал от городского надзора. Будучи наименее защищенным, он давал людям наибольшую свободу.

Пятый уровень, прозванный в народе грязью, охватывал всё остальное необъятное русское пространство с его дикими полями и пожданскими остатками.

Вся система санитарной обособленности держалась на дорогах, ставших для нее кровеносными сосудами. Передвижение по ним подчинялось древнеримскому правилу: если ты мог испачкаться — значит, испачкался. Чтобы не потерять свой уровень, путешественник мог останавливаться только в местах, соответствующих его рангу. Любое нарушение сбрасывало его в грязь, отправляя на неделю в чистилище.

Покинув родной город, Мяч имел право останавливаться только на трехчистных дворах. Первым таким на его пути оказался трактир с колоритным названием «Пельмень Коловрата».

Образ был, видимо, взят хозяевами из малоизвестной легенды, в которой эрзянский воевода не погиб в бою, а был захвачен в плен и убит на пиру Батыя, отказавшись отведать ханский пельмень, поданный в рождественский сочельник.

Потянув носом трактирный воздух, Мяч решил не ограничиваться одной лишь нуждой. Войдя во вкус своей значимости, он пожелал позавтракать. Недовольный безликий заметил, что у них ровно десять минут, и, усадив его за стол, подтащил полового, заставив принять срочный заказ. Понимая, что отведать знаменитый пельмень он не успеет, Мяч попросил крепкого чая с булкой.

Заметив, как пристально смотрят в окно дальновозы за соседним столиком, он тоже поглядел в ту сторону. Вдали у пролеска тянулось дикое поле. Диким оно называлось не потому, что пустовало, — напротив, его активно заселяли. Вот только новые обитатели были не вполне людьми.

Дикобразы. Одичавшие хиппи, зовущие себя чадами Земли. Они принимали от своей матери всё: уныние, голод, саранчу — отдавая взамен свой разум. Жить им разрешалось только на пятом уровне — всюду, кроме областей трилицы.

Впервые видя их вживую, Мяч испытал странное разочарование, будто ждал чего-то большего.

— А по-моему, их стало больше? Вспомни, Петро, зимой-то тут только у леса дымило, а сейчас вон — уже всю балку облепили, как мураши, — заметил дальновоз помоложе.

— Зимой они по землянкам сидели. А на тепло повылазили, — ответил другой, разрезая ножом огромный пельмень, ничем не уступающий манту.

— Я вот одного не понимаю: живут в грязи, кругом саранчи полно — что ж они не вымирают-то? — продолжил рассуждать первый.

— Лёх, не трюнди лишку! — оборвал его бригадир, кивнув в сторону Мяча.

Все трое обернулись, но, встретившись с неподвижным взглядом безликого, тотчас уткнулись в тарелки.

«Если грязь не убивает, значит, это уже не грязь, а среда», — подумал Мяч и осекся, боясь продолжения этой мысли.

— Нам пора ехать, — вставая, поторопил его человек в сером.

* * *

После завтрака самовоз пошел веселее. Верст через тридцать в облаках показались косматые верхушки высотных эрзянских мошевигов. Последний раз Миша гостил тут школьником, когда его отправили на каникулы к тетке. Это было давно, и теперь ему хотелось увидеть, как изменился город за это время.

Но из окон повозки ничего видно не было.

После войны Эрзянь, как и многие города, превратилась в крепость. Высоченный забор и парящие в небе стрижи — вот всё, что открывалось проезжавшему мимо путнику. Заглянуть внутрь можно было только с возвышенности.

Улучив момент, когда повозка поднялась на мост, Мяч бросил взгляд на открывшуюся панораму. Внешне город почти не изменился. Застывшие купола, зеленая гусеница защитного вала, грустные очи есенинских прудов и смотрящие в них шахматные многоэтажки он помнил с детства. Коренные изменения, о которых говорила тетя, были скрыты под землей.

Мысленно помахав осажденному городу, Мяч стал смотреть, как они выезжают на трассу Мы-5, тянущуюся до самого Урала. Он помнил этот поворот, проезжая его когда-то с дедом. Тот любил путешествовать по древним местам и иногда брал с собой внука.

Белые придорожные столбы отсчитывали расстояние словно удары сердца.

«Или мы сейчас куда-то свернем, или зеленый наврал мне про сто пятьдесят верст», — думал Мяч, следя за картой.

Немного не доехав до Илова, безликий вновь очнулся, взялся за руль и повернул налево, в сторону городка Спас-Эрзянск. Мишино сердце забило сильнее. Именно по этой дороге они ехали с дедом навстречу древнему эрзянскому княжеству.

«Неужели Китеж прячется в Старой Эрзяни?» — подумал Мяч и тут же отдернул ногу, услышав под собой странное шипение. Он совсем забыл, что, съезжая с безопасной дороги, самовозы опускают на свои колеса кожух, защищаясь от саранчи.

Мяч ждал, что его догадка вот-вот подтвердится. Но повозка еще раз свернула прямо в поле перед указателем с тревожной надписью «Разбериндеево».

Началась неровная полевая дорога, толчками рассказывавшая путнику обо всех своих изъянах. К счастью, ее исповедь длилась недолго. Въехав в лес, самовоз с головой накрыло густой лиственной тенью.

Повозка остановилась перед скрытым в деревьях постом, на воротах которого горела надпись: «Новоольгов. Здравница войска Перунова. Вход только по пропускам!»

В этом названии Мячу послышалось что-то знакомое.

«Новоольгов... А где же Китеж? Куда завез меня этот безликий?» — встревожился он, но, вспомнив установку духовника, взял себя в руки.

За постом дорога разгладилась. Между проплывающими соснами Мяч заметил прогулочную тропу, по которой неспешно двигались двое пожилых мужчин в красном.

Проехав с полверсты, самовоз остановился перед вторым, более основательным постом, окруженным двойным забором. Взмахнув запястьем, безликий направил повозку внутрь, сквозь натужно расходящиеся бордовые створы.

Сразу за постом дорога впадала в широкую стоянку. Выложенная серой плиткой, она была на треть заполнена разноцветными экипажами. Не обращая внимания на свободные места, возница довез Мяча до самого конца и остановился у надписи: «Для сотрудников».

Отсидев ногу, Мяч не без труда вылез наружу и огляделся. Высокая кипарисовая изгородь казалась совершенно непроницаемой. Внезапно из нее вынырнул волокуша. Дребезжа колесами, он подкатил к экипажу, радостно махая крабовидной клешней:

— Добро пожаловать в Новоольгов!

— Это ошибка, я должен быть в Китеже! — возмутился волхв, разминая затекшую ногу.

Не обращая внимания на его протест, волокуша направился к повозке. Открыв багажник, возница выгрузил на его тележку Мишины чемоданы, положив сверху дремавшего чучела.

— Послушайте... куда вы меня привезли? — нервно заговорил подмастерье, не зная, как правильно обращаться к безликому.

Закончив с багажом, тот повернулся и монотонно произнес, указав на дорожку, уходящую в кипарисы:

— Прошу следовать в ту сторону. Вам всё объяснят на месте.

«Вот интересно, в ком из них больше от человека?» — подумал Мяч, сравнивая его тон с радостным приветствием волокуши.

Двинувшись по дорожке, он услышал удаляющийся звук колес и понял, что его чемоданы увозят в другое место.

— А как же мои вещи? — встрепенулся он.

— Следуйте в ту сторону. Вам всё объяснят на месте, — повторил безликий.

С шумом выдохнув, Мяч зашагал вперед, обдумывая, кому бы пожаловаться на этого долдона. Но, пройдя сквозь зеленую арку, он тотчас позабыл о своем недовольстве, застыв как античная статуя.

Меньше всего в этой глуши Мяч ожидал увидеть Петродворец. Он знал об этом чуде по рассказам матери. Болея или боясь уснуть, Миша забирался к ней под плед и подолгу рассматривал альбомы с дворцами, прудами, фонтанами, мечтая когда-нибудь попасть в это царство гармонии воды и камня.

И вот величественный Большой дворец возвышался перед ним во всем своем императорском великолепии. Их отделяло лишь квадратное зеркало пруда, чье название Мяч позабыл.

Очарованный, он спросил, не отрывая взгляда:

— А вы не знаете, откуда здесь Петродворец?

— Продолжайте движение. Вам всё объяснят на месте, — равнодушно ответил возница, остужая Мишин восторг.

Впрочем, глупо было ждать другого от безликого.

Махнув рукой, Мяч поспешил вперед, желая поскорее спросить у первого настоящего человека, куда он попал.

Дорожка из серой плитки, по которой они шли, была отгорожена мелкой рабицей. Дойдя до конца, Мяч уперся в высокую неприветливую дверь. Тягучим лампадным светом над ней горела надпись: «Чистилище».

Человече поморщился: после увиденной красоты предстоящая чистка показалась ему особенно мерзкой.

В тот же миг перед его глазами коброй промелькнул черный браслет, и высокая дверь отворилась.

* * *

Внутри, у приемной стойки, в бесформенных мордоспехах стояли двое троянцев. Впрочем, доспехи были не настолько бесформенны, чтобы не понять, что это были мужчина и женщина.

— Благодарю за службу, брат Гаврила! Можешь быть свободен, — приятным басом произнес мужчина.

Возница с чувством грохнул кулаком по сердцу, повернулся на каблуках и направился к выходу. О своем спутнике он, кажется, уже позабыл. На слегка приплюснутом лице светилась радость безупречно выполненного приказа.

«Как мало нужно для счастья тому, кто отдал свою волю в чужие руки», — подумал Мяч, завидуя катарсису своего конвоира.

— Ну, Михайла свет Максимович, добро пожаловать в нашу лечебницу! Уповаю, доехали вы благополучно? — радушно обратился рослый мужчина.

— Вполне, — ответил Мяч, решая, о чем надо спросить в первую очередь.

— Меня зовут Аскольд Владимирович. Но в стенах лечебницы прошу звать меня доктором Малиновским, — замысловато представился врач и перешел к делу.

— В связи с вашим пребыванием в трехчистой зоне, для допуска в Новоольгов вам необходимо пройти однодневную чистку. Изволите начать?

— Нет, не изволю! — резко ответил волхв. — Тут какая-то ошибка! Я должен быть в Китеже, а попал в здравницу с видами Петродворца.

— Ох, простите, я не знал, что вам не сообщили, — покачал головой доктор. — С этой секретностью всё наперекосяк. Но вы не волнуйтесь — вы попали именно в Китеж.

— Да? И где же он? — оглядываясь, спросил Мяч.

— Там! — шепотом произнес врач, направив палец к центру Земли.

— Ах вот как... — протянул человек.

«Ловко придумано: спрятать секретный центр не в чаще, не в озере, а у всех на виду — под видом обычной здравницы. Впрочем, прудик тут тоже имеется... Кто знает, как выглядел Светлояр? Ладно, примем пока на веру...»

Заметив, что он успокоился, Аскольд Владимирович спросил:

— Теперь вы готовы?

Мяч неуверенно кивнул.

— Мария, проводите товарища в омывочную, — распорядился доктор.

— Пожалуйста пройти, — с вежливым холодком произнесла женщина, приглашая следовать за ней.

При движении складки ее мешковатого доспеха то и дело натягивались, тревожа Мишино воображение.

Сестра провела его в палату с надписью «Омывочная». Внутри пахло хлоркой.

— Проходите за плат и раздевайтесь, — велела Мария, отворачиваясь.

— До нага? — зачем-то уточнил Мяч, зная ответ заранее.

— Полностью. Крестик тоже снимите.

Мяч замешкался.

— Пожалуйста, поскорее, раствор почти готов.

Романтический пыл увял, так и не набрав силы. От этого безразличного тона Мяч почувствовал себя хряком в свинарне Полины. Задетый этим сравнением, он молча снял с себя одежду и босиком прошлепал в клеть.

Сестра велела ему надеть защитные очки и включила подачу раствора. Со всех сторон на Мяча полилась липкая влага, похожая на клей. Было гадливо, но он не подавал вида.

Клей приставал к коже, образуя маслянистую пленку. Когда поток прекратился, в клетки заработал суховей. Пленка застывала прямо на глазах, становясь плотной и белесой.

Мячу казалось, что он участвует в собственной мумификации.

Выпустив его из клетки, Мария обмотала его тонкой тканью, закрепив на груди мигающий самомер.

Терпеливо перенося касания ее бесцеремонных перчаток, Мяч с грустью вспоминал, как еще недавно они беседовали с Ляксандром в омывальне Акижива:

«Светлой дороги тебе, о мой быстрый вожатый.

Пусть к маяку донесут тебя легкие ноги...»

Закончив, сестра протянула ему стакан мутного киселя. Выпив залпом, волхв с усилием подавил подступившую к горлу тошноту.

— Ну вот и всё. Пленку и самомер руками не трогать. Проходим в палату, — сказала женщина в доспехах.

«Небось страшна ты, как смерть, вот и прячешь лицо», — злился Мяч, идя следом.

Сестра остановилась перед дверью, на которой зловеще темнела славянская «Буки».

— Располагайтесь, — произнесла она, запирая Мяча внутри.

Небольшая квадратная палата напоминала тюремную камеру. Присев на лежанку, стоящую у стены, узник задумался:

«Спокойно, Миша. Есть только два вопроса: зачем меня заперли и правда ли это Китеж?»

Но на самом деле вопросов было больше, и самые беспокойные норовили пролезть вперед:

«А вдруг это та самая клеть для слабых духом пестунов, про которую мне рассказывали старшекуры? Но что я тут делаю? Разве я проиграл битву разума? Или, может, наместник нарочно сплавил меня сюда из-за Зинки?»

Мишино воображение живо нарисовало целый заговор, в котором участвовали все его знакомые, включая бывшего духовника. Сжав кулаки, волхв приказал себе не думать о плохом. Ему вспомнился прощальный тост Ляксандра.

«Нет, Сашка, встречаются тут хуже...» — улыбнулся он, представляя, как рассказывает об этом в Акиживе.

Улегшись на лежанке, Мяч отвернулся к стене и стал вспоминать вчерашний разговор с мамой. Прошло около часа, прежде чем в палате раздался негромкий щелчок.

Из потолка, раздуваясь черным капюшоном кобры, выползло тюремное око. Мяч сел, пытаясь принять скупающее выражение человека, запертого в чистилище.

Око вспыхнуло, являя миру чей-то прищуренный, заостренный лик.

Это был мужчина средних лет с глазами, снедаемыми вечным любопытством. Он глядел на Мяча сквозь слегка затемненные очки, как ребенок на новую игрушку, желая поскорее узнать, что у нее внутри.

— Здравствуйте, Михайла! Я доктор Здравый, главврач этой скромной лечебницы и по совместительству ваш личный психиатр, — заговорил он жизнерадостным тенором.

— Очень приятно, — ответил Мяч, внутренне напрягаясь от слов «личный психиатр».

— Ну что, Михайла, слава разуму, никакой заразы мы в вас не нашли. Однако, судя по записям, вы провели эти выходные в трехчистном городе.

— Да, я гостил у мамы, — подтвердил Мяч, не видя смысла отпираться.

— Понимаю-понимаю. Но из этого следует, что вам придется пробыть в лечебнице как минимум до заутрени. Уж извините — такие порядки.

Человече кивнул, принимая это как неприятную данность.

Доктор улыбнулся чуть шире и продолжил:

— Кроме того, все новые сотрудники, прибывая в Китеж, должны пройти обязательный обряд обновления лица.

— Обязательный? — испуганно переспросил Мяч.

— Да, — невозмутимо ответил Здравый. — Мы поставим вам улучшенную версию. Бьюсь об заклад, она вам понравится!

— Извините, но у меня к вам встречная просьба, — произнес волхв, понижая голос.

— Я вас слушаю?

Глазки доктора забегали по собеседнику, подмечая скрытое напряжение.

— Прежде чем снять лич, я хочу поговорить со своим начальством, — твердо сказал Мяч.

— О, не волнуйтесь! Мы уже уведомили его о вашем прибытии. Скоро с вами свяжутся, — ответил док, улыбаясь, будто заранее знал, о чем его попросят.

— А мы с вами еще потолкуем! Ваш духовник рассказал о вас много любопытного, — добавил он и, сложив пальцы лодочкой, отключился.

«Вот это уж лишнее...» — подумал подмастерье, встревоженный его настойчивостью.

Лич Велеса служил волхвам охранной грамотой: потеряв его, они опускались на уровень пожданцев или дикобразов. Чтобы решиться на такое, требовались серьезные гарантии.

От нахлынувших переживаний Мяч почувствовал голод и пожалел, что забыл в повозке остывший мамин кулек. Вспомнив про маму, он спохватился: крестик остался висеть в омывочной.

Прошло несколько беспокойных минут, и око вновь озарилось.

Теперь на Мяча смотрел человек с приятным лицом, приближавшийся к сорока. С ранней проседью и вытянутым к небу черепом он располагал к себе с первого же взгляда.

— Михайла, добро пожаловать! Я Влад Егоров и... — начал говорить он.

— Позвольте угадать: вы были на встрече в маске желтого большуха? — вставил Мяч.

— Верно! — удивился Влад. — Это так заметно?

— Еще бы! Я вас сразу узнал.

— Благодарю за сведения. Надо наказать Балксу подбирать искажения посложнее, — улыбнулся Егоров. В его улыбке было что-то притягательное.

— Как там Липатов, зело обиделся? — участливо спросил он.

— Ну... как вам сказать... — замялся Мяч.

— Да, порой это кажется жестоким... А вы хорошо сделали, что приехали сами. Я не хотел никого принуждать. Китежбург — место потрясающих возможностей, почти что рай для ученых.

— Китежбург? — переспросил волхв.

— Да, но об этом чуть позже.

Егоров показал свое запястье.

— Вот новый лич, который мне поставили. Доктор Здравий просил вас успокоить на этот счет. Поверьте, Михайла: это совершенно безопасно.

— Что ж... передайте доктору, что я согласен, — после паузы ответил Мяч.

— Вот и славно! Тогда, до скорой встречи! — быстро сказал Влад и отключился, не дав собеседнику задать вопрос.

Немного погодя дверь палаты открыла сестра Мария.

— Пройдемте, вас ожидают в обрядовой, — ровным тоном произнесла она.

Мяч встал и покорно пошел за своим равнодушным конвоиром.

В центре обрядовой стояло кресло с пристяжным креплением. Вокруг сидели двое — доктор Малиновский и еще один врач в троянском доспехе.

— Прошу садиться! — пригласил Аскольд Владимирович, указывая на кресло.

Человече присел, положив руку на подлокотник. Он уже проходил в детстве подобную процедуру и немного нервничал, готовясь к боли.

Незнакомый доктор придвинулся ближе и зафиксировал ему правое запястье. Затем ввел в боковое отверстие лича тонкий щуп. Шляпка гриба беспокойно заморгала. Внутри раздался легкий щелчок.

Ювелирными клещами доктор бережно отделил ее мигающее тельце, и Мяч увидел под ним тонкую сеть белесых проводков, похожую на плесень. Это была грибница, через которую посылались сигналы чуткам.

Малиновский осмотрел ее через микроскоп и удовлетворенно кивнул.

Напарник тотчас опустил клещи в желтоватый раствор и достал оттуда новый лич. Он был почти такой же, как прежний, только с бронзовым отливом, красиво игравшим в лучах рубиновой лампы.

Усики грибницы, почуяв близость новой шляпки, пришли в движение.

Как только врач поднес лич к запястью, они вцепились в него, с силой притянув к грибнице.

Ощувив слабый удар тока, Мяч охнул.

— Всё в порядке. Идет настройка, — успокоил его доктор, защелкивая шляпку.

Оживший лич салютовал своему хозяину тоекратной вспышкой.

— Ну вот и всё. Возвращайтесь в палату, — закончил Аскольд Владимирович.

Мяч поднялся — его голова кружилась. Выйдя в коридор, он испугался, что не дойдет, но тут же почувствовал, как его подхватила под локоть сестра Мария.

«Вот ведь создания... Никогда не угадаешь, что у них за начинка...» — подумал он, наблюдая, как заботливо его укладывают на лежанку.

* * *

Прошло около двух часов. Мяч лежал, привыкая к новому жильцу. Пару раз он проверял его, обращаясь к Трояну и Велесу. Лич отвечал как обычно, не давая повода для тревоги.

Успокоившись, человеке незаметно задремал. Его разбудило око, приглашая отобедать.

От стены камеры будто по волшебству отделился раскладной столик. Из открывшейся ниши выполз поднос с дымящейся едой.

Голодный волхв приподнялся и, убедившись, что голова больше не кружится, сел к столу.

Едва начав есть, он ощутил на себе чей-то взгляд. Повернувшись, он увидел в зеркале троих. Первым был Егоров. Вторым — моложавый блондин, третьим — краснолицый мужчина лет пятидесяти.

Блондин заговорил первым — и по нудному голосу Мяч сразу узнал в нем краснуха. Он говорил все так же напыщенно, выделяя слова, казавшиеся ему особенно важными:

— Приветствуем вас, товарищ Мяч! Мое родовое имя — Гром. Я секретарь благого Рода в Китежбурге. Китежбург — это внутреннее название нашего центра, связанное с его архитектурным стилем. Прежде всего вам следует знать, что на территории действует ряд особых положений.

Первое: сотруднику разрешается пользоваться русским языком без ограничений.

Второе: сотруднику предоставляется доступ к любой информации по его научной теме.

И последнее: сотрудник может использовать свой лич для хранения любых сведений, которые сочтет полезными.

Утопив ложку в супе, Мяч слушал, держась за челюсть.

Свободный русский язык. Знания без ЗППЗ. Право хранить мысли в личе.

Всё это звучало как шутка, но, глядя на свое молчащее запястье, Мяч вынужден был признать, что в этой странной камере разрешено больше, чем за ее пределами.

— Чтобы побыстрее освоить современный язык, — продолжал Гром, — вам предоставлен доступ к восстановительному экспресс-курсу. Кроме того, вам надлежит внимательно изучить ваши должностные инструкции.

Слушая его бойкую речь, подмастерье замер, стараясь ничего не упустить.

— Ну что ты так грузишь Мишаню? Он уже обалдел совсем! — прервал монолог мужчина с военной стрижкой.

По его развязной манере Мяч сразу узнал зеленого.

— Да, позвольте представить товарища Лещева, — обреченно вздохнув, произнес Гром, — официальный секретарь благого Перуна. Прошу иметь в виду: мы оба входим в комиссию по решению личных вопросов.

— Скажи просто, Сева. Мы терапевты душ, — улыбнулся одутловатый перунец.

— Не надо так фамильярно, товарищ Лещев, — поморщился Гром и продолжил:

— После прохождения чистилища, то есть карантина, вы поступаете в отдел товарища Егорова. Все вопросы по расселению и питанию будут решены завтра.

— Потерпи до утра — и всё будет как надо: хата, харч, тусовка, рыбалка! — пересказал по-своему зеленый.

Мяча умиляло, как эти двое секретарей дополняют друг друга. Их разговор напоминал игру в доброго и злого следователя — или монолог человека, чей мозг по ошибке собрали из двух разных полушарий.

— Вопросы? — уточнил Гром.

Волхв покачал головой.

— Если что-то не ясно, обращайтесь к Феликсу! Да, Феликс — это местком Китежбурга. Здесь всё решается через него.

— Уж Феликс знает свое дело, — подтвердил Лещев и нетерпеливо добавил:

— Сева, заканчивай, обедать пора!

— Если вопросов нет, будем считать, что вводный инструктаж пройден, — подытожил краснух и обратился к Владу:

— Товарищ Егоров, новый сотрудник поступает в ваше распоряжение. Прошу ввести его в курс дела!

Влад кивнул. Терапевты душ, коснувшись ладонями своих голодных сердец, одновременно отключились.

Оставшись наедине, Мишин шеф вдруг заторопился:

— Михаил, если честно, у меня сейчас совсем нет времени. Предлагаю вам послушать вводную лекцию академика Григорьянца. Остальное обсудим завтра на планерке. Утром я за вами пришлю, хорошо?

Мяч нехотя согласился. После всего пережитого он ждал от своего нового мастера большего внимания. Ему не терпелось обсудить развертывание кристамозга.

Улыбнувшись, Егоров растворился в гаснущем оке.

— Феликс, ты тут? — спросил подмастерье, боясь забыть необычное имя.

В ответ око погрузилось в ночную медитацию. Украшенный сотнями оранжевых лампад Большой дворец отражался в Морском канале. Прямо над ним на фоне низкого северного неба проступали контуры кошачьего лица. Лик Феликса немного напоминал первого русского императора.

— Слушаю вас, товарищ Мяч.

Мягкий северный акцент веял покоем безбрежного знания.

— Покажи, что мне доступно, — велел человеку, наслаждаясь ночной феерией.

— Пожалуйста! — мигом откликнулся местком.

На экране появился список разделов:

(1) восстановительный экспресс-курс

(2) лекция академика Григорьянца

(3) должностные инструкции пестуна

Отложив инструкции на ночь, Мяч выбрал лекцию и уселся за остывший обед.

Академик Григорьянц оказался занятным дедушкой, объяснявшим всё на свете с помощью симптока. Для Мяча такой размах был не в новинку. В академии он уже сталкивался с престарелыми физиками, выводившими формулу Бога в виде вакуумного диполя, разнесенного по краям вселенной.

Всеобщность научной теории зачастую была следствием старения ее авторов, становившихся все более невосприимчивыми к любой критике.

Продвигаясь вглубь лекции, Мяч всё сильнее настораживался. Григорьянц много говорил о каких-то древних народах, якобы умевших управлять симптоком. К середине лекции появилась пирамида Хеопса. Лектор ловко спустился с нее к раскопанным карельским мегалитам. Слушая все это, Мяч уже почти жалел, что не внял предупреждениям Липатова и попал в секту симафилов.

Но в какой-то момент академик, словно вспомнив о своем высоком звании, перешел на язык науки. На экране возник эффектный слайд, где симпоток поднимался из земли гигантским протуберанцем. Далее последовали несколько зубодробительных формул, объяснение которых Мяч почти не понял.

К своему стыду, он осознал, что свободный язык дается не так-то легко.

Остановив лекцию, он велел Феликсу включить экспресс-курс.

Остаток дня Мяч с упоением выпускал из темниц своей памяти: плазму, электрон и покрытый звездной пылью парадокс близнецов.

Постепенно он дошел до воспоминаний о своем первом знакомстве с наукой.

В тот день, собрав с дедом схему из детского конструктора, шестилетний Миша испытал настоящий восторг, видя, как робот ожил и зашагал по столу.

Не понимая, как это работает, он почувствовал себя маленьким, глупым богом и с той поры заболел страстью познания, надеясь, что однажды вырастет и во всем разберется.

Но пока до этого было далеко. Засыпая под нудное чтение должностных инструкций, Мяч ощущал себя не богом, а скорее муравьишкой, попавшим в странный, пугающий и при этом манящий муравейник.

Осада Эрзяни

Мяч слышал о ней от двух очевидцев: тети Нади и трудника Василия, до сих пор страдавшего от ее последствий.

Из свода ак. Ржавого:

...многие русские города подверглись в тот день внезапной атаке, но Эрзяни досталось больше других. Чтобы обойти защиту Мирного Неба, враг пошел на хитрость. Полчища саранчи двигались над землей, сцепившись друг с другом в парящий саван. Ястребы Перуна сумели рассеять их на подступах к городу, но это отсрочило бедствие ненадолго. Упавшая в округе саранча со всех сторон стремилась к центру города. Там она собиралась в боевую геометрию, сбиваясь в сферические рои, по разумности далеко превосходившие отдельные особи. При малейшей опасности такой рой рассеивался, как дым, чтобы собраться в другом месте. Эта неуязвимость быстро ломала волю защитников.

Будучи школьником, Вася наблюдал с крыши своей многоэтажки, как военные снова и снова пытались сжечь вращающуюся сферу огнеметами, а она распадалась на сотни искрящихся точек и через минуту собиралась над соседней улицей. Будто демонстрируя свою непобедимость, рой каждый раз возвращался к жизни, издавая сухой, леденящий душу стрекот. Васе было трудно вспоминать, как его брат, вступивший в ополчение, вернулся домой вечером и в отчаянии швырнул пожарную каску на пол. Городская саранча не обращала внимания на людей. Она методично выгрызала городу его скелет, взрывая мощевики, водонапорные башни и отравляя запасы продовольствия.

Тетя Надя не могла без слез вспоминать, как пряталась в те дни с семьей в подземном гараже. Приученная отцом готовиться к худшему, она долгие годы заставляла мужа держать в подсобке вместо покрывшек запасы круп, сахара и консервов. Эта предусмотрительность и независимая водяная колонка позволили им продержаться.

Василию повезло меньше: из всей семьи он выжил один, собирая на крыше дождевую воду. Остальные умерли: кто от жажды и голода, кто от отравления.

Такая судьба постигла многих. Через несколько дней вторжения город обезлюдел, будто после Батыев. Внутри оставались только нашедшие способ выжить. Запершись по подвалам и чердакам, они держали последнюю линию обороны, уповая на чудо. Но даже когда чудо случилось и саранча была отключена, отвоевать город удалось не сразу. Оставшиеся активные особи продолжали ползти с окрестных полей, пытаясь удержать над городом насекомое иго.

Эрзянцам пришлось опутывать дома защитной сеткой, вылавливая юрких кузнечиков по всем щелям. В конце концов они победили с помощью высотного забора и отрядов боевых стрижей.

Однако для отражения возможных атак этого было недостаточно. Было решено спрятать город под землю. Для этого пригодились захваченные на Урале мощеройки, работавшие с огромной скоростью. За два года Эрзянь полностью зарылась, разместив предприятия на безопасной глубине. Для людей были выкопаны многоярусные убежища, которые, по рассказам тети, сильно напоминали акиживский муравейник. Как и другим эрзянцам, ей пришлось сделать выбор: стать крепостной или выселиться за городскую черту. Тетя выбрала первое и с тех пор ни разу не смогла навестить сестру.

Узнав об этом, Мяч вывел для себя простую, но странную формулу: лучшая защита против внешней осады — осада внутренняя.

Глава 7. Геометрия Светлояра

Настало утро, которого Мяч ждал с нетерпением. Всю ночь он почти не спал, страдая от зуда. Ровно в восемь в камеру «Буки» вошла Мария. Ее строгий комбинезон удачно подчеркивал античную геометрию лица. Мяч невольно задержал взгляд, любуясь холодной правильностью черт.

— Пройдемте в процедурную! — ровным голосом сказала сестра, даже не взглянув на узника.

Мяча отвели в палату вчерашних унижений. Избавившись от колючей обертки, он смыл с себя белую пленку и был награжден за ночные мучения бежевым костюмом, точно подогнанным по его непростой фигуре. Переодевшись, волею хотел немедленно покинуть чистилище, но Мария сперва отвела его к главврачу.

Доктор Здравий оказался с Мячом одного роста. Поднявшись из-за стола, он обдал гостя взглядом студента-патологоанатома, которому не терпится начать свое первое вскрытие.

— Ну что ж, Михайла, судя по отклику ваших чуток, новый лич пришелся вам в пору. Надеюсь, вы уже оценили его возможности?

Главврач прошелся по кабинету, не вынимая рук из глубоких карманов белокрылого халата.

Мяч осторожно кивнул.

— Лично я считаю замечательной идеей вернуть ученым полноценное общение. Только не пробуйте заговаривать на новом языке с нашими отдыхающими — они вас не поймут, — улыбнулся Здравий собственной шутке.

— Кстати, вам уже объяснили, почему мы называемся Китежбургом?

— Да, но я не уловил сути, — признался Мяч, смутно припоминая слова Грома.

— Это замечательно. Многие у нас не улавливают сути, но мало кто может вот так в этом признаться. Не зря духовник вас хвалил.

Мяч неловко скривился, чувствуя, что его рассматривают через микроскоп.

— А название... пусть это будет для вас небольшой шарадой, — улыбнулся док.

Прощаясь, он выразил надежду, что они скоро увидятся. Мяч кивнул и вышел в коридор, надеясь на обратное.

На этот раз Мария провела его в светлую комнату с широким окном и надписью «Выход из карантина». У окна стоял взъерошенный молодой человек лет двадцати. Неопрятный, с прыщавым лицом странствующего философа, он в задумчивой позе смотрел вдаль, самозабвенно ковыряя в носу.

— Можете забирать! — голосом заводной куклы произнесла сестра. Если бы не ее вчерашний порыв заботливости, Мяч решил бы, что она носит черный браслет.

— Товарищ Мяч, доброе утро! Меня зовут Иван Колюжный, лучше просто Ваня. Влад велел вас встретить... — быстро затараторил молодой человек.

Мяч нетерпеливо поздоровался и кивком указал на выход, желая поскорее покинуть чистилище.

— Мне велели вам тут всё показать. Планерка через полчаса, как раз успеем пройтись по территории. Что бы вы хотели осмотреть в первую очередь? — говоря без умолку, Иван открыл перед ним тяжелую дверь.

— В первую очередь я хотел бы получить назад свои вещи, — сдержанно ответил Мяч, чувствуя себя голым в чужом городе.

— Ну конечно! — стукнул по своему прыщавому лбу Колюжный. — Мне же так и сказали: встретить, заселить, а потом показывать.

Но Мяч его уже не слышал, замороженный геометрией Новоольгова. Лечебница, которую он только что покинул, выходила к северному берегу Марли — ночью волхв вспомнил манящее название этого пруда. Чертя в школьной тетради квадраты, Миша всегда клал на них пару волнистых штрихов, наполняя водой клетчатую поверхность. В центре пруда стояла статуя Перуна — выдумка местных архитекторов, скорее портящая общий вид. Справа от Мяча высился Большой дворец, закрывавший половину западного неба вместе с протекавшей где-то за ним Окой. Напротив, на восточном берегу стояли три дворцовых флигеля красно-желто-зеленого цвета, чье светофорное сочетание напомнило волхву его собеседование с большими. На южном берегу располагалось широкое бревенчатое здание с бирюзовой крышей и надписью «Русский витязь». Его дощатая терраса незаметно переходила в водяной помост. Все здания объединяла воздушная, словно парящая над землей пергола, окружавшая пруд зеленым кольцом.

— Красиво, правда? — улыбнувшись, спросил Ваня.

— Да уж... — протянул Мяч, не желая портить словами впечатление.

— Нам туда, — показал Колюжный в сторону желтого флигеля.

Спустившись по парадной лестнице, они нырнули под тень обвитой плющом арки. Обогнав группу в одинаковых рыжих пижамах, они подошли к дорожке, ведущей к желтому флигелю. Тот был отгорожен неприметной рабицей.

— Добро пожаловать в мозг Китежбурга. Здесь живут наши ученые, — с щербатой улыбкой пояснил Иван, открывая калитку.

Обернувшись на резкий звук, Мяч увидел у помоста толпящихся лебедей. Откормленные птицы теснились к кормушке, из которой сам собой рассыпался корм.

В желтом особняке было два подъезда. Чтобы найти нужный, Ваня предложил поднести запястье к одной из дверей. Человеке направился к левой и угадал.

— Добро пожаловать, товарищ Мяч! Ваш номер 26! — радушно объявила дверь.

Парадная была обставлена в барочном стиле: вазы, статуи, лепнина притягивали взгляд, неохотно пропуская гостей на второй этаж. Войдя в свой номер, Мяч едва не споткнулся о чемоданы. Оба толстяка лежали на месте, а вот чучела нигде не было.

— Чучел? — переспросил Колюжный, видимо, уже позабыв древнеяз.

— Ну... Как это по-русски, Феликс? — беспомощно спросил Мяч.

— Аватар! — подсказал с потолка местком. — Только он не потерялся, а конфискован отделом безопасности.

— Аватар... Да, у нас такое не разрешается... — развел руками Ваня. — Но вы поговорите с Владом, он что-нибудь придумает.

Насупившись, Мяч прошелся по номеру. Двухкомнатный, просторный, номер выгодно отличался от его тесной горницы в Акиживе. Раскрыв тяжелые парчовые шторы, человек вышел на балкон. Утренние лучи мягко падали ему на лицо, отражаясь от окон Большого.

— Нам надо идти — планерку передвинули! — позвал Колюжный.

Выйдя в коридор, они направились к лифту.

— Света, погоди! — вдруг крикнул Иван, ускоряя шаг.

У лифта стояла блондинка лет тридцати. Широкое лицо с высокими скулами выдавало в ней беженку из арендованных земель.

— Знакомьтесь, Михаил — Светлана, — по-простому представил их Ваня.

Пропуская Свету в кабину лифта, Мяч заметил, как она коснулась значка с буквой «В».

— Хорошо устроились? — спросила девушка, окинув волхва оценивающим взглядом.

— Ничего. Только аватар не вернули.

— Да, у нас с этим строго. Но вы спросите Егорова — он поможет, — повторила Света совет Ивана. Колюжный молча улыбнулся, приглаживая остро взлохмаченные вихры.

* * *

Спускаясь под землю, Мяч сосчитал уровни на панели лифта, прикидывая, насколько Китежбург уступал в размерах Акиживу.

Выйдя на площадку с надписью «Вычислительный центр», они втроем направились по коридору в сторону зала собраний. Несмотря на громкое название, это был небольшой лекторий с тремя рядами парт и загнутым профессорским столом.

По углам среднего ряда уже сидели двое. Поздоровавшись, Мяч и Колюжный сели у входа. Света заняла место отличницы напротив лекторского кресла.

Вскоре вошли еще двое: длинноносый молодой человек в модных очках и рыжая девица лет двадцати. Очкарик что-то увлеченно рассказывал, не обращая ни на кого внимания — девушка в ответ кокетливо хихикала. Не переставая щебетать, парочка устроилась на заднем ряду.

Ровно в девять легкой кошачьей походкой в зал вбежал Егоров, осветив всех своей улыбкой. Мяч невольно улыбнулся в ответ — лица остальных тоже разгладились.

— Все в сборе? Давайте начинать! — произнес Влад, опускаясь в кресло.

— Прежде всего позвольте представить нашего пестуна — Михаила Мяча.

Раздались жидкие хлопки. Смущаясь, Мяч привстал, касаясь ладонью сердца.

— Михаил начнет с обучения кристамозга по модели Дмитрия.

— Было бы на чем обучаться, — тихо просипел белобрысый, сидевший повыше Мяча.

Подмастерье не выдержал и обернулся. Блондин был еще молод. С острым взглядом и рано поредевшими волосами, он имел привычку говорить невнятно, зажевывая отдельные слова. Было не ясно, хотел ли он, чтобы его услышали, или просто подумал вслух, но чуткий Егоров тотчас возразил:

— Ну не скромничай, Дима! Твоя нейромодель признана комитетом достаточно зрелой.

Блондин пожал плечами и уткнулся в свой лич. Мяч посмотрел на него с удивлением — подобная самокритика была ему в диковинку.

— А для меня что — кристамозга не найдется? — вдруг спросил волхв, сидящий на другом конце. Это был упитанный мужчина лет тридцати пяти с зачесанными вверх рыжими волосами.

— Толя, ну конечно найдется! — обнадежил его Егоров. — Но всему свое время. Первой к обучению утверждена модель Дмитрия. Надеюсь, твоя пойдет следом.

— Опять пролез вперед! — бросил Анатолий, с вызовом глянув на белобрысого.

Тот никак не отреагировал на выпад, но Мяч почувствовал, как по его телу пробежал разряд взаимной ненависти.

— Итак, Михаил, позволь мне представить твоих коллег, — продолжил Влад, мягко переходя с ним на ты.

— Дмитрий — наш ведущий специалист по нейромоделям.

Услышав свое имя, блондин даже не шевельнулся.

— Анатолий обучает адаптивные нейросети, — кивнул Влад в сторону толстяка.

Тот поглядел на Мяча исподлобья, но взгляд его был не злой, а скорее затравленный.

— Павел и Светлана — наши аналитики. Паша, потише там, пожалуйста! — повысил голос шеф, обращаясь к бубнящему очкарику.

— Варя отвечает за обработку данных, — девушка с галерки игриво помахала рукой.

— Иван... — Влад на секунду задумался.

— Свободный художник! — ехидно подсказал Толя.

Все заулыбались, включая Ивана.

— Он у нас пока не определился, — пояснил Егоров и, окинув волхвов взглядом, словно проверяя, что никого не забыл, перешел к делу.

— Развертыванием кристамозга занимается отдел безопасности. Заявку мы уже подали. Кстати, надо уточнить ее статус у Балкса. Света, напомни мне, пожалуйста.

Светлана сделала пометку в личе. По совместительству она была секретарем отдела.

Собрание покатило по текущим задачам. Каждый коротко отчитывался о результатах и возникших сложностях. Больше всего Мячу запомнилось негодование Толи. Рыжий толстяк утверждал, что Варя уже неделю задерживает для него данные, уделяя всё внимание Дмитрию.

В ответ девушка вспыхнула и стала оправдываться, что троянцы до сих пор не предоставили ей результаты последних испытаний. Возникла перепалка, которую Влад быстро погасил, пообещав разобраться с поставкой данных.

Выслушав Митю, он поручил ему ознакомить Мяча со своей нейромоделью.

Планерка окончилась внезапно вместе с соловьиной трелью на запыстье Егорова. Покачивая головой, шеф сказал, что ему срочно надо к начальству. Это вызвало у Светы нервный смех. Вспорхнув с кресла, Влад моментально исчез.

Раздосадованный, что не успел спросить про аватар, Мяч решил заняться этим позже, а пока сосредоточиться на задаче. Помня напутствие духовника о том, как важно правильно поставить себя в новом коллективе, он с напряжением вспоминал всё, что учил когда-то про нейромодели.

Однако Митя и не думал вводить его в курс дела, выскочив из зала сразу после Влада. Двигался нейронщик стремительно, и Мяч с трудом догнал его в самом конце коридора.

— А... модель... Погоди, давай сначала перекурим, — предложил тот, заворачивая за угол.

Там оказалась небольшая оранжерея с висящим на стене пузырем, в котором печально тянулись окские дали. Подойдя к вытяжке, Митя достал из кармана пачку сигарет с красным иероглифом.

— Настоящие? — удивился Мяч.

— Что? А... да, тут можно достать. Сам-то куришь?

Волхв покачал головой.

— Ну что, от... куда к нам? — спросил Дмитрий, затягиваясь.

Разговаривая с ним, приходилось все время напрягаться, угадывая смысл зажеванных слов.

— Стрибов. Акижив, — ответил Мяч с достоинством.

— А... — рассеянно протянул Митя, выпуская дым.

Казалось, он всё время находился на своей волне, выныривая на берег, только чтобы закурить или узнать, какое сегодня число.

— А ты сам откуда? — спросил Мяч, стараясь не попасть под огонь сизых струек.

— Я-то... Нововелецк. Академгородок, — не сразу ответил Дмитрий.

— И давно ты тут?

— Да черт его знает... два года — это давно? — вдруг нервно спросил нейронщик.

— Ну, это как считать...

— Вот-вот! Важна правильная точка отсчета, — откликнулся Митя, продолжая что-то прикидывать.

— А сюда попал по эвакуации или еще до войны? — зачем-то спросил Мяч.

Дмитрий нахмурился и посмотрел на него крепким сибирским взглядом, на дне которого таилось немало горя. Позже Мяч выяснил, что он был потомственным математиком. Еще со школы Митя решил посвятить жизнь этой царице наук. Но Сибирская война смешала все планы. Вместе с другими талантливыми студентами Дмитрия успели вывести на Урал. Но все его родные, оставшиеся в Нововелецке, числились пропавшими без вести.

В аспирантуру Московии Дмитрия не взяли из-за дефекта речи. Оставшись не у дел, он загрустил, почувствовав себя на свете выколотой точкой, но тут в его системе координат появился Егоров. Заметив его талант, Влад пробил ему место на кафедре, а потом взял с собой в Китеж.

— Пойдем, покажу мою Малышку, — понизив голос, сказал Дмитрий.

При слове «малышка» Мяч невольно вздрогнул.

Сибиряк утопил окурочек в горшке с фикусом. Наивное растение тянуло листья к ложному солнцу, сиявшему в пузыре.

Они остановились у двери с табличкой: «Расчетная Б. Без стука не входить». Ниже фломастером было приписано: «со стуком тем более!»

Внутри царил творческий беспорядок. Растянутое бубликом око было сплошь покрыто трехэтажными формулами на маткоде, используемом для обучения нейромоделей.

Слушая Митю, Мяч вскоре понял, почему Влад обращался с ним так бережно. Сибиряка постоянно съедало болезненное чувство самокритики. Он то и дело занижал свои результаты, говоря:

— Не обращай внимания, это бред Лаудана и вообще не должен работать.

— Тут пока лажа, сходимостью и не пахнет...

— Ну здесь неплохо, но краевые условия еще равнять и равнять.

Мощный, взрывной, словно турбированный двигатель, Дмитрий мог работать только в специальном корпусе. И таким корпусом был для него Егоров. Продвигая его результаты, Влад не давал ему уходить в самоедство, заставляя работать на полных оборотах.

Рассказывая о своей Малышке, Митя не мог усидеть на месте. Он то ложился на диван, то плюхался в кресло, а то и просто опускался на пол, прислоняясь к стенке.

Мяч двигался за ним тенью, записывая невнятную речь и надеясь, что Феликс поможет с расшифровкой.

— А ты уже об...едал? — неожиданно спросил хозяин расчетной, услышав урчание в его пухлом животе.

— Да нет, вроде рано еще, — ответил волхв, пытаясь вникнуть в очередное фурье-разложение.

— Слушай, давай это... прервемся. Мне тут надо... — не договорив, Митя вихрем выскочил в коридор.

Мяч вышел следом, но, оглядевшись, понял, что нейронщика он упустил. Услышав чей-то знакомый голос, он пошел на звук.

Дверь напротив лектория оказалась приоткрытой. В спрятанной за ней небольшой кухне сидел Иван. Помешивая ложечкой чай, он разговаривал с кем-то по личу.

Не желая ему мешать, Мяч прикрыл дверь, но Ваня тотчас открыл ее вновь. Как оказалось, говорил он сам с собой, записывая приходящие поутру мысли.

— Михаил, Влад велел вам передать, что подключение к кристаферме задерживается. Придется подождать часа два, — выпалил он скороговоркой и, помолчав, продолжил:

— Шеф предложил организовать вам экскурсию на полигон. Конечно, если вы не против.

— А полигон — это далеко? — спросил Мяч, недовольный задержкой с кристамозгом.

— На катере минут десять, — Ваня махнул рукой, видимо, в сторону Оки.

— Катер? Ладно, поехали, раз шеф предложил. Но для начала неплохо бы позавтракать.

— Это можно. Столовая как раз по дороге.

* * *

Поднявшись на лифте, они направились в столовую, прячась под плющом от быстро входящего в силу солнца. В Русском витязе было многолюдно — завтрак стоял в зените. Чтобы избежать толкотни, Ваня предложил перекусить в кофейне с видом на Оку.

Обойдя Большой дворец, превращенный в корпус для отдыхающих, они вышли на смотровую площадку. Иван отправился занять очередь, а Мяч подошел к ограждению и стал смотреть вниз.

Площадка оканчивалась мраморной лестницей, разделенной надвое каскадным водопадом. Вода с шумом стекала в золотую округлую чашу и устремлялась по каналу в сторону видневшейся за деревьями Оки.

Глядя на этот эрзянский элизиум, Мяч переживал смятение. Всё было похоже и не похоже на место его детских грез: исчез каменный грот; обнаженных богинь, на которых Миша засматривался втайне от мамы, заменили воины в шинелях; античные барельефы превратились в аляповатую оружейную символику. Но главное, что резало глаз, была статуя в центре чаши. Вместо мускулистого Самсона на постаменте стоял флегматичный Георгий, пронзая копьем восточного дракона.

При виде этой рептилии Мяч наконец поймал за хвост ту мысль, что не давала ему покоя с самого утра: Новоольгов был построен как памятник извечной русской стойкости. Его северный оригинал, возведенный когда-то в честь победы над непобедимым шведом, был перенесен на берег Оки, чтобы запечатлеть подвиг воинов, погибших в Сибирскую войну.

Охваченный чувством внезапного родства, Мяч вглядывался в каменные лица, пытаясь узнать своего отца. Последний раз Миша видел его на перроне, провожая его на фронт. Отказавшись от заводской брони, Максим шел добровольцем защищать родную Парму.

Миша и сам тогда колебался, думая бросить учебу и поехать следом.

Прощаясь, он спросил отца прямо:

— Пап, а может мне поехать с тобой?

Максим ответил сразу, будто ожидая этого вопроса:

— погоди, Михайла, еще не твой черед. Придет срок, и ты будешь защищать землю, где родился и вырос. А пока набирайся ума и будь опорой для матери.

Этот наказ спас тогда Мячу жизнь, и вот теперь он будто вновь стоял на том перроне, цепляясь взглядом за отходящий поезд.

— Скорее, Михайла, наша очередь! — привел его в чувство окрик Колюжного.

Взяв чай с бутербродами, они уселись на смотровую скамью под тенью Большого. Ока делала перед Новоольговым крутой поворот, образуя широкую излучину, в которую впадала скромная по сравнению со старшей сестрой Проня.

Созерцание радостной встречи двух рек рождало в Мяче, как в коломенце, чувство мировой гармонии, которое не мог испортить даже чавкающий на ухо Иван.

Громко жуя, он указал на приближающийся катер. Перекусив, волхвы пошли на посадку. Спустившись по мраморной лестнице, они очутились в Нижнем парке. Его бархатистый газон, словно поверхность торта, был порезан на ровные дольки, разделенные дорожками с топиаром. Далее шел галечный пляж, напоминавший берег Финского залива.

На катере протрубили в олений рожок. Стилизованный под древнерусскую ладью, он был оснащен бутафорным парусом и двумя рядами деревянных весел.

Заняв место на верхней палубе, Мяч спросил у спутника про холм к югу от Новоольгова. На его пологой вершине высился шпиль мощевика, выкрашенный под знаменитый красно-белый маяк. За ним виднелся купол какого-то здания, похожего на храм.

— Это наш эрзянский стоунхендж. В древности язычники наблюдали на нем за солнцем, расставляя камни по кругу, — пояснил Колюжный.

При слове «стоунхендж» Мишина память ожила: они читали об этом месте с дедом, когда готовились к эрзянской поездке, но не стали сюда заезжать, узнав, что от древних камней, растащенных дачниками, ничего не осталось.

— А что там сейчас? — поинтересовался Мяч, глядя на холм против солнца.

— Лечебные радения. Говорят, очень помогают. Ради них сюда приезжают издалека. Вам бы тоже стоило сходить, — заинтриговал Иван.

Голос из статуи стоящего на носу богатыря объявил об отправлении. Умная ладья сама отдала швартовый и заскользила по каналу в сторону Оки.

Не касаясь воды, игрушечные весла плавно рассекали воздух, напомнив Мячу старый мультфильм про аргонатов.

— Куда плывут русские аргонаты? — задорно спросил он Колюжного, но тот лишь пожал плечами.

Деревянный богатырь понял Мишин вопрос по-своему и ответил басом:

— Следующая остановка — Староэрзянское городище.

Вскоре на высоком берегу показались остатки клиновидных валов. Нависая над рекой насупленными бровями, они грозно смотрели на проплывавших мимо путников. Картина, начатая природой и завершенная древними зодчими, пугала и захватывала дух. Ладья подошла к устью Серебрянки и причалила к деревянной пристани прямо напротив храма.

Мяч бывал здесь в детстве, но этой пристани не помнил.

— Новодел, как и всё, что мы сейчас увидим, — рассеял его недоумение Иван, пропуская вперед к откинутому трапу.

Приложив запястья к зрачку с двумя дубовыми листьями, волхвы двинулись по защищенному коридору. За ними шли, громко переговариваясь, трое перунцев, приехавших с ними на катере. В соседнем проходе двигалась группа туристов из трилицы. На прозрачной раздельной перегородке висели таблички, грозя нарушителям чистилищем.

Городище было устроено по древнему принципу трехчастной пирамиды. На вершине холма находился Кром или княжеский детинец. Ниже располагался кремль, где жила городская знать. Простолюдины селились в низине, образуя основание пирамиды.

Сев на подъемник, волхв сверился по схеме, что тот направляется в кремль, названный в указателе Средним городом. Выйдя из кабины, Мяч остановился, не понимая, где он. Вместо заросшей степным ковылем насыпи, которую Миша запомнил в детстве, перед ним стоял настоящий деревянный кремль: коренастые башни, смоляной частокол, княжеская часовня и два ряда добротных изб — всё выглядело так натурально, будто и не сгнуло под копытами монгольских всадников.

Присмотревшись, Мяч вспомнил, что когда-то уже видел этот кремль на музейной панораме.

— Ух! — только и смог выдохнуть он.

— Здорово, правда? — спросил Иван, наслаждаясь его реакцией.

— А хотите взглянуть на оживших мертвецов? — предложил он, показав на каменную башню.

Поднявшись на смотровую площадку, Мяч испытал новое потрясение.

Поле, где когда-то стояли палатки любителей древней истории, превратилось в средневековый город с множеством людей в старинных одеждах.

— Откуда здесь столько реконструкторов? — удивился Мяч.

— А это не реконструкторы. Вы посмотрите внимательнее.

Колюжный подозвал его к свободному бинокюляру. Сняв очки, человек настроил его под себя. Приглядевшись, он заметил, что многие строения нижнего города, названного в указателе Столичным, на самом деле являются муляжами. Но это было полбеды: муляжами были и люди, выполнявшие действия, лишённые всякого смысла. Крестьяне таскали хворост по кругу;

воины сторожили пустой позорный столб; а пономарь махал руками на колокольне без колокола...

Это напоминало массовое помешательство, но Мяч не верил, что в Столичный город завезли столько безумцев.

Осмысленная работа шла только перед Спасским собором, где рабочие в серых доспехах слаженно ворочали землю, не обращая внимания на снующих ряженых.

Иных признаков разума внизу не наблюдалось. Не было там и туристов — все они, как и Мяч, смотрели на город с башен, разделенные по рангам.

— Ваша версия, командор? — подзадоривал Колюжный.

— Если это не сумасшедшие, то, наверно, самодвижы, — пожал плечами Мяч, решив, что здесь тестируют новые модели, почти не отличимые от человека.

— Нет! Это живые и разумные люди. Может быть, даже разумнее нас... — загадочно ответил Иван. — Это...

— Дикобразы! — догадался волхв, вздрогнув от сказанного.

— Да... верные дети природы, — торжественно подтвердил Колюжный.

— Дети природы... — сдавленно повторил Мяч.

Смекалке создателей этого театра под открытым небом можно было только позавидовать: одичалые люди подходили на роль средневековых статистов как нельзя лучше.

Мяч слышал, что в Эрзянии дикобразов используют для ловли саранчи, выменивая у них кузнечиков на еду. Видимо, сюда свезли наиболее толковых особей. В этом райском вольере дикари жили на всем готовом, показывая туристам свое нехитрое представление.

Мячу вдруг стало жутко от мысли, что каменная башня, отделявшая его от творившейся внизу бессмысленной суеты, вот-вот рухнет. Будто в подтверждение этих опасений дикобраз в красном колпаке палача задрал вверх свою вихристую голову и посмотрел на волхва с явным интересом.

Отпрянув от бинокля, Мяч поспешил отвернуться. Но первобытный взгляд продолжал преследовать его, прожигая холодом спину. Мяч с трудом переключил внимание на пустую вершину Крома. В детстве он забирался на нее и стоял там аистом, раскинув руки и заключая в свои объятия удивленную Оку.

Теперь на холм никого не пускали: туристы фотографировались на фоне одиноко стоящего мощевика, сделанного под смотровую башню. Да Мяч и сам не горел желанием повторять детские подвиги — его больше интересовало основание Крома, скрытое под складкой Междуградия.

Мучаясь бессонницей в чистилище, он основательно изучил карту Китежбурга, заметив на ней полигон симптока, находившийся где-то в городище. Сопоставив это с недоступностью Крома, Мяч предположил, что полигон скрывается именно под ним, и поделился этой догадкой с Иваном. Карие глаза его спутника вспыхнули и засветились. Наклонившись поближе, Ваня шепотом подтвердил, что полигон действительно находится в этом месте — спрятанный в стволе старой оловянной шахты.

Довольный собой, Мяч захотел напоследок увидеть Спас-Эрзянск. На диком пляже этого дремлющего городка, стоявшего на другом берегу Оки, он когда-то купался под присмотром деда. Пройдя вдоль торговых рядов, он нашел лестницу, ведущую на западную башню, но не успел подняться, услышав окрик Колюжного.

— Квота открылась! — затараторил подбежавший Иван. — Товарищ Балкс подключился к кристаферме и требует, чтобы вы срочно сообщили параметры нового кома!

Не выдержав его выканья, Мяч предложил:

— Слушай, давай на ты? Я ведь не дедушка, а ты мне не внучок.

Иван улыбнулся, учтиво приглашая его к подъемнику. Спустившись к пристани, они разминулись с отходящим катером и были вынуждены полчаса ждать следующего рейса.

Вернувшись в Новоольгов, волхвы вбежали в зал собраний, где их ждал он...

— Тысячу благ на бочку за опоздание! — сдавленно процедил Балкс.

Рыжий, низкорослый, он был в кислотном комбинезоне с широкими лямками и легко мог сойти за клоуна или плюшевого бармалея.

— Это он поначалу всегда так, старая школа! — шепнул Мячу Колюжный.

— Вам повезло, что кристаферма еще на связи. За работу, живо! — рявкнул сисадмин, выводя на экран формуляр на развертывание кристамозга.

Мяч начал прикидывать.

— Насколько я успел изучить нейромодель Дмитрия, нам нужно заложить хотя бы тридцать кристаточек.

Одно за другим он диктовал требуемые значения. Дергая конопатыми щеками, Балкс лихо вбивал их в формуляр. Закончив, он велел всё проверить, а затем, прицелившись, словно заправский канонир, отправил запрос на кристаферму. Око закрутилось, превращаясь в знакомый синеватый шарик.

Мяч облокотился о парту. Ожидание ответа заставляло его нервничать — рождение нового кома часто бывало капризным, отнимая у пестуна много сил на подбор подходящих параметров.

Заметив, с каким вниманием Ваня смотрит на глобус, Мяч подумал:

«Может взять его в трудники? Всё равно мне нужен помощник, а желания работать у него явно побольше, чем у Зинки».

— Ты что заканчивал? — спросил он у Ивана.

— Училище Велеса на Долгих прудах, — ответил тот, не отрываясь от вращающейся планеты.

— А какая специальность? — с приятным удивлением уточнил Мяч.

— Нейросети и основы работы с кристамозгом, — скромно произнес Иван. — Только я еще не закончил. Я пишу диплом на удаленке, точнее, должен был писать, но тему так и не нашел.

— Студенты... Наберут по объявлению! — проворчал Балкс, нервно подтягивая лямки.

— Погоди-ка... — протянул Мяч. — Диплом, удаленка... А как же секретность?

— Да у меня мамка в лечебке работает. Ее тут все знают, вот меня к ней и прописали... — застенчиво пояснил Ваня.

Мяч не любил в науке кумовства, но, глядя на лицо Ивана, было трудно заподозрить, что он ищет себе теплое местечко. И волхв решил попробовать:

— Ладно, подумаем, что делать с твоим дипломом.

Позже Колюжный рассказал ему, как пытался войти в доверие к Толе и Мите, напрашиваясь к ним в трудники. Но оба нейросамца слишком ревностно охраняли секреты своих малышей.

Заметив, как Ваня ковыряет пальцем в ухе, Мяч вспомнил увиденное на полигоне:

— А ты не знаешь, что там ищут рядом с храмом? — спросил он.

— А... Это безликие копают по заданию коменданта. Они...

— Много болтаешь, парень! — оборвал его Балкс, бросая на Мяча косой взгляд. — Что они там делают, волхвам знать не положено!

— Да ладно, тоже мне секрет! — отмахнулся Колюжный.

— Какой ни есть, а секрет! — повысил голос сисадмин. — Ты, малой, коли хочешь дожить до старости, научись помалкивать. Случься что — тебе и мамка не поможет!

Все замолчали. Прошло несколько томительных минут. Наконец на экране радужным огнем вспыхнуло сообщение: «Развертывание кристамозга прошло успешно».

Ваня подпрыгнул, по-детски хлопнув в ладоши.

Балкс скупно улыбнолся и, вытерев запотевшие руки, как заправский акушер, спросил, обращаясь к счастливому Мячу:

— Ну, отец, принимай пацана. Как назовешь-то?

Глядя, как в зеркале хаотично роятся облака в ожидании первой команды, Мяч перевел новорожденный ком в режим обучения и твердым отцовским голосом сказал:

— Твое имя будет Пухляш!

Глава 8. Виды озерной фауны

— Ну как там наш Пухлик, досчитался? — спросил Мяч, торопливо входя в расчетную.

— Застрял на последнем переборе, — вяло ответил Колюжный, бросая взгляд на око. Он сидел в кресле, весь скрючившись и поджав под себя ноги, и легко мог сойти за спящего.

— Без четверти девять — я пошел отбиваться. Если что насчитает, сразу присылай, — велел Мяч, выходя в коридор.

— Удачи там! — пожелал Иван, зевая.

Эту ночь он почти не спал, помогая Пухляшу отсеивать неверные решения. Мяч завидовал упорству своего стажера и вынужден был регулярно отправлять его на лечебный сон.

Уже три месяца они трудились вместе, выращивая слой за слоем кристаллический разум.

Подмастерье и сам выглядел неважно. Днем и ночью в его голове крутилась карусель учтенных и неучтенных факторов. Но останавливаться было нельзя: Мишино сердце жег азарт охотника, чуввшего близость крупной добычи.

Засыпая, он как молитву повторял завет бывшего мастера:

«Настоящий волхв всегда должен быть готов заплатить за свое открытие назначенную цену. Вселенная не любит торгашей. Не можешь платить — не занимай чужое место — ступай лучше в школу и учи тому, за что заплатили другие».

Конечно, Али признавал, что в науке случались бесплатные открытия, но называл их авансами, за которые счастливицам приходилось потом расплачиваться, включая набежавшие проценты.

Вот почему Мяч не полагался на удачу и пестовал свой ком неторопливо, тщательно выверяя каждый результат. Он не желал, чтобы Пухляш оказался везунчиком, угадавшим правильный ответ. Он растил из него настоящего ученого, крепко стоящего на своих кристаточках.

Пухляш... Над этим именем смеялся весь Китежбург, но Мяч наотрез отказался называть свой ком по-другому. Он сам пришел пухлым в этот мир и был наречен так доктором, спасшим ему жизнь. По словам мамы, тот сказал, принимая младенца на руки:

— Ну ты и пухляш! Не мудрено, что так долго рожался...

Дойдя до лектория, человеке свернул на кухню — перед собранием надо было немного взбодриться. Цикофе, сваренный на цикории с добавлением стимулятора чуток был, по словам старожилков, лучшей заменой натуральному кофе, который Мяч уже не застал.

Глядя, как медленно наполняется его чашка, он услышал, что за спиной скрипнула дверь. Обернувшись, Мяч увидел на пороге бледного Пашку.

— Миша, — произнес тот гробовым шепотом, — ты не знаешь, почему Гром вызвал меня на отчетник? Мне кажется, он опять что-то замышляет...

Мяч закатил глаза и ответил как можно спокойнее:

— Не знаю, Паша, не знаю...

Пашка появился в их команде в качестве усиления спустя месяц после начала работы, когда Мяч признался Егорову, что зашивается в растущих как снежный ком сверках.

Павел Файербах был волхвом примечательным: лопухий, небритый, в грязном свитере и модных очках, он идеально вписывался в образ аналитика не от мира сего. Подмечая повсюду тонкие, подчас не существующие взаимосвязи, он был мастером теорий заговора.

Столкнувшись с ним в уборной, Мяч слышал нечто вроде:

«Ты заметил, как у нас упала густота борща? Процентом на сорок. Сегодня его можно было пить как бульон. И повар сидит на таблетках вторую неделю — в аптечке полно пустых упаковок».

Далее следовал глобальный вывод о тайном продовольственном кризисе и приглашение присоединиться к борьбе.

Боролся Файербах системно, затаривая в свой номер сумки с едой, количество которой высчитывал по найденным в архиве методичкам. Но враг не дремал, засылая в Пашин номер самоочистов, которые выбрасывали все его запасы. Видя в этом подтверждение своей правоты, Файербах начинал запасаться заново с удвоенной силой. Это соревнование кончалось ультиматумом от очередной Пашинной девицы, уставшей от гнилого запаха. Самотешек Паша не признавал, подозревая их в неискренности, и, оказываясь перед сложным выбором — хлеба или зрелищ, скрепя сердцем, выбирал последнее. Вместе с выброшенной тухлятиной из головы Файербаха на время уходили и все тревоги, позволяя его коллегам передохнуть.

Мяч не понимал, зачем Влад держит в своем отделе этого странного человека, пока не увидел его в деле. Как аналитик Пашка не знал себе равных. Каждую неделю он составлял точные отчеты, ловя малейшие изменения в структурах Пухляша. Это позволяло вовремя выявлять ошибки в обучении, корректируя незастывшие слои.

Оценив Пашин вклад в безопасность кристамозга, Мяч смирился с его странностями, признав за ним в своей команде место вратаря.

— Просто не думай об этом, — посоветовал он аналитику и поспешил в зал собраний.

Там уже сидел, на своем, навеки застолбленном месте уткнувшийся в лич Дмитрий. Заставив себя быть приветливым, Мяч поздоровался, но напрасно — сибиряк его не заметил.

За прошедшие месяцы им пришлось немало поработать вместе, разбираясь в содержимом его нейромалышки. Постепенно Мяч свыкся с Митиной телеграфной манерой и научился понимать его речь без напряжения.

Сядясь за парту, подмастерье с шумом отхлебнул цикофе, всё еще надеясь, что его заметят. Но Дмитрий молчал. Он был действительно талантливым нейроматематиком. Критикуя собственную модель, он искал способы довести ее до совершенства и доказать, что его Малышка способна в одиночку моделировать симпоток.

Это стало причиной их разлада.

Быстро оценив потенциал Пухляша, Митя стал воспринимать его как угрозу для своей девочки. Видя, как тот обгоняет ее в точности предсказаний, он начал скрывать от Мяча последние наработки. Хуже того — пускал пестунов по ложному следу, делясь заведомо неверными расчетами.

Для чувствительного к ошибкам Пухляша это могло кончиться катастрофой, если бы дотошный Павел вовремя не вылавливал возникающие аномалии.

Доказать вину нейронщика было непросто — ошибка могла быть и случайной. Но после нескольких таких «случайностей» Мяч решил не рисковать и запретил Ивану включать в обучение Митины результаты. Волхву не нравилось возникшее между ними напряжение, но он понимал, что, решая похожие задачи, ученые неизбежно вступают в битву разумов.

Входная дверь тревожно скрипнула — в лектории показался Павел. В руке он держал кружку с теплящимся вулканом — подарок любимого дяди.

Войдя в зал, аналитик настороженно осмотрелся, но, не найдя ничего подозрительного, поднялся на галерку и обнажил свой лич, треснутый во время неудачного разоблачения.

Мяч зевнул и тоже взглянул на запястье, увидев там напоминание: «погулять вечером с Федей».

Как и предсказывал Колюжный, Влад добился разрешения пользоваться чучелом. Правда, Мяч мог включать его только в лесопарке, примыкавшем к Новоольгову, но этого было достаточно.

Феде нравилось гулять в лесу. Живя в остатке посреди летных полей, мальчик почти не видел деревьев. Мяч поддерживал в нем этот интерес, пряча клады в пазухах пней и рисуя на соснах разноцветные стрелки. Во время их прогулок лес превращался в сказку, где жили гномики — Амелка и Карабаска.

Фёдор обожал эти квесты, отказываясь спать, пока не найдет очередной клад. А Мяч радовался возможности побыть с сыном, стараясь не замечать его вопросы:

«Пап, а когда ты поедешь? Пап, а когда мне моно к тебе?»

Ответов у него пока не было.

Сотрудникам в Китежбурге полагался отпуск раз в году. Впрочем, Егоров намекал, что бывают особые условия, включая проживание родных. Сам он, как начальник отдела, жил с женой в семейном номере. Но Мяч мог мечтать об этом только после получения значимых результатов. И он старался, работая, не глядя на часы.

Часы между тем показывали три минуты до начала собрания. Дверь в лекторий вновь приоткрылась, впуская внутрь Анатолия.

Двигаясь тяжелой походкой, он окинул присутствующих хмурым взглядом. Мяч приветственно поднял руку, толстяк с достоинством кивнул в ответ.

Волхв уважал Толю за его несгибаемую веру в себя. По натуре тот оказался беззлобным ворчуном, считавшим, что ему хронически не везло. Он имел все задатки хорошего ученого, но неуступчивый характер и неблагоприятные обстоятельства не давали ему совершить свой главный прорыв.

Приезд в Китежбург стал для Анатолия последней попыткой переломить строптивую судьбу. Однако время шло, а его Белочка так и не могла допрыгнуть до заветной ветки.

В отличие от Митиной Малышки, она была самоорганизующейся нейросетью. Анализируя мозговую активность людей, находящихся в симптоке, Белочка должна была объяснить природу чудес, происходивших на местных радениях.

Заказчиком этих работ был Здравий, нуждавшийся в научном обосновании своих методов лечения. Но дальше общих выводов о воздействии на определенные зоны мозга Толина нейросеть не шла. Светлана, как ни старалась, не могла вытянуть из ее скачкообразных решений ни одного устойчивого кластера.

Это вызывало у Анатолия глухое раздражение и зависть к Мите, которого он считал выскочкой.

Оба нейронщика были упрямы, амбициозны и знали себе цену. В обычных условиях два таких нейромедведя на одном сервере не уживались, но Егоров умело разводил их по углам, поддерживая в своем отделе шаткое равновесие.

Влад влетел в зал, как всегда, за минуту до начала. Следом за ним, стараясь не отставать, семенила в узкой юбке Светлана, помогавшая шефу с отчетами.

Поздоровавшись, Егоров сел за парту. Увидев кислое Мишино лицо, он одарил Мяча персональной улыбкой.

Волхв невольно улыбнулся в ответ.

Иногда он задавался вопросом, с каким мастером ему работалось лучше. Если Липатов представлялся ему скалистым утесом, стоя на котором, ты опирался на чужую мудрость, то Егоров больше походил на воду, окружавшую тебя незаметной заботой.

Его талант организатора превращал непростой процесс обучения кристамозга в подобие детских яслей, где Мяч был поваром, Ваня — нянькой, Пашка — врачом, а Варя — почтальоном, приносящим маленькому Пухляшу игрушки с полигона.

Сам Влад играл роль директора, защищавшего свой коллектив от внешних атак.

* * *

А атаки случались регулярно — в девять утра каждой четной пятницы — и назывались отчетными собраниями или просто отчетниками.

Обратный отсчет на стене достиг нуля.

На экране возник зоопарк лиц: теоретики, экспериментаторы, историки и два представителя заказчиков — неразлучные Лещев и Гром.

Собрание, как всегда, вел Сева. Пересчитав взглядом присутствующих, он первым делом отметил тех, кого не было. Мяч относился к этому молодому родовику двойственно. Гром был душным педантом, изматывавшим всех своей дотошностью и требованиями следовать утвержденному плану. Ученым часто приходилось отбиваться от его обвинений. Но, с другой стороны, это давление не давало им расслабиться. Обмануть Грома было почти невозможно — он держал в голове детали всех задач, как своих, так и относившихся к другим заказчикам. Но больше всего Мяча выводила из себя его манера играть в следователя. Стоило где-нибудь возникнуть небольшой ошибке, и Сева клещом вцеплялся в виноватого, вытягивая из него признание.

— Ну и кого мы ждем? — лениво спросил Лещев, потягивая «чаек» из своей алюминиевой кружки. На собраниях зеленый обычно дремал, подавая голос, только чтобы приструнить Севу крепкой армейской шуткой.

Мяч узнал, что их странный союз уходил корнями в прошлое. Курсант Гром начинал свою службу под крылом замполита Лещева, но потом отчего-то перешел к родовикам.

Недовольно глянув на своего визави, Сева вывел на экран список «мертвых душ» — это были задачи, по которым давно не было движения.

Первой среди них стояла задача удержания симптока.

— Ну что, товарищи теоретики, всё так и топчемся на месте? — с раздражением спросил Гром.

Работы по этой задаче велись уже полгода, но результаты отсутствовали.

На экране возникло смуглое лицо профессора Лаудана.

Глава теоротдела, он был выходцем из Турции. Родившись под фамилией Дайулан, он обрусил ее, учась на мехмате, якобы из уважения к известному советскому физику.

— Почему топчемся? — возразил Лаудан с легким восточным акцентом. — Идем поменьше.

— И куда же вы дошли? — спросил Гром скептически.

Команда теоретиков, состоявшая из аспирантов МДА, не имея ясного представления о природе симптока, была вынуждена двигаться на ощупь. Анализируя данные с полигона, ученые нашли этому явлению неожиданную внеземную аналогию — солнечные протуберанцы. Поведение гигантских магнитных петель в короне нашей звезды по своему характеру было на удивление схоже с изучаемым подземным явлением.

— За последний месяц мы улучшили качество предсказаний на пятнадцать процентов, — заявил профессор, немного лукавя.

Предсказывать подземные приливы волхвы научились примерно год назад с помощью модели сим-протуберанцев. Введя в уравнения солнечной плазмы параметры магнитного поля Земли, они получили теорию, которая мало что объясняла, но работала хорошо. Это был крупный научный прорыв, однако с тех пор теоретики застопорились, занимаясь бесконечными нормировками и калибровками.

Видя, что его водят за нос, Сева повысил голос:

— И как это приблизило нас к решению задачи? Вы понимаете, что опять срываете сроки? Я буду вынужден доложить куратору.

При этих словах Лаудан заметно заерзал.

Проблема удержания действительно стояла остро и была у руководства на особом контроле. Активная фаза симптока, называемая приливом, возникала примерно раз в месяц и длилась всего несколько часов. Это сильно ограничивало его практическую ценность, позволяя использовать симпоток только в лечебных целях.

— Уметь точно предсказать, значит, решить половину задачи. А что касается сроков — наша схема с тороидами висит в расчете уже больше месяца, — парировал Лаудан, переводя стрелки на Митю.

Его Малышка использовалась для обсчета и первичной проверки всех новых гипотез, вполне подходя на роль козла отпущения.

С азартом следователя, проводящего очную ставку, Сева потребовал у Дмитрия объяснений. Услышав свое имя, сибиряк оторвал взгляд от запястья и заговорил громче обычного, стараясь быть как следует понятным:

— Схема с тороидами была обсчитана Малышкой на всех возможных конфигурациях. Результат везде отрицательный — работать это не сможет. Скорее всего, изначальная гипотеза неверна.

В воздухе повисло напряжение. Обернувшись, Мяч оглядел сидящих в зале.

Влад был собран, как кот перед прыжком, в любой момент готовый вмешаться. Паша хмурился, что-то подозревая. Анатолий смотрел на Митю с нескрываемым злорадством.

Гром задумчиво молчал, пытаясь определить виноватого.

Тишину нарушил дребезжащий старческий голос. На экране появилось седовласое лицо профессора Жигуле.

— Молодой человек, а вы не пробовали это проквантовать?

Этот вопрос старик задавал всем с завидным постоянством.

Митя побагровел и, судя по сжатым губам, собирался ответить с присущей ему резкостью, но, заметив предупреждающий жест Егорова, сдержался и лишь покачал головой.

— Жаль... это могло бы пролить свет на данную задачу, — печально заметил профессор.

Имея собственную теорию всего сущего, он не уступал академику Григорьянцу в дерзости научной мысли. Всю жизнь занимаясь квантовой физикой, Жигуле полагал, что симпоток отвечает за коллапс волновой функции Вселенной. Он был уверен, что нашел научный грааль и разрешил главную квантовую загадку: как мироздание выбирает, какому из его возможных будущих состояний суждено сбыться.

Профессор утверждал, что человечество играет в этом процессе ключевую роль. Коллективное сознание людей воздействует на симпоток, формируя будущее Вселенной как векторную сумму всех желаний, страхов и молитв.

Эта идея нравилась Мячу своим размахом, но не давала на практике рабочих решений. Дмитрий относился к ней с презрением, называя автора квантовиком-затейником.

Егоров, напротив, поддерживал профессора, обещая провести расчеты, как только появятся подходящие ресурсы. С помощью связей старика Влад надеялся получить для отдела квоту в легендарной квантоферме, построенной в Осколе.

— Так что со сроками, профессор? Когда будут результаты по токамаку? — обратился Сева к Лаудану, не замечая реплики Жигуле.

После удачного моделирования новые гипотезы проверялись на полигоне, закатываясь в его шахту, словно пробные шары. Одним из таких шаров была идея удерживать симпоток магнитным полем — как удерживают плазму в токамаке. С этой целью был сконструирован симтокамак — каменный бублик, который должен был запирает внутри себя симпоток. Но тот проходил через его толстые стены, как вода сквозь песок.

— Результаты отрицательные, — скорбным голосом заявил Лаудан. — Ожидаемый эффект не наблюдается, вероятно, из-за ошибок, допущенных при сборке.

Кивок был в сторону техников, собиравших каменную ловушку.

— Товарищ Манношкин, прошу вас ответить, — начал Сева вторую очную ставку, на этот раз между теорией и практикой.

Руководитель отдела экспериментов привык держать себя чинно, взвешивая каждое слово. Своей главной задачей он считал сдерживать фантазии теоретиков, отклоняя боль-

шинство предлагаемых ими опытов. Поступал он так не из страха перед лишней работой, а потому что лучше других понимал, с чем они имеют дело. Симпоток мог влиять на человека непредсказуемо. Слухи о помешательствах на других полигонах приходили регулярно. Находясь далеко от Старой Эрзяни, Китежбург был вне опасности, чего нельзя было сказать о техниках, вынужденных каждый прилив спускаться в шахту.

— А что тут отвечать? — резко отреагировал Манношкин. — Все требования по сборке были соблюдены. Сомневающиеся могут спуститься в шахту и проверить работу сим-токамака во время ближайшего прилива.

Лаудан собирался что-то ответить, но Сева, видя, что обсуждение выходит за рамки регламента, прервал дискуссию.

— Ладно, виновных мы выявим позже. Прошу всех участников до конца дня представить мне свои соображения по этой задаче, — заявил он, переходя к следующему «мертвецу».

Это был проект доктора Здравия по изучению влияния симптока на человека. Ответственным по задаче значился Анатолий, но Гром сперва обратился не к нему:

— Товарищ Брежнева, сообщите нам последние показатели по вашей модели.

Света побледнела и стала торопливо листать записи в планшете.

Уже больше года она следила за Белочкой, отбраковывая найденные ею закономерности. Исследования по облучению симптоком проводились не на полигоне, а на холме стоунхенджа, привлечшего когда-то внимание Мяча. В основании этого холма находился второй родник, который разрешалось использовать только в медицинских целях.

Сравнив значения, продиктованные Светой, со своими записями, Гром принял хищное выражение лица и обратился к Анатолию с вопросом, почему не растут показатели.

— Троянцы опять задерживают данные! — грубо ответил тот, решив при посторонних не сваливать всё на Варю.

Троянцев на собрании не было, и спросить Грому было не с кого. Нахмурившись, он поставил Толе на вид очередное отсутствие результатов.

В этот момент Мяч не выдержал и посмотрел на Дмитрия.

Сибиряк сидел, уткнувшись в свой лич, но на его губах блуждала довольная улыбка. Глядя на нее, волхв вспомнил россыпь других улыбок, которые видел, посетив радения.

* * *

Обычные радения Мяча не привлекали. Хороводы в кокошниках и песни под гитару с довольными жизнью батюшками, прошедшими обродение, выглядели фальшиво и не ложились на сердце. Однако волхв не мог забыть пережитого в храме на Ордынке и согласился подняться на холм, не раздумывая.

Дом радений стоял на месте древней обсерватории. Его ступенчатое здание представляло собой помесь вавилонского зиккурата с гжельским чайником.

Внутреннее пространство напоминало формой амфитеатр: сиденья располагались кругами, сходящимися к центру, в котором из-под купола огромным елочным шариком свисало переливающееся многогранное око.

Мяч надел наушники и огляделся — почти все места были заняты. Среди сидящих он узнал техника Михалыча родом из Средней Азии.

Око вспыхнуло, приглашая сидящих войти с ним в зрительную связь. Благодаря своей форме оно показывало каждому свою картинку.

Чтобы начать радение, Мячу надо было выбрать одну из дверей. Поколебавшись, он ткнул пальцем в знакомый с детства пряничный домик.

Око мигнуло, и перед волхвом возник парящий лубочный образ, точь-в-точь как на картинке из протестантской брошюры, которую Миша когда-то нашел на чердаке.

Мяч нахмурился — белоснежная небесная улыбка казалась ему неубедительной. Но смотреть на плюшевого Деда Мороза или шестирукого Шиву ему хотелось еще меньше.

Тяжело вздохнув, он откинулся на спинку и приготовился ждать. И вдруг внутри у него что-то отворилось, как будто сквозь тело пробежал порыв свежего ветра.

— Придите ко мне все утрудившиеся, все уставшие на своем пути...

В этих словах Мяч почувствовал то, зачем он пришел.

Парящий не звал его на крест, не обличал и не пугал адскими мучениями. Он примирял его с миром и с самим собой. С каждой новой фразой тепло всё глубже проникало в сознание: «Отпусти все тревоги... Не держись за них, дружок... Этот мир полон радости...»

Мяча больше не смущала слащавость образа. Он смотрел на него глазами ребенка, и лишь одна мысль крутилась в голове:

«Хорошо бы побыть здесь с Федькой».

Мяч слышал, что затворники получали на холме облегчение.

Опустив взгляд, чтобы вытереть мокрые глаза, он заметил, как рядом плачет Михалыч, молитвенно проводя ладонями по лицу. С остальными зрителями происходило нечто похожее: кто-то тянул вверх руки, кто-то складывал губы для поцелуя, а кто-то трясущейся ладонью брал под несуществующий козырек.

Сеанс длился не больше часа.

Спускаясь с холма, Мяч с удивлением наблюдал, как шедшие с ним смотрели друг на друга, словно друзья, встретившиеся в русской бане после долгой разлуки.

— Миша, проснись! — услышал он голос Влада.

Недосып отомстил волхву, превратив его воспоминание в сон.

Открыв глаза, Мяч увидел, что все ждут его ответа.

— Извините... Можете повторить вопрос?

— Доложите результаты обучения кристамозга, — холодно произнес Гром.

Мяч замялся, пытаясь вспомнить приготовленный ответ. Его мысли смешались.

— А что вы можете сказать, товарищ Файербах? — нетерпеливо обратился Гром к Павлу. Аналитик ответил сразу. В отличие от Мяча он умел собираться в секунды опасности.

— У нас всё под контролем. Обучение идет по плану. Мера устойчивости по Ляпунову...

Здесь Егоров вмешался, опасаясь, что Пашка сболтнет лишнего.

— Паша, какой прирост разумности за последние две недели?

— Двенадцать с половиной процентов!

— То есть всё по графику? — недоверчиво уточнил Гром.

— Безусловно.

— И вы тоже так считаете, товарищ Мяч?

— Да. Полагаю, к следующему собранию Пухляш будет готов к работе, — сказал волхв, зачем-то повышая ставки.

— Так и запишем, — криво улыбаясь, кивнул Сева, а Егоров недовольно покачал головой.

Дальше начался разбор текущих задач, среди которых Мячу запомнился один вопрос, связанный с приемкой новых экспонатов. В Китежбурге был свой музей, где собирали предметы древности, на которые когда-то воздействовал симпоток. Их привозили с раскопок или из других музеев, подменяя копиями.

За приемку новых экспонатов лично отвечала руководитель отдела истории — профессор Митрофанова. Она пообещала Севе подготовить описание до конца дня.

В ответ Гром обмолвился, что это обязательно надо сделать сегодня, так как новые предметы понадобятся для завтрашней битвы ведунов.

При этих словах участники собрания заметно оживились. Лещев, проснувшись, пообещал всем жаркое зрелище, намекнув, что зверюшек в этот раз подвезли, что надо.

От этих слов Мяч поморщился.

Он не любил эзотерику, особенно под видом науки, и был неприятно удивлен, узнав, что в Китежбурге существует псиотдел. В нем работали ведуны — люди, якобы чувствительные к симптоку. Они не носили униформы, не присутствовали на собраниях и не имели доступа в здравницу, живя в корпусе за оградой.

Завтракая, Мяч не раз видел, как желтый самовоз увозил их искать места для новых раскопок. Ведуны делились на три клана: колдуны во главе с мастером Виком, ведьмы — любительницы некротики и черных оборок, и визионеры-анархисты. Последние импонировали Мячу своей непосредственностью. Будучи неприкаянными эзотериками, они не признавали никаких магических авторитетов.

Несмотря на официальное перемирие, между кланами шла подковерная борьба за внимание заказчиков. Но те ценили их одинаково невысоко. Чтобы не кормить лишних ртов, слабых кандидатов отсеивали сразу после прибытия, называя этот процесс битвой.

— Ты пойдешь на битву? — прочитал Мяч сообщение от Пашки.

Повернувшись, он посмотрел на его нервное лицо и решил не отвечать.

После окончания собрания волхв не остался на обсуждение и поспешил в свою расчетную. Судя по цифрам, бегущим по оку, Пухляш все еще домучивал последний перебор.

— Ты пойдешь на битву? — спросил Ваня, глянув на Мяча глазами голодного вампира.

— Да что вы — сговорились? — фыркнул тот. — Иди, выпись, смотреть на тебя страшно!

— Не... Уж я дождусь результатов, иначе все равно не засну, — покачал головой Колюжный.

— Ладно, как хочешь, а мне надо отоспаться, голова совсем не варит. Представляешь, заснул прямо на собрании!

— Бывает... Так что там с битвой, будет на что посмотреть? — зевая, повторил вопрос Иван.

— Да на что там смотреть? Дешевая постановка. Лучше поспи или вон пройди по лесу, как мы с Федей, — ответил Мяч и вышел из расчетной, не зная, как поменяется его жизнь из-за этого пустячного решения.

Глава 9. Битва ведунов

Позволив себе выспаться, Мяч проснулся позже обычного. Выйдя на балкон посмотреть, как Большой отражается в Марли, он почувствовал, что попал в натопленную баню и отступил назад в номер. Похоже, его утренняя прогулка отменялась.

«Не беда, — подумал Мяч, пролистывая напоминания от Трояна. — Погуляю с Федей вечером».

Клад для игры в следопытов он припрятал в разбойничьем дупле заранее.

Выбрав на запыстье «Завтрак на рабочем месте», он натянул на себя водолазку, труники и вышел в коридор прямо в тапочках. По выходным в Китежбурге ходили на работу в чем душа пожелает.

Выйдя из лифта, Мяч прошелся по спящему коридору и толкнул дверь с табличкой «Расчетная М», ставшей за эти месяцы его трудовой кельей.

Внутри ничего не изменилось. Колюжный по-прежнему сидел в кресле в позе эмбриона. По разбросанным по полу стаканчикам Мяч понял, что стажер пробыл тут всю ночь.

— Так и не спал, что ль? — нахмурился волхв, садясь в свое игуменское кресло.

Медленно повернув голову, Иван посмотрел на него блуждающим взглядом.

— Почему, спал... Пару часов, вроде... Только сон что-то не идет.

— Нет, дружок, так не годится. И куда только смотрит Троян, — решительно произнес Мяч, открывая на лице профилактику здоровья.

Забронировав стажеру палату лечебного сна, он задал максимальное время сеанса.

— Ладно, что там с расчетом? — спросил он, придвигаясь ближе.

— Хороших решений не найдено. Пухлик опять перемудрил, — зевая, доложил Колюжный.

— Так... — протянул Мяч, собираясь с мыслями. — Пухляш, проснись!

На зеркальной капле, висящей в центре расчетной, появился крупный розовощекий младенец. Слобно сбегав с полотен Рафаэля, он сидел на облаке, из которого кучерявой бородой стелился к полу застывший водопад.

— Доброе утро, мастер! Пухляш готов к работе! — бодро отчеканил кристамозг.

— Доброе, да недоброе. Покажи-ка мне результат с наилучшим правдоподобием.

На экране возникла стая ползущих куда-то блинов, покрытых странными закорючками.

— Кажется, сегодня мы подражаем Сальвадору, — поморщился Мяч и велел Пухляшу отключиться.

— Опять мимо... — произнес он, повернувшись к Ивану. — Давай следующую ветку. Что у нас по плану?

— Намотки и катушки, — прочитал с планшета Колюжный.

Мяч задумался. Ему хотелось поскорее перейти к тороидам и потягаться с Митиной Малышкой. Но привычка, привитая Липатовым, не позволяла ему спешить.

— Ладно... Заложи в расчет не больше десяти намоток. Добавляем только магниты и токи. В этот раз никакой акустики, светомузыки и прочей мишуры, а то опять застрянем.

Иван кивнул, записывая. Уже месяц они бились над задачей удержания симптока — по негласному распоряжению Егорова.

Видя, как Пухляш легко справляется с простыми запросами, Влад решил поручить ему что-то стоящее. У шефа были на это свои причины. Решение такой амбициозной задачи должно было поднять авторитет Мяча, а заодно укрепить и положение самого Влада.

Выбивая для своего отдела кристамозг, он обещал заказчикам быстрые результаты. Но Мяч работал не торопливо, пестуя Пухляша по всем правилам. Задержка с обучением раздражала руководство, подумывавшее, по слухам, открыть в Китежбурге второй вычислитель-

ный центр. Этого Егоров допустить не мог и приказал пестунам тайно подключить Пухляша к задаче удержания.

— А допустимая топология? — перечитав свои записи, спросил Иван.

— Не больше одной полости. И никаких вложенностей. А то этот художник опять намаляет нам ленту Мебиуса.

Поначалу задача казалась Мячу несложной. Но за простотой формулировки скрывалась целая пропасть возможных решений. Ни Митина Малышка, ни Толина Белочка не были в состоянии перебрать такой объем без опоры на работающую теорию. Пухляш был единственным, кто мог совершить это восхождение — при условии, что кристалльные мышцы будут достаточно крепки.

Каждый день Мяч тренировал его на данных экспериментов, хранящихся в базе Феликса. Это были опыты с водой, огнем, деревом, камнями и рудами. Такое странное сочетание было прямым следствием гипотезы Григорьянца. Академик полагал, что древние люди управляли симпотокком с помощью природных материалов. Следуя этой концепции, техники на полигоне перебирали все действия, доступные человеку умелому: удары, скручивания, растяжения.

Работать приходилось почти вслепую, следуя надежной неандертальской логике:

«Не знаешь, как сделать — долго повторяй за другими».

И, как ни странно, иногда это работало.

Выполняя в шахте танцы с кусками железной руды, техники случайно обнаружили нарушение симметрии магнитного поля при прохождении через него симпотока. Сначала это приняли за ошибку в измерении, но затем найденный эффект привел к открытию теории протуберанцев.

На Мишином лице вспыхнуло сообщение. Поднявшись с кресла, он подошел к Ивану и произнес тоном заботливого отца:

— Я пошел завтракать, а ты заканчивай настройки. Как только вернусь — поедешь баньки!

Ваня соорудил недовольную гримасу, но спорить с папашей не стал.

Увидев на кухне поднос со своим именем, Мяч пододвинул яичницу с беконом и, отхлебнув молочный цикофе, погрузился в раздумья. Он чувствовал близость тупика. Ветки возможных решений засыхали одна за другой, не принося плодов. Но больше всего волхва тревожила неуверенность в самой постановке задачи. Он сомневался, что симпоток в принципе можно удержать.

«Как проверить, есть ли в этой комнате черная кошка? И если есть, почему никто ни разу не наступил ей на хвост?» — размышлял человек, обжигая напитоком нёбо.

Его надеждой была волгоградская аномалия. Датчики этого полигона улавливали симпоток в течение нескольких секунд после иссякания родника. Эффект был нестабилен и на других полигонах не проявлялся, но возникал регулярно, заставляя ученых ломать голову.

Кроме того была гипотеза Григорьянца. Ознакомившись с результатами раскопок языческих святилищ, Мяч переменял свой первоначальный скепсис, поверив, что древние жрецы каким-то образом притягивали симпоток своими каменными идолами.

«Если до этого додумались дикари, значит, решение не должно быть слишком сложным» — ободрял себя подмастерье.

Позавтракав, он вернулся в расчетную. Увидев, что Колюжный закончил настройки, он тронул его за плечо:

— Всё — дуй в лечебку! Дальше я сам.

Встав с кресла, Ваня, пошатываясь, направился к двери. Мяч решил проводить его до лифта.

Шаркающей косой походкой Колюжный брел по коридору, роняя обрывки скопившихся за ночь мыслей. Его обычная скороговорка от недосыпа походила на горячечный бред:

— Мне всё чаще кажется, что мы ищем концы у замкнутой струны.
Учась в детстве на скрипке, Иван любил музыкальные образы.

— Пухляш не виноват, что не может найти решение... Симпоток нельзя разорвать, как нельзя разорвать силовую линию магнита... Надо создать свой собственный родник, но для этого нужна искусственная земля...

Мяч шел рядом, прислушиваясь к шелесту его речи. Ванины мысли были не лишены смысла, но как капитан команды он не мог позволить стажеру раскисать.

— Не всё так плохо, — возразил он. — Ты просто устал. Я много раз говорил тебе: мы здесь бежим не стометровку, а марафон. То, что сегодня кажется невозможным, завтра будет преодолено. На этом стоит вся наша вера — вера волхвов.

— А может, мы вообще не в то верим? — глухо обронил Колюжный.

На его лице промелькнула гримаса, заставившая Мяча вздрогнуть. Но уже через миг Ванины глаза вновь покрылись дремотой. Решив отнести это к причудам бессонницы, человеке дружески похлопал по костлявому плечу.

Доведя стажера до лифта, Мяч выбрал ему уровень «Л» и, пожелав спокойных снов, пошел обратно в расчетную.

«Он мог бы стать настоящим ученым, лишь бы не перегорел...»

* * *

Проходя дверь с табличкой «Расчетная О», Мяч услышал изнутри чей-то смехок. Ему стало любопытно, кто еще решил поработать субботним утром — и поработать ли?

— Ну что ты творишь, не могу больше! — донесся знакомый женский голос.

Мяч почесал затылок и перечитал надпись. Он не ошибся: он стоял перед расчетной Анатолия, напоминавшей по звукам логово Файербаха. Пожав плечами, волхв хотел пройти дальше, как вдруг услышал:

— Чего ты там жмешься? Заходи на огонек!

Поколебавшись, Мяч постучал и, подождав немного, отворил дверь.

В комнате царил полумрак. Толстая фигура хозяина восседала на высоком кресле, похожем на трон. Гостей было трое. Света и Варя сидели на софе в домашних сарафанах. Перед ними, положив голову на Варины колени, растянулся на полу Павел. Убедившись, что огонек не выходит за рамки приличий, Мяч подошел к хозяину и поздоровался.

— Давай, сантехник, паркуйся на стол. Не бойсь, он даже меня выдержит, — великодушно разрешил Толя, напомнив гостю о его гидродинамическом происхождении.

При всей ядовитости своего характера нейронщик как-то сошелся с Балксом. Помогая ему с настройками видеошифрования, он имел тестовый доступ к некоторым камерам наблюдения.

Присев на край стола, Мяч увидел на растянутом оке пасьянс перекрывавших друг друга изображений. В одном из них он узнал коридор, где только что стоял. Загадка, как хозяин научился видеть сквозь двери, разрешилась сама собой. Анатолий был в ударе, тасуя картинки по экрану, словно гадалые карты.

В центре ока светилось изображение башни в Старой Эрзянии. Мяч залезал на нее посмотреть на ряженных дикобразов. На площадке в позе лотоса сидел худощавый молодой человек с рыжими волосами. Перед ним дымились расставленные в ряд курительные палочки. В руках он держал поющую чашу, извлекая из нее звуки черным пестиком.

— Знакомьтесь, кандидат номер раз: Яснозавр — эзотерик из Алабуги! Мастер астрального зрения в третьем поколении, — торжественно объявил Толя, читая добытый где-то перечень участников битвы.

Не впечатлившись видом эзотерика, Мяч скользнул взглядом в правую часть экрана. Там виднелся деревянный помост, вокруг которого толпились туристы. Заметив его интерес к этой карте, Толя увеличил ее, сдвинув к центру.

На экране появился танцор в цветастом балахоне. Его лицо застыло в блаженной улыбке, а движения напоминали брачный танец аиста, вызывая восторг у зрителей, принимавших его за юродивого аниматора.

— Кандидат номер два: индус Прану. Утверждает, что умеет слышать дыхание Вселенной, — загадочным голосом прочитал Толя, вызвав смешок у Вари.

Девушка игриво болтала ногой, оживляя блаженное лицо Пашки, лежавшее на ее коленке. Узнав ее смех, Мяч улыбнулся, вспомнив свою мысль про логово Файербаха.

Седоватый танцор выглядел интереснее эзотерика — в его неторопливых движениях сквозило знание жизни.

Дав зрителям насладиться его танцем, хозяин вновь перетасовал карты, вытащив на середину необычную девушку. На ней была черная косынка, повязанная на манер, как носила Мишина мама, и темно-серое платье, стелющееся до самой земли.

— Третий кандидат: монахиня Дарья из Завидеева! — с ехидным пафосом произнес Толя.

— Дарья у нас умеет... хм, информация закрыта. В общем, темная лошадка.

Девушка неторопливо прогуливалась вдоль частокола, разглядывая старые потрескавшиеся валуны. Лицо ее было сосредоточенно и спокойно. В отличие от своих соперников, монахиня работала без внешних эффектов.

— Ну что, господа, время делать ставки! — предложил Толя, деловито покачиваясь.

Даже в обществе, где умерли деньги, азарт поставить что-то на кон, бросив вызов своей удаче, продолжает тревожить неокрепшие сердца. Но чем можно рискнуть, если блага не передаются другому, а все вокруг под присмотром кристаллов?

Анатолий нашел простое решение, устроив тотализатор знаний. Раз в месяц каждому сотруднику разрешалось в качестве поощрения задать Феликсу один личный вопрос, не связанный с работой. Нейронщик сделал это предметом риска: проигравший должен был спросить что-то по желанию победителя.

Посоветовавшись, гости начали делать ставки. Оба аналитика выбрали эзотерика, посчитав его методы работы наиболее похожими на местных ведунов. Варя поставила на Прану, не устояв перед его танго со Вселенной. Мяч, по началу желая уклониться от игры, уступил уговорам и для разнообразия выбрал монахиню. Сам хозяин в ставках не участвовал: его комиссией было знание чужих ответов, проходящих через его руки.

Покинув подпольный тотализатор, Мяч поспешил в свою келью: он забыл запустить расчет, подготовленный Колюжным. Обрадованный новой работой Пухляш захлопал в ладоши, оживляя стелющийся водопад. Подмастерье уселся рядом и начал корпеть над уравнением Лаудана, подбирая подходящее преобразование для катушки с током.

Посидев так пару часов, он почувствовал, что идеи закончились. Дойдя до оранжереи, он стал смотреть на повидавшую многое и оттого ставшую весьма неторопливой Оку.

«Не спешит, а все успевает», — проплыла в его мыслях детская загадка.

Мишин лич вздрогнул: чучел переслал ему сообщение от Елены. Бывшая жена сообщала, что их сын заболел и просила выслать средства на лечение.

Второй и худшей новостью стал запрет от врача пользоваться чуй-набором. Взрослые пожданцы лечились молитвами и отварами, прибегая к лекарствам только при оскудении веры. Но Федя был ребенком и находился под надзором Трояна. За его здоровьем следили врачи

из Стрибова. Однако на этот раз Елена зачем-то обратилась к местному дьячку-лекарю, и тот, увидев мигающий чуй-набор, сразу нашел причину всех Фединых болезней.

Услышав это, Мяч посмурнел. Мракобесие, от которого он бежал из остатка, настигало его повсюду. Волхва бесила собственная беспомощность. Всё, что он мог сделать, — отправить очередную жалобу Трояну.

Черная косынка монахини, на которую Мяч зачем-то поставил, всплыла в памяти, усилив досаду.

Поднявшись в свой номер, он вышел на балкон, чтобы успокоиться. Но воздух был слишком горяч, вызвав новый прилив раздражения. Плюнув на землю, Мяч хлопнул дверью и завалился спать, не раздеваясь.

Проснувшись, он ощутил сильный голод и поспешил в столовую. Попав в промежуток между обедом и ужином, Мячу пришлось довольствоваться остатками меню. Кое-как перекусив, он спустился в расчетную, где увидел довольного Пухляша. Сидя на облачке, тот беззаботно болтал ногами в ожидании новой работы.

Удивившись его прыти, волхв велел показать вариант с наилучшим правдоподобием.

В зеркальной капле возник странный чертеж: из плоского основания растопыренными пальцами росли семь катушек, сплошь обмотанных проволокой.

Недоверчиво крякнув, Мяч подошел поближе, пытаясь понять, как эта штука может работать. В этот момент его запястье дернулось, напоминая о начале битвы.

Выругавшись, что дал себя уговорить, волхв скопировал чертеж и отправился в лекторий.

Там были все расчетники, кроме Колюжного, который так и пребывал в лечебном сне. На большом экране один за другим появлялись судьи. Наблюдая за ними, Мяч заметил, как слева от Севы засветилось пурпуром всегда темное окно. Это означало, что на битву пришел сам товарищ Вальтер — пращур, курировавший Китежбург по линии Чура.

Удивленный, Мяч перевел взгляд на левую половину, занятую перунцами, в надежде увидеть визави Вальтера — легендарного полковника Труфанова. Однако никого, кроме дремавшего Лещева, там не было.

На экране появилось изображение читальни. Это был зал, где ведуны прозревали музейные экспонаты. Белая полоса на полу делила его на две половины. Слева сидели трое знакомых Мячу кандидатов. В центре, за стойкой, в сером мундире стоял поводырь. Мяч знал, что поводырей в Китеже отбирали из перунцев, особо устойчивых к психическим внушениям.

Правая половина ринга пустовала.

Прошла минута, и дверь в стене отворилась. В вошедшем Мяч узнал мастера Вика, ощутив в груди неприятное покалывание.

Двинувшись по залу походкой барина, колдун сделал легкий поклон перед камерой, будто зная, что на него смотрит Вальтер. Махая тростью и шурша длинными фалдами, Вик прошелся вдоль скамьи с новобранцами. Не удостоив их взглядом, он вернулся на свою половину и сел в приготовленное кресло.

— Ну что ж, полагаю, можно начинать? — учтиво спросил Гром у куратора.

Получив от него незримое согласие, он обратился к участникам:

— Товарищи кандидаты! Перед вами сейчас появятся три предмета. Ваша задача — описать, для чего они использовались. На это вам дается десять минут. Ведущий, прошу включить отсчет!

Поводырь склонил голову и, взмахнув рукой, произнес:

— Время пошло!

В нижней части экрана начался отсчет. Из открывшегося пола в центре читальни выросла прозрачная витрина, внутри которой один над другим стояло три закрытых ящика.

Кандидаты поднялись с мест и подошли поближе. Со своей стороны Вик также приблизился к витрине, держа перед собой вытянутую трость. По его покрасневшему лицу было заметно: колдун собрался и начал работать.

Остальные тоже не теряли времени.

Широко расставив руки, Прану начал двигаться, изображая танец сиртаки. Яснозавр ловко сел в позу лотоса и зажег перед витриной три свечи. Одна лишь монахиня осталась на своем месте, едва заметно сжимая пальцы, словно что-то ошупывая.

Зрители с интересом наблюдали за их безмолвным поединком.

— Стоп! Время вышло! — нарушил тишину рефери.

Все, кроме Прану, вернулись на свои места. Его сиртаки все еще набирал силу. Поводырь остановил танцора, дернув за цветастый балахон.

Взяв за стойкой планшеты, он раздал их участникам для записи прозрений. Тут выяснилось, что индус не умеет писать по-русски, и поводырю пришлось делать это за него. Через несколько минут он собрал планшеты и вывел результаты на экран.

Мяч не запомнил ответов всех участников. В его памяти остались только ответы ведуньи: в первых двух ящиках она прозрела ритуальные предметы, а в третьем — часть какого-то древнего технического устройства.

Судьи, знавшие содержимое ящиков, взяли паузу, чтобы выставить оценки.

Во втором туре кандидатов ждала очная ставка с мастером Виком. Перед началом этого испытания, им велели удалиться.

Первым в читальню пригласили Прану, которому достался ящик №1.

Как оказалось, мысль индуса не могла стоять на месте — даже для уточнения собственных прозрений ему требовалось движение. Ответы Прану показались Мячу односторонними. Танцор в основном описывал эмоции, которые предмет вызывал у его владельцев.

Вик смотрел на индуса с явным презрением, отвечая на вопросы четко и по существу. Было видно, что в умении прозревать предметы колдун значительно сильнее.

Вторым в читальню вошел эзотерик. Перед ним открыли большой ящик — №2.

Подойдя к витрине, Яснозавр закрыл глаза и широко расставил ноги. Потомственный ясновидящий, он чувствовал себя уверенно, превосходя Вика в точности ответов. Заметив это, колдун побагровел и устался на юношу, как змея на лягушку.

Вскоре это подействовало. Яснозавр начал сбиваться, тереть лоб, а затем и вовсе заявил, что ему плохо, выскочив из читальни под торжествующую улыбку Вика.

Колдун славился умением гипнотизировать противников. За это его и приглашали на битву, испытывая кандидатов на прочность.

* * *

Последней в читальню вошла монахиня. Судьи оставили ей третий ящик.

Внутри лежало большое кольцо с изогнутыми отрогами, напоминавшее ржавую ладонь. Дальше состоялся диалог, который Мяч запомнил почти дословно.

Взяв планшет с ответами девушки, поводырь спросил:

— Товарищ Дар, вы продолжаете утверждать, что данный предмет является частью древнего устройства?

«Дар?» — хмыкнул Мяч, вспомнив, как Толя называл монахиню Дарьей.

— Да, это так! — уверенно ответила девушка. — Эта деталь сложного механизма, расположенного где-то неподалеку.

— Ну что за глупость, она слепая или не училась в школе? — не выдержала вдруг Митрофанова, входившая в состав судей. — В любом учебнике истории есть изображение височных колец! Какой еще сложный механизм? Это обычное украшение!

— Она ведь из монастыря, могла и не знать, — попытался смягчить ее выпад Гром.

— Мастер Вик, каков ваш ответ? — спросил поводырь, слушая их по наушнику.

— Это оберег для защиты от злых духов, — ответил колдун без привычной вальяжности. Чувствуя на себе взгляд ведуньи, он переминался с ноги на ногу, то и дело поправляя черепаховый амулет на короткой шее.

— Ну вот видите, Вик почти подтвердил мои слова, — отозвалась Митрофанова. — В древности эти украшения действительно использовались как обереги и ловцы снов.

Глядя на колдуна, лицо Дарьи словно покрылось тенью. Смахнув ее с себя, как прилипшую паутину, девушка повернулась и посмотрела прямо в камеру.

В этот момент Мяч уловил движение в окне куратора. Скрытая пурпуром фигура наклонилась, будто к кому-то обращаясь.

Видимо, услышав его, поводырь задал следующий вопрос:

— Товарищ Дар, а как именно использовался этот предмет?

Дарья ненадолго задумалась, а потом неожиданно достала из кармана желтый мелок. Подойдя к стене, она начала чертить, на ходу поясняя свой рисунок.

— Это кольцо было обмотано проволокой, по которой шел ток. Оно цеплялась за другое, потом за третье. Получалась длинная цепь, как гирлянда, понимаете?

При этих словах к обсуждению подключился профессор Лаудан.

— Звучит красиво, но это полная ерунда! Мы давно установили, что медь экранирует симпоток и не может быть использована в качестве проводящего элемента. Это всё равно что пропускать ток через моток ниток. Не правда ли, коллега? — обратился он к Манношкину.

— Да, это так, — весомо подтвердил экспериментатор. — Медная проволока оказалась бесполезной. Если взять сплошной лист металла — можно добиться экранирования, а все эти катушки симпоток просто не заметит.

При слове «катушки», Мячу вспомнилась схема Пухляша, сохраненная в его лице. Раскрыв ее, он обомлел, видя, что она почти совпадает с рисунком ведуньи.

Не зная, что делать, он застыл, будто увидев чудо.

Тем временем допрос продолжался. Поводырь вывел на стену карту Эрзянии.

— Вы сказали, что этот предмет — часть механизма, находящегося неподалеку. Можете указать это место на карте?

Девушка помолчала, а потом, взяв у поводыря светящуюся указку, стала водить ею по стене, постепенно приближая масштаб.

— До конца не уверена, но по ощущению это здесь, — сказала она, показывая на холм радений.

— И что же здесь было? — уточнил ведущий.

— Башня... Огромная башня, метров двадцать в высоту. Как колокольня. Снаружи каменная, а внутри вся из металла. На этом холме должно остаться много таких колец, — ответила Дарья, глядя на карту остекленевшим взглядом.

— Ну и бред! — снова вспыхнула Митрофанова. — Перед строительством мошевика мы проводили в этом месте раскопки и нашли фундамент древнего храма. Скорее всего языческого — планировка слишком нетипична. Но никаких металлических колец мы там, разумеется, не нашли.

— Мастер Вик, ваша версия? — обратился поводырь к колдуну.

— На этом месте был языческий храм, — четко ответил тот, будто услышав слова профессорши.

Он снова говорил уверенно, чувствуя, что судьи на его стороне.

— Молодец, Вик. В общем, мне всё ясно, — победно воскликнула Митрофанова. Однако по движению в пурпурном окне Мяч понял, что допрос еще не окончен.

Поводырь вновь обратился к Дарье:

— Скажите, а для чего была построена эта башня?

— Не военная... не для связи... не для дозора... Что-то из энергетики... Да! Через нее шла энергия.

— Вах-вах-вах! — по-турецки воскликнул Лаудан. — Мне кажется, пора заканчивать. Эта ведунья путает прошлое с настоящим. Она рассказывает про наш мощевик.

Все дружно засмеялись.

— Да, девушка с фантазией, — согласился Лещев, не понимая, чего добивается пращур. — Думаю, судьям все ясно. Фантазерам лучше жить при монастыре. Предлагаю голосовать!

Словно чувствуя обращенный к ней негатив, монахиня перестала говорить и опустила на стул, сложив на груди руки.

Вик тоже присел, вращая в ладонях трость с инкрустированным черепом.

Видя, что сейчас всё будет кончено, Мяч вдруг почувствовал, что должен вмешаться.

Преодолевая робость, он дрожащими пальцами выбрал на лице «Подключиться к собранию» и хриплым голосом заговорил:

— Одну минуту, товарищи! Я прошу вас взглянуть на результат, полученный нашим кристамозгом.

С этими словами он вывел на экран схему, рассчитанную Пухляшом.

— Кто это говорит? При чем тут кристамозг? Кто дал слово пестуну? — понеслись в ответ недовольные голоса.

Мяч сжался под стрелами взглядов. Сидящие в лектории смотрели на него в недоумении.

— Тише, товарищи, у нас каждый имеет право высказаться! Дайте пестуну договорить, — вмешался Гром, выступая в несвойственной ему роли адвоката.

— Благодарю, — выдал Мяч и, откашлявшись, продолжил:

— Обратите внимание на эту схему удержания симптока. Посмотрите, как она повторяет рисунок ведуньи. По-моему, они слишком похожи, чтобы быть простым совпадением.

Возникла долгая пауза.

Зрители сравнивали чертеж, не в силах отрицать его сходства.

Мяч заметил, что монахиня поднялась со своего места и смотрит прямо в камеру. Он хлопнул себя по лбу, сообразив, что второпях подключился к общей трансляции.

— Все это говорит о неправильности ваших расчетов, молодой человек! — наконец заявил опомнившийся Лаудан. — Симпоток не может распространяться по проводам. Мы обсуждали это минуту назад. Вы что, только подключились?

Мяч стушевался, не зная, что ему ответить, но тут вмешался Егоров.

— Но согласитесь, коллеги, подобную схему мы еще не пробовали. Полагаю, не стоит отметать ее с ходу. По-моему, вариант любопытный.

Между судьями вспыхнула перепалка, но Мяч ее уже не слышал — он смотрел на Дарью.

Лицо девушки застыло в напряженной задумчивости. Было видно, как ее взгляд блуждает по залу, словно читая только что открывшуюся страницу невидимой книги.

Тем временем спор накалялся. Чтобы успокоить судей, Сева объявил перерыв.

— Ну и заварил ты кашу! — неодобрительно бросил Мячу Влад, поднимаясь с места. Он спешно вышел из зала, чтобы подключиться к закрытому обсуждению.

— Зато движуха! Зачет тебе, сантехник! — с уважением произнес Анатолий.

— А девчонка — молодец, красиво уделала Вика! — заметил с галерки Файербах.

— Так что с нашими ставками? — встрепенулась Варя, которой очень хотелось выиграть.

— Подожди немного, сейчас всё объявят, — успокоил ее Толя.

Через несколько минут на экране появились раскрасневшиеся лица судей. Быстрой походкой в зал вернулся Егоров и сел на свое место, стараясь не смотреть на Мяча.

— Итак, объявляем результаты битвы! — официальным тоном произнес Сева. — Прану — 6 баллов, Яснозавр — 7, Дар — 4 балла.

Павел, ставивший на эзотерика, довольно потер руки, но Гром еще не закончил:

— Из-за возникших разногласий судьи решили оставить двух кандидатов: Прану и Яснозавра с испытательным сроком на два месяца. По товарищу Дару будет принято особое решение. Битва окончена!

Око погасло, на этот раз окончательно. В лектории начались обсуждения.

Громче всех были Паша с Варей, споря, кого считать победителем. Вспыльчивая девушка грозилась обидеться, если ей не уступят. Павел уговаривал возлюбленную не быть букой и воспринимать всё как игру.

— По правилам анатолизатора, из-за возникшего форс-мажора ваши ставки сохраняются до конца испытательного срока! — рассудил Толя в лучших традициях Соломона, успокаивая спорщиков.

Но Мячу было не до ставок. Незаметно выйдя из зала, он вернулся в расчетную и, опустившись в кресло, обхватил руками пылающую голову.

Лич вздрогнул, высветив сообщение от Егорова:

«Осторожнее, Михаил! Не стоит наживать врагов так быстро!»

Мяч тяжело вздохнул, выставив на лице статус «Не беспокоить».

Ему хотелось побыть одному и разобраться.

— Что, собственно, произошло? — рассуждал он вслух. — Я просто показал расчет Пухляша, который отчего-то совпал с рисунком ведуньи. Я мог показать его завтра или на следующем собрании... И ничего бы не изменилось... Всё осталось бы по-прежнему...

Говоря это, волхв пытался отогнать от себя назойливую мысль, звенящую в ушах словно писк утреннего комара:

«Ты вмешался не в битву ведунов — ты влез в большую игру...»

Но что это за игра и каковы в ней ставки, Мяч поймет *весьма* не скоро.